

Разноцветье Чернобыля

Стихи. Проза.

Воспоминания

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

РАЗНОЦВЕТЬЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Стихи. Проза. Воспоминания

Красноярск
СФУ
2016

УДК 821.161.1:621.311:504
ББК 84(2=411.2)6-443
Р176

Ответственные за выпуск
В. А. Михайлов, А. Ю. Калиняк

Р176 **Разноцветье Чернобыля.** Стихи. Проза. Воспоминания /
отв. за вып. В. А. Михайлов, А. Ю. Калиняк. – Красноярск :
Сиб. федер. ун-т, 2016. – 336 с.
ISBN 978-5-7638-3453-6

«Разноцветье Чернобыля» – сборник стихов, прозы и воспоминаний ликвидаторов последствий катастрофы на ЧАЭС, произошедшей 26 апреля 1986 года. Это творчество авторов-непрофессионалов, в большинстве своём самих участников ликвидации аварии, чьи стихи звучат убедительной правдой об этой катастрофе XX века, след которой никогда не сотрётся в памяти человечества.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 821.161.1:621.311:504
ББК 84(2=411.2)6-443

ISBN 978-5-7638-3453-6

© Сибирский федеральный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ	11
<i>Артамонов Н. И.</i>	
ЧЕТВЁРТЫЙ БЛОК	11
ПОДАРОК	11
<i>Астафьева-Чернавских Т. Г.</i>	
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ	12
<i>Винников А. П.</i>	
ИЗ ГОРЬКИХ БЕД ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ	19
<i>Головчанова Е. И.</i>	
ТАК МАЛО... ..	20
SOS.....	21
КАК ДЕДЫ НАШИ СПАСАЛИ РОДИНУ	21
ЭТО, ДОЛЖНО БЫТЬ... ..	21
Я С КОНЦА ЯНВАРЯ НАЧИНАЮ МЕЧТАТЬ О ВЕСНЕ.....	22
У МЕНЯ ОТОБРАЛИ ПОЛСОЛНЦА	22
МНЕ ПОМЕШАЛИ.....	22
Я ДУШУ СВОЮ ПОЛОЩУ.....	22
ФОРТЕПИАНО	23
ПРОЗА. ОТЕЦ.....	25
МНЕ 20 ЛЕТ.....	25
ОТЦУ... ..	26
ЛЮДЕЙ ТАК ЛЕГКО... ..	27
НЕЗАБУДКА	27
<i>Горбатенко М. В.</i>	
ПАМЯТЬ	28
ВРЕМЯ.....	29
ВДОХНОВЕНИЕ	29
ОТВЕТ	29
ТЫ УШЛА.....	30
Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ	30
ТЕБЕ.....	30
О ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ	31
ТЫ ТАК ХОТЕЛА МЕНЯ ОБНЯТЬ	31
ВОТ И СТАРОСТЬ НЕЗАМЕТНО ПОДКРАЛАСЬ	31
ЛУНА.....	32
НОВОГОДНЕЕ	32
Я ХОЧУ УЛЕТЕТЬ	33
ПОНИ.....	33
ОПТИМИЗМ	33
СУДЬБА	34
УЛИТКА НАХОДИТСЯ В ДОМИКЕ.....	34

Горелик В. В.

ЧЕРНОБЫЛЬ В НАШИХ СЕРДЦАХ.....	35
ЧЕРНОБЫЛЬ НЕСРАВНИМ С АФГАНИСТАНОМ.....	37
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПРОШЛО... ..	39
ДРУЗЬЯМ.....	40
БОЖЬЯ МИЛОСТЬ	41
В ПОМИНАЛЬНЫЕ ДНИ... ..	42
ОЧЕРЕДНОЙ	42
НАДЕЖДА	43
ПРАВО НА ВЫБОР.....	44
ЛЮБИМОЙ.....	45
РАЗЛУКА.....	45
НЕУДОБНАЯ ПРАВДА	46
КАК НОЧЬ ДЛИННА... ..	46
ЧТО ПРОИСХОДИТ?.....	47
НА УЛИЦАХ КРЫМА	48
В СЕВАСТОПОЛЕ.....	48
ПРЕСЫТИЛАСЬ МИРОМ ЕВРОПА.....	48
ИХ НРАВЫ.....	49
ДЕНЬ ПАМЯТИ	49

Гранкина Л. Г.

ПИШУ О МОЕЙ РОДИНЕ	51
О РОДИНЕ.....	51
ДОМ	52
ЧТО СТАЛО С РУССКОЮ ДЕРЖАВОЙ?.....	52
НЕ ЗОВИТЕ РУССКОГО ФАШИСТОМ.....	53
ОЛЕГУ ТИБЕКИНУ, ГЕРОЮ РОССИИ	54
ПАМЯТЬ.....	55
1812 ГОД.....	55
НА АНГАРЕ	56
В ПЕРЕХОДЕ	57
МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ.....	57
ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ	58
ОБЪЕКТ «УКРЫТИЕ».....	59
ЧЕРНОБЫЛЬЦАМ	59
СОВРЕМЕННОМУ ОТ ЧЕРНОБЫЛЬЦА.....	60
СВЯТО-УСПЕНСКАЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА	60
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО	61
В НАШЕМ ВЕКЕ.....	62
О ЛЮБВИ НЕ ГОВОРИ, ДОКАЗЫВАЙ	62
О ЛЮБВИ.....	62
ТАНГО	63
ШОПЕН, «МАЗУРКА»	63
ПОРТРЕТ.....	64
ХОРОШО ЛИ ВАМ?!	64
ПЛОД ЛЮБВИ.....	65
ТЕМ ХОРОША СЕДАЯ СТАРОСТЬ.....	65
СЕРДЦЕ	66

ПРИРОДА РУССКАЯ, СПАСИ МЕНЯ, РОДНАЯ.....	67
ГРОЗА	67
ОСЕНЬЮ	67
ПЕРВЫЙ СНЕГ	68
СНЕГ ВЕСНОЙ.....	68
ТОПОЛЬ.....	69
ЭТО ВСЁ О НЁМ	69
ПРОЗА. Рубрика: Дети войны. Испытать и выжить	73
МЕКСИКАНСКАЯ СВАДЬБА.....	74
ИЗ СЕРИИ «ТАЁЖНЫЕ ИСТОРИИ». НА ОХОТЕ.....	75
ЖАДНЫЙ ПАСЕЧНИК	78
СОТРУДНИЦА	80
 Иванова Л. С.	
ФИЛОСОФСКОЕ	83
ЖИЗНЬ	84
ЦЕНА ПОБЕДЫ	84
РЕКВИЕМ ПО НЕРОЖДЁННЫМ ДЕТАМ ЧЕРНОБЫЛЯ.....	85
 Калиняк А. Ю.	
ТУЧИ РОДИНЫ	86
АТИЛЛА, ВЕК XX, ГОД 86.....	87
СТЕНА.....	88
НА РАССТОЯНИИ ОТ СТЕНЫ	89
ГОСПИТАЛЬНЫЙ СОН.....	91
ВНОВЬ УВИДИМСЯ.....	94
ЗАВТРА БУДЕТ ВЧЕРА	95
ЗВЕЗДА ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО БРАТСТВА	96
ЧАСОВОЙ	97
ДИКАЯ ДИВИЗИЯ.....	97
СОВРУДНИК. «ПОНИМБА»	102
ЦАЦАЧКИ	103
УТЁС «ФАБЕРЖЕ»	107
СИННИЕ ЗВЁЗДЫ	114
АРМАН И СОРОК Д'АРТАНЬЯНОВ	130
Глава 1. Домик.....	132
Глава 2. Ришелье	133
Глава 3. Гвардейцы.....	137
Глава 4. Таверна	139
Глава 5. Доклад	142
Глава 6. Влюблённый д'Артаньян	145
Глава 7. Королева и де ла Треваль	146
Глава 8. Д'Артаньян и Фаворитка	148
Глава 9. Тревога.....	150
Глава 10. Арест.....	152
Глава 11. Стрелок.....	153
Глава 12. Казнь	154
Глава 13. Ришелье и спецагент	158
Глава 14. Рекрут	161
Глава 15. Подвиг де ла Фера де Атоса.....	164
Глава 16. Знакомство.....	167
Глава 17. Кабинет.....	170

Глава 18. Ковёр	171
Глава 19. Схватка	172
Глава 20. Близнецы	176
Глава 21. Ласточка	177
Глава 22. Снова ковёр	178
Глава 23. Дубовый стол	179
Глава 24. Прорыв.....	182
Глава 25. Брат-гонец	183
Глава 26. Засада.....	185
Глава 27. Новобранец	186
Глава 28. Маркизат.....	190
Глава 29. Встреча с ле Монте.....	193
Глава 30. Замок ле Монте	194
Глава 31. Клад	196
Глава 32. Затишье.....	200
Глава 33. К финалу.....	205
Глава 34. Ангارد! Алле!	206
Глава 35. Паруса.....	208
Глава 36. Британия	209
Глава 37. Фиаско	210
Глава 38. Кардинал, инспекция.....	211
Глава 39. Бастион	213
Глава 40. Смоленская война.....	220
Глава 41. Кавказ	222
Глава 42. Не хмурьтесь, шевалье	225

Малороссиянов А. Л.

ВОСПОМИНАНИЯ	227
--------------------	-----

Михайлов В. А.

НЕ ПРЕТЕНДУЮ Я НА ГЕНИАЛЬНОСТЬ.....	229
ПУСТЬ В ДНИ СПРЕССУЮТСЯ ГОДА	229
ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ	230
СПАСИБО ВАМ	230
СТИХ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЕЙ.....	230
ВПУСКАЯ В НОВЫЙ ГОД.....	231
ПРЕДНОВОГОДНЕЕ	231
ПРИСНИЛСЯ СОН	231
Я ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ	231
ДРУЗЬЯМ, ПО ОСЕНИ УШЕДШИМ	232
Я СЕГОДНЯ НЕ УСНУ ДОЛГО	234
N.N.	234
ЯВИЛАСЬ, СЛОВНО ИЗ ТУМАНА.....	235
ПОЖЕЛАНИЯ ЖЕНЩИНАМ К 8 МАРТА.....	235
РУКИ ХОЛОДНЫЕ	236
ОБЪЯВЛЕНИЕ	237
Я ДОЛГО НЕ МОГУ	237

Семёнов В. И.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ ДЛЯ ДУШИ!.....	239
ВДОХНОВЕНИЕ	240
ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ.....	240
ПРИЗНАНИЕ	241
НАВАЖДЕНИЕ	241

ДЕТЯМ!	242
Я ВО ПСКОВЕ.....	242
СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЭТЕССЕ ЕКАТЕРИНЕ ДРЫЧКОВОЙ.....	243
ДОКТОРУ НАТАЛИ	243
НАЗИМОВСКИЕ ВЕЧЕРА	244
ВОЗВРАЩЕНИЕ С РЫБАЛКИ В ТУМАНЕ	245
В МОЕЙ ПАМЯТИ ЧЕРНОБЫЛЬ.....	246
ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ.....	247
ПРОЗА. СЛУЧАЙ В ТАЙГЕ.....	249
ПОДЗЕМНЫЕ КОРИДОРЫ	250
Я СПАС СОСЕДСКУЮ ДЕВЧОНКУ	253
ЛЕДОХОД НА ЕНИСЕЕ 1956 ГОДА.....	255
ВСЁ РАДОСТНОЕ И СЧАСТЛИВОЕ.....	258
ТАК НЕОЖИДААННО КОНЧАЕТСЯ!	258
НАШ МАРШРУТ: КРАСНОЯРСК – ст. МАНА	258

Слундов Б. И.

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ.....	262
ВЫ ПОДВИГ СОВЕРШИЛИ	263
ОМСКИМ ЧЕРНОБЫЛЬЦАМ И ДРУГИМ ПОСТРАДАВШИМ ОТ ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ ПОСВЯЩАЕТСЯ.....	264
ВETERANAM BOЙНЫ И ТРУДА	265
ПОЛК СИБИРСКИЙ СО МНОЙ	266
ВАШ ДУХ НЕ СЛОМЛЕН	267

Усевич И. В.

ПОЭМА	270
-------------	-----

ГЕРОИ СРЕДИ НАС	277
------------------------------	------------

Александр Васильевич Лазунько	277
-------------------------------------	-----

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПОДВИГ

Н. А. Шотов.....	279
------------------	-----

Р. Г. Яруллин, А. И. Строльский

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПРИЗЫВ	280
----------------------------	-----

В. М. Моторин

13-й РАЙОН.....	281
-----------------	-----

***Стихи и песни, написанные неизвестными участниками ликвидации
последствий аварии на Чернобыльской АЭС***

ЧЕТВЁРТЫЙ БЛОК	284
----------------------	-----

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ БЫЛИННАЯ 1986–1987	285
--	-----

РЕДЕЕТ СТРОЙ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ РОССИИ	286
--	-----

МАТЬ-МАЧЕХА	287
-------------------	-----

САРКОФАГ	287
----------------	-----

КОЛОКОЛА ЧЕРНОБЫЛЯ	289
--------------------------	-----

БОЛЬ	289
------------	-----

ПРОЩАНИЕ	289
----------------	-----

УДАЛИТЕ МНЕ, ДОКТОР, МОЗГИ	290
----------------------------------	-----

УХОДИМ МЫ.....	291
----------------	-----

РЫЖИЙ ЛИСТ	291
ВАША СОВЕСТЬ	292
СТЕНА МОЛЧАНИЯ	293
ТРАВА НЕЗАБВЕНИЯ	294
АТОМНЫЕ СОЛДАТЫ	295
26 АПРЕЛЯ	296
ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ НАБАТ	297
ЛЮДЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ	297
33 РЕНТГЕНА	298
ГОРБУН	299
ЭПИЗОД	299
САРКОФАГ	302
ИРПЕНСКИЙ ВАЛЬС	303
ПЕСНЯ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СВИДАНИИ ЛУЧШЕГО ДЕСАНТНИКА НАУЧНОГО ЦЕНТРА С САМОЙ КРАСИВОЙ ДЕВУШКОЙ ЧАЭС	304
ЗОНА	305
РОМАНС О ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ПРИНЦЕССАХ	306
МЕДИЦИНСКОЕ ТАНГО	307
ЧЕГО В ЧЕРНОБЫЛЕ НЕЛЬЗЯ	308
ПАРТИЗАНСКАЯ	310
ПРИПЯТЬ	311
ЗНАК БЕДЫ	312
ТЕМ, КТО ПРИШЕЛ НА СМЕНУ	313
ПРОЩАЙ, ЧЕРНОБЫЛЬ	313
ВСЕМ ЖЁНАМ ЛИКВИДАТОРОВ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС ПОСВЯЩАЕТСЯ	315
ГЕРОИЗМ НА ВОЙНЕ	315
ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ	316
БЫЛИННАЯ	317
ВЕСНА ВСТАВАЛА НА КРЫЛО	318
ПО НАШЕЙ ЖИЗНИ ТОРНЫМ ШЛЯХОМ	319
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ	321
ГРУЗИН В КИЕВЕ	322
НЕ КОМАРОВО	323
О ЧЕРНОБЫЛЕ	324
СОЛНЦА ДИСК УПАЛ ЗА ГОРИЗОНТ	324
ГЕРОЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ	325
СЮДА СОБРАЛСЯ РАЗНЫЙ ЛЮД	326
ГЕРОЯМ-ЛИКВИДАТОРАМ	326
ЛЕЗЬ В ТЕЛОГРЕЙКУ, САПОГИ И ШАПКУ	327
МЕСТЬ ПРИРОДЫ	327
ПЕСНЯ О ГРАНИТНЫХ ПЛИТАХ	328
ПЕСНЯ О ЛОЗУНГАХ, ИЛИ СУД В ЧЕРНОБЫЛЕ	329
ЭКСПЕРИМЕНТ ВЕКА	331
НА СМЕРТЬ Н. С. ШАЛАМОВА	332
БАЛЛАДА О СЕДОЙ ВЕСНЕ	332
РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ	334
ВЕРДИКТ	334

ТВОРЧЕСТВО ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ – ЛИКВИДАТОРОВ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

В настоящее время здоровье чернобыльцев оставляет желать лучшего и не позволяет им радоваться полноте жизни, но многие из них пишут стихи, воспоминания, рассказы. Их творчество соткано из правды, мужества, скорби и оптимизма. Они были не праздными свидетелями, а исполнителями – ликвидаторами самой большой катастрофы в атомной энергетике.

Сила духа до сих пор хранит этих людей, а творчество помогает им выживать. В их произведениях всегда чувствуется, что это не набор чужих мыслей из интернета или прочитанных книг, а именно мысли автора, им пережитые и сто раз передуманные. Поэтому так прекрасно бывает на душе у человека, который создал что-либо значительное, и ещё прекраснее, если кто-то разделит с ним эту радость.

В разделённости чувств есть высшая человечность!

*Председатель правления Красноярского краевого союза «Чернобыль»
В. А. Михайлов*

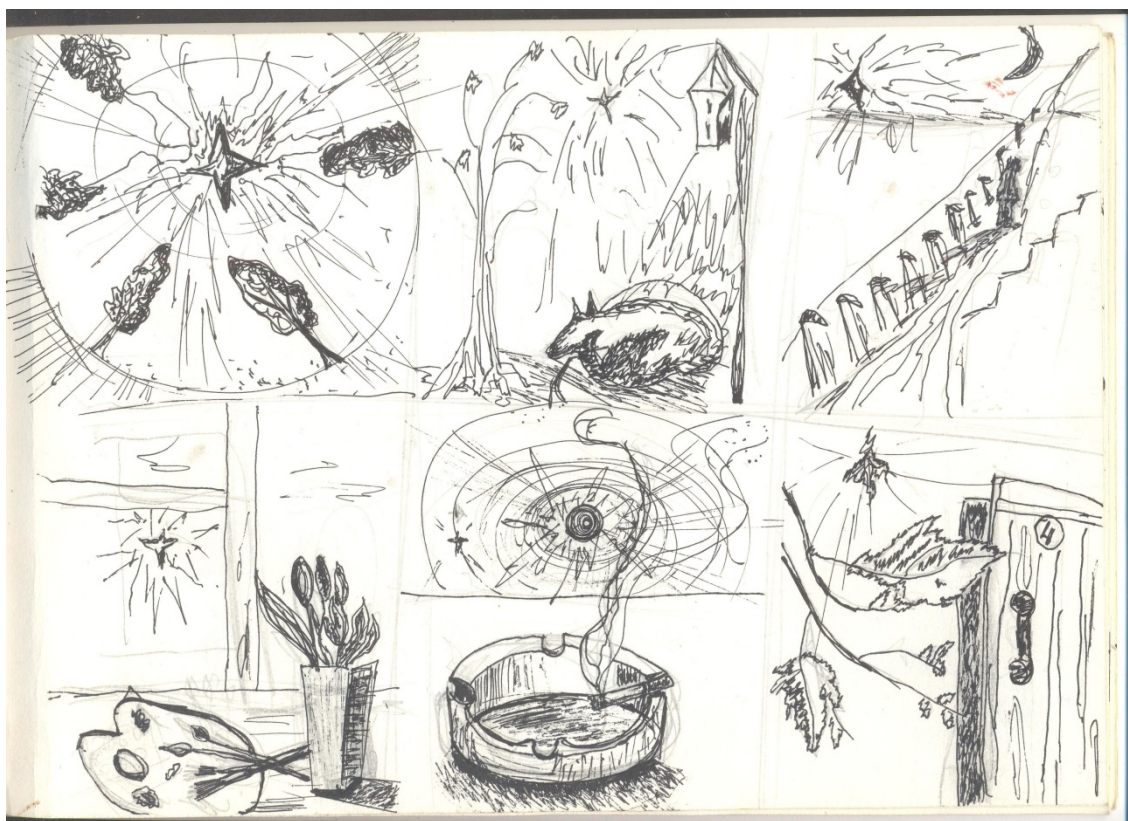

Рисунок Е. Головчановой

Н. И. Артамонов

г. Красноярск

Ликвидатор аварии на ЧАЭС. Работал с июня по август 1987 г. Отмечен памятным письмом.

ЧЕТВЁРТЫЙ БЛОК

«Чихнул разок, чихнул другой»
Четвёртый блок ЧАЭС родной.
Работал атом мирный,
Всегда он был стабильный.
Но взрыв пошёл крутой волной.
До Запада подать рукой.
Спасать людей, спасти страну
Придётся, видно, не одну.
Спасать всю Землю надо.
Иначе стронций будет и в Канаде.
Мир очень мал, он хрупок.
Не помогла тут и наука!

ПОДАРОК

От всей души дарю я чайник.
И говорю: друзей встречай
И сладким чаем угощай.
Травой душистой потчуй душу.
Здоровье будет много лучше.
Чернобыльца здоровый дух,
Поддержка от друзей. Весёлый круг.
Любите чай, он добрый спутник.
Всегда он с вами будет.

Т. Г. Астафьева-Чернавских

с. Косулино (Екатеринбург)

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ¹

1

Жила в напряжении наша Планета,
С экранов твердили: «Нас ждёт конец света».
В ту пору не ведали древние майя,
Загадочный свой календарь создавая,
Он людям сослужит недобрую службу,
И в их предсказания верить не нужно.
Быть может, тот майя, что слаживал даты,
Был парнем весёлым, отвлёкся куда-то,
Решил покурить и пошёл искать спички,
А может быть, «огненной» выпил водички
Или с подружками закуролесил
И к декабрю не добавил дней десять.
Прошло с той поры уже пять тысяч лет,
Учёные люди держали совет,
Но нужного всё ж не сыскали ответа
И сделали вывод: Грядёт конец света.
Если в старинные верить приметы,
Встанут в шеренгу, как будто планеты,
Врежется в Землю большой астероид,
Армагеддон на Планете устроит.
Люди у Бога пощады просили,
Свет двадцать первого всё же гасили,
Раньше нам тоже его отключали,
Это не повод совсем для печали.
Главное, что отменён конец света,
Здравствовать будет и дальше Планета.

¹ Стихотворение написано по просьбе Лилии Михайловны Соловьёвой. Посвящается её мужу Соловьёву Владимиру Карповичу (05.11.1948–15.02.2003) и всем, кто пострадал от чернобыльской трагедии, случившейся 26 апреля 1986 г.

2

С Армагеддоном знакомы мы были,
Ужас войны до сих пор не забыли.
Раннее утро. Все люди в постели,
Бомбардировщики в Киев влетели.
Рвутся снаряды и рушатся зданья,
Думали все, что «конец мирозданья».
В первый же день от родной Украины,
После бомбёжки остались руины.
Хоть репродуктор хрипел и трещал,
В нём Левитан о войне возвещал.
Кровь у людей стыла в жилах от страха,
Но заслонили Отчизну от краха.
Ужас тот можно сравнить с концом света,
После войны было время расцвета.
Строили фабрики, школы, заводы,
Были едиными наши народы.
Быстро вперёд продвигался прогресс,
Свет чтобы был, люди строили ГРЭС.

3

Долго мы жили в эпоху застоя,
Жизненно важные были устои,
Ленин глядел на нас вечно живой,
Лозунг был: «Партия – наш рулевой».
К власти пришёл Горбачёв Михаил,
Брежнева он Леонида сменил.
Мы назывались Страною Советов,
Вновь содрогнулась от взрыва Планета.
Помнится, близился майский парад,
Малый и старый был празднику рад.
Двадцать шестого апреля, в час ночи
Ядерный взрыв прогремел что есть мочи.
Страшный удар приняла Украина,
Атомный блок превратился в руины.
Много вопросов, но все без ответа,
Думали, что наступил конец света.

4

Взрыв был нехилый, разрушены стены,
В тысячу раз превышали рентгены,
Рыжею хною окрасился лес.
Ядерный гриб поднялся над ЧАЭС.
Тридцать пожарных к огню поспешили,
Пламя к утру они всё ж потушили,
Но облучились и умерли вскоре,
Вороном чёрным носилось там горе.
Жаль, химзащита на них не надета,
Куртки лишь были защитного цвета.
Небо от дыма как есть грозное,
В первый же день из них умерло двое.
Всюду куски от урана, графита²,
Жизнь у людей на две части разбита.
Что было «до» – словно сказочный сон,
А после взрыва – светящийся фон.
Доз тут схватили по несколько порций,
Светится цезий, плутоний³ и стронций⁴.
Знаем, металл очень долго фонит,
Крестик нательный ребят пусть хранит.
Тот, кто крещёный и кто не крещёный,
Силою духа они защищены.

5

Облучён на деревьях был каждый сучок,
А в эфире об этом пока что молчок.
Вся Белоруссия дышит графитом,
Там каждый куст изотопом пропитан.
Бэры нещадно сверх норм уже прут,
Все облучённые вскоре умрут.
Осло, Стокгольм и Берлин принакрыло,
Наше правительство данные скрыло.
Шило фонит... как в мешке утаишь?
Облако ветер понёс на Париж.

² Графит – углерод.

³ Плутоний – наиболее долгоживущий изотоп, период полураспада 80–107 лет.

⁴ Цезий и стронций – радиоактивные изотопы. Попад в организм, они поражают костную ткань, приводят к химическим нарушениям. После стронция-90 цезий-137 является самым опасным радионуклидом для человека. Он хорошо накапливается растениями, период распада составляет 30 лет.

Все европейцы и Рейган в тоске,
Жизнь горожан на одном волоске.
Мир про Чернобыль гудит и трубит,
Но государство молчанье хранит.
Наша комиссия фон занижала,
Долго те цифры в секрете держала.
Позже сказали: несчастный, мол, случай,
Из эпицентра уехать бы лучше.
Выехать срочно, взяв все документы,
Как же оставить апартаменты?
Людям признались: «Тут всё заражено»,
Плакали в голос детишки и жёны.
Кто похитрее – уехали сразу,
Не нахватили с ЧАЭСа заразу.
Дорог, бесспорно, тут был каждый час.
«Припять покинуть!» – издали указ.
Эвакуация шла без истерик,
Люди остались без крова и денег.
Стала земля полосой отчужденья,
Всех расселили по учреждениям,
Приняли в селах людей на постой,
Жизнь оказалась весьма непростой.

6

Съехались все энергетики в зону,
Мало от них было, впрочем, резону,
Было допущено много просчётов,
Видно ошибки из прошлых отчётов.
Взял ситуацию в руки Рыжков,
Начали действовать с первых шажков.
Чтоб ликвидатор не мог обессилеть,
Дезактивацию нужно усилить.
Кто пережил, знают не понаслышке,
Как продолжались в реакторе вспышки.
Принято было построить колпак
И заковать «грязный» блок в саркофаг.
Кроме того, что пожар потушили,
Долго ещё блок четвёртый глушили.
Вот вертолёт над турбиной висит,
«Господи Боже! Мальчишек спаси!» –
Молится мама, а этот юнец,

Сверху бросает песок и свинец.
Те авиаторы – гордость страны,
Нашей Великой Отчизны сыны.
Коль просочилась беда за порог,
Нужно с бедою управиться в срок.
Люди, шагнувшие в ад, – все герои!
Слишком они дорогою ценою
Предотвратили вторичные взрывы,
Патриотизма в них были порывы.
Все эти люди душевно богаты,
А в кабинетах сидят бюрократы,
С ними потом доведётся столкнуться.
Ну а пока... чтоб уйти и вернуться.
Шли, словно в бой, на машзал и на блок,
Был искорёженным весь потолок,
Чтоб побыстрее излученье закрыть,
Нужно тоннели под блоком прорыть.
Штреки рубил под землёю шахтёр.
Всяк здесь немало мозолей натёр.
Был «лепесток» и «свинцовые латы»,
И не спасали людей химхалаты,
Крепко прилип респиратор к губам,
Стиснуты челюсти – больно зубам.
Грамотно чтобы исполнить приказ,
Им обгорать приходилось не раз.

7

Многим пришлось на ЧАЭСе трудиться,
Долго в той зоне нельзя находиться.
Кто нахватает рентгенов сверх нормы,
Снимут с него заражённую форму,
Скажут: «Иди, радиацию смой
И отправляйся счастливый домой».
Всякие были, конечно, причины,
Едут на смену другие мужчины.
Толпами едут, страна-то большая,
Плачущих женщин своих утешая,
Мол, заработаю кучу рублей,
Послано много туда москалей⁵.

⁵ Москали – русские люди.

Военкоматы пошли по квартирам,
Кто был в мундире и кто без мундира,
Велено всем вновь надеть сапоги,
Служба ведь долг, а не просто долги.
В Канске семья Соловьёвых трудилась,
Землетрясение в Спитаке случилось,
Вова решил: «Надо людям помочь»,
Лиля осталась и Светочка-дочь.
Много товарищей с ним улетело,
Только родная страна захотела,
Их не в Спитак, а в Чернобыль турнуть,
Жаль, что нельзя время вспять повернуть.
Так мужики в «партизаны», попали,
В зоне опасной и ели, и спали.
Каждый познал испытаний немало.
Всем радиация жизнь поломала.
Здесь не война, не гестаповский плен,
Но убивает зловредный рентген.
Кто был на крыше и кто был в забое,
Ровно сто тысяч погибли без боя.
Хоть говорят, то что атом наш мирный.
Список тех жертв очень длинный-предлинный.
Как ни печально, их песенка спета,
Не обошёл тех людей конец света.

8

Хоть возвратился Володя живым,
Стал похудевшим и очень больным.
Глянет профессор сквозь стёклышки строго:
«Ты ликвидатор? Вас стало так много!!!»
У кабинетов стоят патриоты,
Чтоб получить все законные льготы.
Но... не спешат им выплачивать платы,
Не соблюдают закон бюрократы.
Судьбы людей катастрофы калечат.
Раны души вам никто не залечит.
Стал попадать муж частенько в больницы,
Сыпались волосы, брови, ресницы,
Сильно болели суставы и кости,
Уж девять лет как лежит на погосте.
Лиля живёт без любимого мужа,

Подвиг ценой дорогою заслужен.
Лишь после смерти награду вручили,
Вдовы все льготы с трудом получили.
Стела должна быть из бронзы отлита
Иль обелиск небольшой из гранита.
Родина, чтоб не забыла героев,
Тех, кто закрыл тот реактор собою.
Вырос внук Лёша, недавно женился,
Сын у них с Катей прекрасный родился.
Назван ребёнок в честь прадеда – Вовой,
Главное, рос чтоб мальчишка здоровым.
Дочке Светлане – отец всё-то снится,
Внучка Настёна пусть дедом гордится.

9

Много в могильник металла свалили,
Замуровали, бетоном залили.
В этом скафандре реактору быть,
Кто ещё жив – тот не сможет забыть.
Так что прощай навсегда, зона бедствия.
Долго аукаться будут последствия.
Брали всем миром, как будто Рейхстаг,
Три смельчака водрузили там флаг.
Каждый из них настоящий герой,
Долго виднелся тот флаг над трубой.
Нынче живём под другим уже флагом,
И СССР принакрыт саркофагом.
Подлость и жадность туда б запихнуть,
Чтоб мог народ полной грудью вздохнуть.
Вспомним события эти реальные,
Свечи зажжём мы за них поминальные.
Перед иконами встанем на пол.
И панихиду поставим на стол.

27 декабря 2012 г.

А. П. Винников

г. Минусинск

Родился 5 октября 1933 года. Принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС с 09.06.1986 по 09.08.1986. Инвалид II группы. Награжден орденом Мужества и грамотами УС-605.

Из горьких бед двадцатого столетия
Весной случилась та одна.
Сегодня знаем без сомнения –
Пришла Чернобыля беда.

В краю богатом и привольном,
Где с песней спорились дела,
В домах с цветущими садами
Бурьяном поросла земля.

Здесь не услышишь крик младенца,
И аист уж гнезда не вьёт,
И ветка с сочными плодами
Смертельный яд в себе несёт.

Те, кто участвовал в спасении,
Иных уж нет, а кто живёт,
Борясь с болезнями сегодня,
Надеется и что-то ждёт.

Смерть по пятам идёт за ними,
За теми, кто творил добро.
Кто жизнь отдал, своё здоровье,
Спасая вас. А для чего?

Чтоб позабытыми остались
Могилы, память навсегда,
Выходит, выгодно сегодня
Забыть чернобыльцев дела.

Мы жить хотим, не существуя,
Не виноваты в этом мы.
И вы, избранники народа,
Когда-то всё понять должны.

Е. И. Головчанова

г. Красноярск

Евгения Головчанова (Баграмова) – дочь ликвидатора последствий аварии на ЧАЭС, кавалера ордена Мужества Головчанова Игоря Борисовича (1950–2011).

*Он был не только отцом,
но и лучшим другом...*

ТАК МАЛО...

Так мало тишины, чтоб в ней понять,
Что мир уже не будет больше прежним,
Что надо научиться встреч не ждать
И вечеров, тоскливых неизбежно.

Так мало разговоров, чтобы в них
Сомнительные истины открылись,
Чтоб потеряться в снах своих цветных
И поутру гадать – зачем мне снились?

Так мало смысла стало в каждом дне...
Я не приду к итогу этих споров
С самой собой. И где-то в глубине
Так мало тишины. Так мало разговоров.

SOS

На третью неделю дождей позабудешь солнце,
И выстучит сердце: «Наши спасите души»!
Ещё сильнее, испуганное, сожмётся.
Устало оно одно, да и дождь к тому же.

Проходят дни чёрно-белой затёртой плёнкой,
И как же быть, если время – не тот целитель.
Как будто нитью незримой и очень тонкой
Связало нас, и прошу кого-то: «Души наши спасите»!

А небо не слышит будто, оно смеётся над нами,
Упрятав даже луну, ничего не скажет..
И хочется вновь повторять в унисон с дождями
Одну лишь просьбу: «Души спасите наши»!

Как деды наши четыре года спасали Родину, не высыпаясь!
Как наши отцы менее чем за минуту смерть уносили
с крыши реактора!
Мы в мирное время расслабились. Навыдумывали
диагнозов, вот я и маюсь,
Всё ищу выход из этого тесного кратера.
Унылой ямы, полной слез и никчемности.
Прошу Всевышнего: «Если не забираешь, верни меня
прежнюю, сильную.
У меня есть мама, сводные сестры красивые,
Друзья, стихи, огромный предел НЕломкости.
Как деды наши, отцы однажды чудом, но выжили.
Я не имею права страдать. Спаси меня!!!»

Это, должно быть, искусство – любить человека.
И успевать надыхаться от боли до боли,
Чтоб не цеплялась обузой память-калека,
Чтоб и в трагедиях были лишь главные роли.
Это непросто, но жизненно необходимо.
Сердце моё никогда не боялось работы.
И, променяв свой покой на судьбу пилигрима,
Я за теченья, ветра и неожиданные повороты!

Я с конца января начинаю мечтать о весне.
И придумывать юбки, и чувствовать розу ветров.
И, наверное, знаю, что видят деревья во сне,
Охраняя безмолвие зимних безлюдных дворов.
От луча до луча по секунде прибавится день,
И до солнечных пятен останется только шагнуть.
Ты моё раскалённое сердце не бойся, задень!
И потом, я прошу, в суете обо мне не забудь!

У меня отобрали полсолнца. Уже давно.
От этого там, где солнечное сплетение,
Пусто немного. И часто в глазах темно.
Слова теряют свой смысл при повторении,
Поэтому я молчу о любой любви,
За исключением родственной и к собакам
И, глубоко выдыхая на «раз, два, три...»,
Меняю тему, чтоб не хотелось плакать.

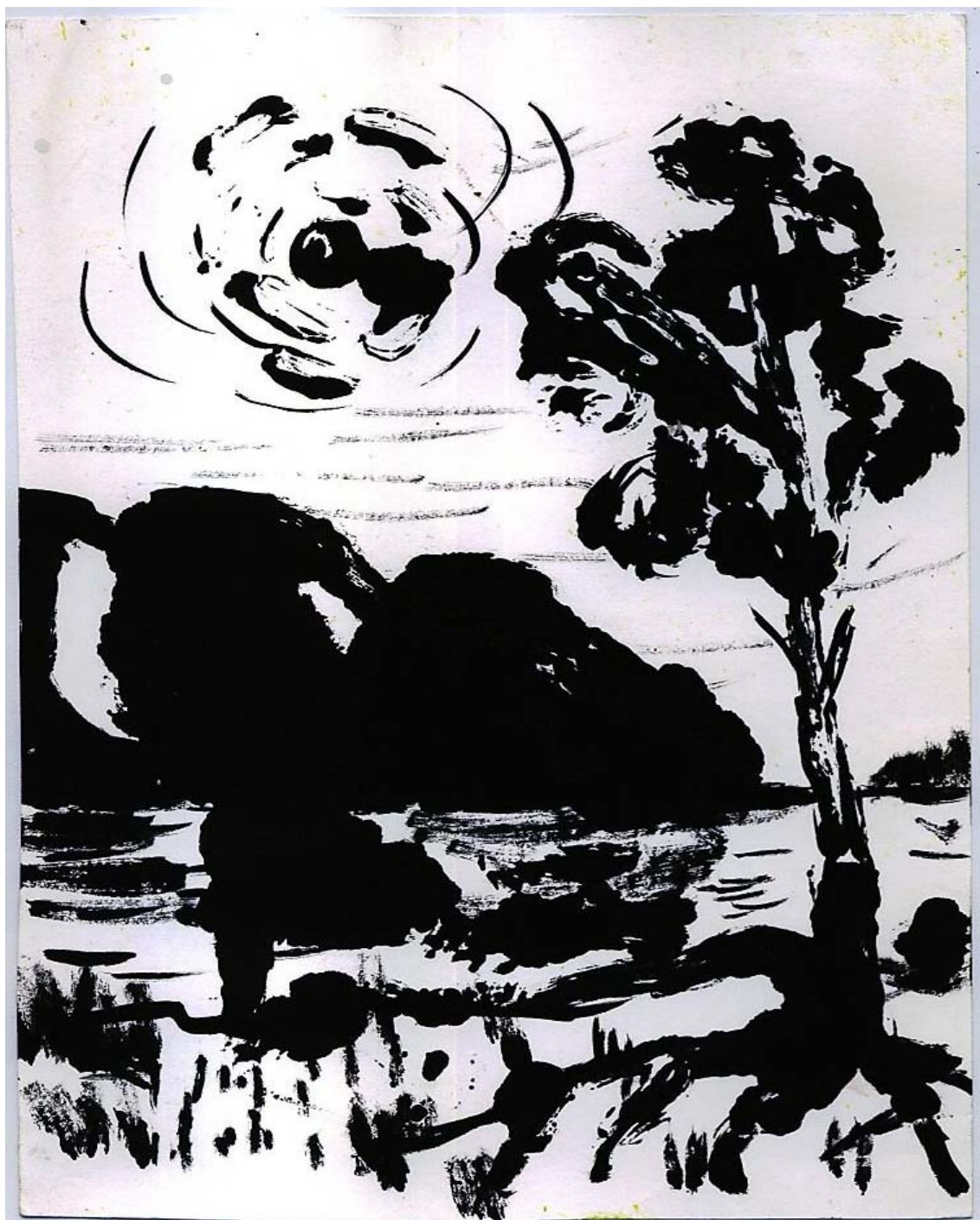
Мне помешали Вас узнать поближе
Привязанные сзади ДВА КРЫЛА.
Их будто нет. Но я всегда их вижу,
Смотрясь тайком в чужие зеркала.
И мне б лететь «свободно и красиво,
Не побоявшись встречного тепла...»
Но могут только взмахивать лениво
Привязанные сзади ДВА КРЫЛА.
Но с ними я спокойнее и тише.
Смотрясь тайком в чужие зеркала,
Я НИЧЕГО ПРЕКРАСНОГО не вижу,
Но убеждаюсь, что не умерла.

Я душу свою полощу. Без лукавства и без стеснения,
И в каждом жесте моем часть сердца, тебе поющего,
Когда мы пускаемся в долгие рассуждения
Об этой странной любви и о тщетности всего сущего.
И я тяну к ней, словно за милостынью, ладони,

Как высшую степень доверия, знак моей человечности
К девушке этой, с глазами, как на иконе,
В тихих словах которой тайные знаки вечности.
И если б ей было дано знать финал моего грядущего,
Когда я к ней не приду под вечер, и кто же кроме,
Но я еще прихожу. За ответом, искать ли лучшего
На этом стремительном и нескончаемом марафоне?..

ФОРТЕПИАНО

Вся моя жизнь похожа на forte и piano.
Раньше игралось всё на басах и громко.
Но мелодии были тоскливы, и всё мне казалось рано
Менять тональность. Как у балованного ребенка,
Не хватало сил, чтоб доиграть всё лихо.
Не хватало терпенья, чтобы исправить ноты,
И когда наконец-то стало легко и тихо
Я сменила октаву – сбавила обороты, –
И мелодии стали иными. Непривычно нежно
Зазвучало всё, что болело. Всё, что на крик срывалось.
Я не верила, что бывает так безмятежно.
И из всех композиций только «Любовь» осталась.

Монотипия. Рисунок Е. Головчановой

ПРОЗА

ОТЕЦ

Мне 6 лет. Неожиданное оживление в старшей группе детского сада. Разрумянившаяся воспитательница неожиданно по-доброму зовет меня, как всегда читающую, к входным дверям. На пороге мой отец, в форме цвета хаки и в необычной кепке. Он приехал! И пришел за мной в детский садик, чего раньше не бывало. Высокий, сильный, смеющийся. Мы провожали его в феврале 1987 года холодным утром из здания с вывеской «Военкомат». Спросив у мамы: «Он поехал на войну?» – получила тогда от нее сквозь слезы ответ: «Нет, не на войну, но там будет так же страшно». Но ведь он вернулся! Такой же, как и уезжал. Только нарисованного мной ему в путешествие петушка обратно не привез. Галдящие мальчики, подслушавшие их с воспитательницей разговор, выкрикивают слово «рация», «рация». Он с улыбкой поправляет их – «радиация». Он вернулся из Чернобыля. Только через десять лет я начну осознавать, что Чернобыль был бедой того времени, бедой страны, бедой, искалечившей судьбу моего отца и миллионов других, молодых и красивых мужчин. А пока я важно вторю отцу в ответ на шепотки глупых детей: «Не рация, а радиация». И иду с ним, счастливая, домой, с восторгом слушая его рассказы о ящиках с шоколадом в столовой. Счастливая, ведь это мои последние денечки в детсаду, потому что май и осенью я уже пойду в школу!

МНЕ 20 ЛЕТ

После перенесенной операции я беру академический отпуск и провожу много времени дома.

Сходив с утра на не столь важные работы, к обеду я возвращаюсь домой и смотрю, как отец вытачивает рукоятки для ножей.

Еще той зимой мы с отцом много разговаривали. Раньше не было такого, потому что я редко бывала дома и у каждого из нас были свои дела. У меня работа, у него бесконечные суды с соцзащитой. Но той зимой у нас появился некий ритуал. Когда мама и бабушка уже спали, мы наливали по кружке крепкого сладкого чая, закуривали по сигарете и начинали разговор.

Он стал мне рассказывать о Чернобыле. То, чего маме не говорил. Берег ее. А я после операции стала, видимо, уже дозревшей до этих тяжелых его воспоминаний. Рассказывал о том, как там «на крыше». Когда вроде бы и солнце весеннее светит, и ветерок, только затылком смерть чувствуешь. Невидимую такую.

Он был капитаном пожарной бригады во время поездки. Родина тогда, в 1986 году, сказала: «Надо». 26 апреля только пара строк в газете была об этой аварии. Только пара строк.

Уехав в феврале 1987 года, мой отец пробыл там на месяц больше, чем ожидалось, ждал сменяющую группу и вернулся только в мае. Получил очень большую дозу, так показывали дозиметры, а как было на самом деле – не узнает уже никто.

Он рассказывал мне о тех страшных приказах, которые ему как офицеру по долгу службы приходилось отдавать. Одним из таких был выезд на ликвидацию поселений. Для того чтобы мародеры не расхитили зараженные вещи, засыпали дома. Ровняли их с землей полностью. С их кроватями, колыбелями, занавесками, не убранной со стола посудой. Не у всех выдерживали нервы.

Рассказывал, что контингент в его пожарной бригаде был совершенно разного уровня образования, разной национальности, разных устоев. Ему как офицеру представляли отчет о ходе выполнения работ, и однажды один из ликвидаторов, что был родом из какой-то украинской глубинки, на вопрос об уровне радиации на крыше ответил: «Много радиации. Летает там повсюду, я сам видел – здоровая такая! Во!» И развел руками...

Говорил о молодом парне, который взял с крыши камушек «маме показать» и прожил после этого чуть более двух недель, о молодом мужчине, который отказался выполнять выезд в «зону» (по законам военного положения отказ приравнивался к дезертирству), много о чем еще...

Я спросила его в один из вечеров: «У тебя же была возможность не поехать, дедушка был все же главным инженером краевого управления пищевой промышленности, старые связи, поддельные справки о кривой перегородке в носу и так далее. Была ведь возможность? Почему ты отказался?» Он ответил тогда кратко и четко: «Чтобы глаза потом всю жизнь не прятать при встрече».

ОТЦУ...

Вчера я видела реку и белых чаек. Солнечный свет
И облака. И о чем-то смеялись люди,
И катера заводили свои моторы. Только тебя больше нет,
Тебя больше уже не будет. Уже никогда не будет.
Но всё так же стоят в величии своем горы,
Всё так же вихрятся волны о камни. Отец,
Как бессмысленны, как пусты разговоры.
Тебя больше нет. Совсем больше нет. Конец...

Уже после его ухода я набирала стихи неизвестных чернобыльцев. Стихи, родившиеся там, «в Зоне». Один из них был о том, что в борьбе с радиацией за «каждую горсть черешни, за каждую пядь земли» поднялась вся страна «от Горного Кавказа до каменных степей». Прошло менее тридцати лет, и Россия стала главным врагом Украины. Мир жесток и несправедлив, это не новость и не открытие.

Людей так легко рассадить по вагонам,
По эшелонам, по паровозам.
Продать им сладкой иллюзии дозу,
И они будут радостно хлопать в ладоши
Или показывать кулаки.
Всё в этом мире движется по спирали,
И машинисты бездумно жмут на свои педали,
Лишь кораблям нужны обязательно маяки.
А катерам нужны волны и птичьи стаи,
Солнце сквозь тучи, лески на удилах.
Только земля всегда зацветает в мае.
Как тут не вспомнить об обещанном рае?
Но паровозы всё тащат вагоны до новых плах.

2015 г.

НЕЗАБУДКА

Кап-кап...кап-кап ... Уже четвертый час ультрамариновая жидкость текла по её венам. Она все повторяла про себя свое имя, фамилию и домашний адрес. Через сутки она будет помнить только это чётко. «Если тебе доведется падать – делай это красиво». Ей необходимо было остаться красивой и четко помнить свое имя. Всё к лучшему. Всё, что было до этого момента, стерлось из памяти, будто ластиком. Вот она – безмятежность. Беспамятство. Безысходность. Первое, что она стала вспоминать после окончания двухгодичного врачебного эксперимента, – это стихи Иосифа Бродского. «...ни пространство, ни время для нас не сводня...» Но прочесть их наизусть было некому. Потом еще одно и еще одно его стихотворение. Потом телефоны друзей. Потом в онемевшей квартире какие-то фрагменты яркого прошлого. Но жизнь должна была победить. Жизнь победить. И жизнь победила. Новые краски, новые лица, новые стихи. Вспоминай! Вспоминай! И она вспомнила... как это – когда лицо подставляешь ветру, когда солнце гладит по щеке, когда будто искры по коже от счастья. «... и к тому, что мы будем всегда, в веках, лучше привыкнуть уже сегодня...»

М. В. Горбатенко

г. Красноярск

Михаил Владимирович Горбатенко работал по ликвидации аварии ЧАЭС с 26 февраля по 30 марта 1987 г. Командир взвода радиационной разведки. Инвалид II группы. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

ПАМЯТЬ

Я поднимаю свой стакан
За вас, чернобыльцы-однопольчане.
За ваше мужество,
За подвиг, совершённый вами.
За то, что вы сумели усмирить
Смертельный атом голыми руками.

Во имя жизни подвиг совершали
И мужеством своим, законам вопреки,
Взбешённый атом голыми руками
Вы усмирить смогли.

Я поднимаю свой стакан за тех,
Кто насмерть под Москвой стоял.
За тех, кто мёрз в окопах Сталинграда
И кто кольцо блокады разорвал.
Кто Прагу, Вену, Бухарест спасал.

За вас, кто, не щадя себя на фронте и в тылу,
Смог выстоять наперекор врагу.
За вас, кто выжил, кто погиб в бою,
За всех, кто подвигом своим отвёл беду,
За вас, кто совершил Великую Победу!

ВРЕМЯ

Проходит время, даже без причин
Забыть мы можем что-то.
И вспоминаем лишь друзей,
Когда глядим на фото.
Хоть встреча была коротка,
И хочется мне от чего-то...
Чтоб тебя обнимала моя рука,
Смотреть на тебя без фото.
Ветер жизни раздует года,
Словно пыль со старых книг.
Вспоминать мы будем всегда
Время прожитый миг.
Что предначертано судьбой,
Произойдёт всегда.
Но иногда нам повезёт,
И мы на том пути.
Лишь только то придёт,
Что должно прийти.

ВДОХНОВЕНИЕ

Забрезжил рассвет с силою новой,
Домой возвращаюсь дорогой знакомой.
Иду, улыбаясь тёплому лету,
Смотрели с тобой звездопад до рассвета.
Стою пред тобой на коленях,
Целую твои я руки.
Ты уходишь, унося с собой моё вдохновение,
Как мне жить теперь с ним в разлуке!

ОТВЕТ

...Под твоим окном
На белом снегу.
Нарисую букет из ромашек,
Подниму глаза и увижу тебя,
Из окна ты рукою мне машешь...
Мысли многих людей я читал,
Всё искал для себя в них совет.
Как мне правильно жить, я не знал,

А у каждого свой был ответ.
В прошествии множества лет
Понял я, где искать мне совет.
После того, как ты поживёшь,
Жизнь сама подскажет ответ.
Если ответа ты не нашёл
И остался вопрос не решён.
Значит, мимо тебя жизнь прошла,
Как обычный будничный сон...

ТЫ УШЛА

Ты ушла по-английски,
Со мной не простившись.
И остался лишь запах
Твоих ласковых рук.
Я остался один,
В пустоте растворившись.
Надо мною сомкнулся
Одиночества круг...

Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ

Без тебя мне никак не прожить,
Без вопросов твоих и сомнений.
Безгранично ты можешь любить,
Без корысти и сожалений.
Только ты можешь верить в меня,
Ты умеешь во всём разобраться.
Жизнь свою отдам за тебя,
Без тебя не смогу я остаться.

ТЕБЕ

Счастье, когда ты рядом,
С тем, кому это надо.
Когда солнце светит,
Когда рождаются дети.
Когда просыпаешься утром,
Знаешь, что нужен кому-то,
Когда обиды не помнишь,
Когда на помощь приходишь.

Разве можно сказать, что внутри,
Если быть постоянно снаружи.
Разве можно услышать, что говоришь,
Если держишь закрытыми уши.
Разве можно увидеть, что впереди,
Если смотришь назад развернувшись...

О ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ

О правильной жизни ты рассуждаешь
И совесть к поступкам своим призываешь.
Всё делать стараешься не ошибаясь,
Пусть даже чего-то не получая.
Терзаться не любишь, и тех ситуаций,
В которых бывает стыдно признаться.
Во лжи, изворотливости – нет умения,
И чёткость должна быть во всех отношениях.
Но всё-таки мысль тебя посещает,
От правильной жизни скучно бывает!

Ты так хотела меня обнять –
Как дуб, стоящий в чистом поле.
С нежной силой к себе прижать –
Зарядиться моим биополем.
Так постоять и дальше пойти,
Ведь большего тебе не надо.
Надолго запомнить моё тепло
И силу полученного заряда.

Вот и старость незаметно подкралась,
И не тот уже я, что был вчера.
Внешний вид вызывает лишь жалость,
Дедом зовёт меня детвора.
Новый год мне не интересен,
Добавляет он лишь года.
Не спою я больше песен,
Как это в былые года...

ЛУНА

Луна – это белое солнце,
Дающее холодный свет.
Её тогда замечаешь –
Когда тебя рядом нет.
Дорогу она освещает –
Чтобы не сбиться с пути.
Когда по тёмным тропкам
Приходилось идти.
Смотреть на неё очень долго –
Можно сойти с ума,
Завыть на неё тоже можешь –
Если осталась одна.
Девки любят мужиков –
Лохматых и небритых,
Полюбите же меня –
Я выбрит и помытый!

НОВОГОДНЕЕ

Милый дедушка Мороз,
Где ты ходишь долго?
Жду подарков целый воз
У себя под ёлкой.
Дед Мороз, поторопись,
Ждать нету терпенья.
Да смотри не заблудись,
Подгоняй оленей.
Ты Снегурку не забудь
И сказочных зверушек.
Ёлка вся уже сияет
От гирлянд, игрушек.
Дружно вместе позовём:
«Дед Мороз, Сне-гу-роч-ка...»
Песню весело споём:
«В лесу родилась ёлочка».
Мы проводим старый год,
Ты с Новым нас поздравись.
Здоровья, счастья и добра
Всем нам пожелаешь.

В общем – жду тебя давно,
Затаив дыхание.
Приходи скорей ко мне
Исполнять желания.

Я хочу улететь
В своё светлое будущее.
Хорошо бы на день,
Можно даже на час.
Чтоб я смог посмотреть
На своё предыдущее.
И узнать, как мне жить
Здесь и сейчас.

ПОНИ

Хоть и маленький я пони,
Под седлом всё время я.
Но когда глаза закрою,
Превращаюсь я в КОНЯ.
Глазом поведу лиловым,
Мне работа нипочём.
Но мечты проходят сразу,
Когда бьют меня бичом.
Вот стою, глаза закрывши,
И мечтаю о КОНЕ.
Сквозь мечты свои я слышу
Слово, адресованное мне.
О, мечтательное пони,
В Вас почти я влюблена,
Почесала мне за ухом
И за шею обняла...

ОПТИМИЗМ

И горечь поражений пройдёт,
И время залечит раны.
Ты верь, твоё время придёт,
И завоюешь свои пьедесталы.

СУДЬБА

Жила красавица одна,
Всем хороша была она.
Стройна, красива, весела,
Умна и в меру молчалива.
И делать всё она умела,
И вышивала, даже пела.
Хозяйкой-то какой была,
Из сказки принца всё ждала.
Но, к сожаленью, в жизни
Так уж часто происходит,
Что вместо принца
Сказочный козёл приходит.
Не в силах мы предугадать,
Что ждёт нас впереди.
И остаётся лишь гадать,
Каким путём идти.
Интуитивное чутьё
Поможет иногда.

Улитка находится в домике,
Без домика это слизняк.
Тебя я в свой дом приглашаю,
Как лучше мне сделать это?
Скажи мне пожалуйста, как?
Я знаю, в нём тесно не будет,
Вдвоём будет счастье нам.
И всё, что у нас в нём будет,
Разделим мы пополам.

В. В. Горелик

г. Красноярск

Виталий Викторович Горелик участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности радиолога полка химзащиты СибВО в период с 26 февраля по 20 мая 1987 г. Награждён орденом Мужества. Капитан медицинской службы.

За активную общественную правозащитную деятельность поощрён почётными грамотами министра по чрезвычайным ситуациям РФ и президента Союза «Чернобыль» России.

ЧЕРНОБЫЛЬ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Чернобыль тридцать лет назад,
Я помню, как ни странно,
Похожим был на дивный сад –
Цвели черешня и каштаны.

Лягушки квакали в прудах,
Летали в небе птицы.
И жили в каменных домах
Красавицы-девицы.

Весёлый праздник Первомай
Готов был город встретить.
Своих ударников труда
Торжественно отметить.

Жизнь мерно шла, без суеты,
Красиво и богато!
Как воплощение мечты
Работал мирный атом.

АЭС в Чернобыле была
Объектом гордости народа,
Никто не ведал и не ждал
Беды чудовищной прихода...

Мне испытать ее пришлось
С надеждой – Бог поможет...

Когда в реакторе рвалось,
Никто не верил – быть не может!

Но пламя страшного огня
До самых дальних звезд взметнулось.
И мать-страдалица Земля
От боли содрогнулась.

Вода, земля, дома и лес –
Всё стало вмиг радиоактивно...
День после взрыва на ЧАЭС
Стал днем трагедии всемирной.

Я призван был – солдат –
Служить под боевое знамя.
Мне доля выпала тушить
Прожорливое пламя.

Осколки взрыва хоронить
В карьерах и оврагах
И стены наспех возводить
Стального Саркофага.

Не ради денег и наград
Трудились, отдыха не зная,
Десятки тысяч нас – солдат,
Летели из родного края.

С Кубани, Томска, Костромы,
Хабаровска, Кавказа...
Все честно исполняли мы
Команды и приказы.

Потери нёс наш славный полк
В борьбе со злой бедою.
Мы с честью выполнили долг
Перед страной родною!

Не наша, в общем-то, вина,
В том, что она распалась.
И что гражданская война
С Афгана нам досталась.

И что в громаднейшей стране
Для многих нет работы,
И накормить своих детей
Не может часто кто-то...

Не наша, в общем-то, вина
Что корчимся от боли,
И отказаться от вина
Нам не хватает воли.

Прости же, Господи, прости
Друзей безвременно умерших!
Не брось на жизненном пути
Детей осиротевших!

Не дай в обиду бедных вдов,
От всех мытарств уставших.
Жизнь сделай краше старикам,
Дай веру в души наши!

Давно ли? Тридцать лет назад
Шли беженцев колонны.
Я помню стоны, плач и мат
И лица обожжённых ...

ЧЕРНОБЫЛЬ НЕСРАВНИМ С АФГАНИСТАНОМ

Я не был никогда в Афганистане, –
И вряд ли мне придётся там бывать.
Не я пленён, не я смертельно ранен,
Не обо мне рыдает чья-то мать...

Чернобыль несравним с Афганистаном –
Страной, изрытою осколками гранат,
Где много лет ведётся беспрестанно
Война жестокая без правил, из засад.

Чернобыль – живописное местечко,
Поэтами воспетая земля.
Вокруг леса, сады, деревни, речки,
Богатые крестьянские поля.

Столичный город Киев – почти рядом...
Авария реактора ЧАЭС
Вновь показала, как опасен атом!
Как хрупок мир! Что нет в нём тихих мест.

Ход времени никем не предсказуем –
Стремясь его всецело обуздать,
Мы часто безответственно рискуем, –
Теряем то, что не должны терять.

Последствия ошибок и просчётов
Дай бог нам силы снова пережить
И выполнить нелёгкую работу –
Осколки взрыва в недрах схоронить.

И здесь нужна смекалка и отвага –
К работе этой годен не любой.
Я собирал их возле Саркофага –
На крыше, под высокою трубой.

Наверх её, содрав ладони в клочья,
Поднялся друг, повесил красный флаг
В честь тех, кто той зловещей чёрной ночью
Шагнув в огонь, в бессмертье сделал шаг.

В честь многих тех, кто расчищал руины,
Впитав в себя радиоактивный смрад.
В честь новых добровольцев Украины –
В Чернобыль присылаемых солдат...

Его осмелюсь я сравнить с Афганистаном –
Одна и та же для России боль,
Одна тревога мучит неустанно
За тех, кто жертвовал и жертвует собой.

Их имена забвенью неподвластны
В суровой круговерти дней –
Пусть жертвы эти будут не напрасны
Для Родины – страдалицы моей ...

26.04.1987

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПРОШЛО...

Четверть века – в истории срок
Очень краток по многим канонам, –
Долог для нас – сохранил кого Бог,
Побывавших в чернобыльских зонах.
Я в числе многих тысяч солдат,
Попрощавшись с женою и с домом,
Был направлен в чернобыльский ад
По приказу своих военкомов.
Там не вправе мы были роптать –
Ведь солдату одно дано право –
Командиров приказ исполнять,
Подчиняясь порядку Устава.
Мы служили не ради наград,
Устраняя последствия взрыва,
Но в душе верил каждый солдат –
К нему будет Судьба справедлива!
... Четверть века прошло – много бед
На Отчизну мою навалилось...
Герб сменился и знамени цвет,
И название страны изменилось...
В результате позорных интриг
Был Союз в одночасье разрушен –
Без войны завершился блицкриг,
И разлад наступил в наших душах.
Неизвестный в России недуг,
Появившийся с новою эрой,
Превратил нас в доверчивых слуг
Новоявленных миллиардеров –
(Криминальных, по сути, господ)
Дела нет им до судеб народа.
Нас лишили они многих льгот,
Обесценили нашу Свободу.
Ходим мы до сих пор по судам –
(Кто в их двери сейчас не стучится!)

По себе знаю – там
Справедливость так трудно добиться...
Четверть века прошло. Вновь весна
В ярких красках для всех расцветает –

В этот день мы скорбим ... Имена
В православных церквях поминают ...
Жизнь в пространстве не знает границ –
На Земле же – имеет границы...
Много фамилий умерших и лиц
В книгах Памяти будет храниться.
Жизнь даётся всем, как благодать –
Дважды жизнь никому не даётся:
Будем верить, надеяться, ждать,
Что лицом к нам Судьба повернётся.

26.04.2011

ДРУЗЬЯМ

Чернобыльских вдов возрастает число –
Несёт наше братство потери.
До ста лет хотим жить невзгодам назло,
Прогнозам своим слабо веря...
Увы, продолжаем частенько болеть,
Дряхлеем, стареем с годами...
Не надо, однако, нас жёнам жалеть –
С болезнями справимся сами!
Нас заставляют ходить по судам
Чиновники крайсоцзащиты –
Те, у кого нет ни капли стыда,
Чья совесть бронёю покрыта.
Стремясь наши льготы у нас отобрать,
В потугах лезут из кожи,
Чтобы судье свою чушь доказать...
(К нам зависть, возможно, их гложет...)
Будем стараться себя защищать,
Пока есть преграды на свете.
Когда же настанет пора умирать –
Достоинно мы смерть свою встретим...
В земле упокоится бранный мой прах –
Души непосильная ноша.
Она ж сохранится в рассказах, стихах
И в книгах, на мой взгляд, хороших...

25.08.2006

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Памяти Л. В. Асмаевой

Она любила этот мир,
Детьми и внуками гордилась.
Со всеми, кто был сердцу мил,
Теплом души своей делилась.
И, не желая близким зла,
Обиды долго не держала.
И христианка, как могла,
Заветы божьи соблюдала
И с нетерпением ждала
В Чернобыль посланного мужа.
Совместно с ним перенесла
Разлуки долгой злую стужу...
Ей не хотелось умирать,
Она за жизнь с судьбой сражалась...
Но Бог решил к себе призвать...
И с нами Любушка рассталась.
Господь ей руки протянул,
Свою к ней проявляя милость.
От мук избавившись, к нему
Душа её ввысь устремилась ...
Над миром всем свой суд верша,
За нас решает царь небесный –
Чья удостоится душа
Попасть в его чертог чудесный...
В прозрачном небе Миндерлы
Над лесом, озером, дорогой
Парят огромные орлы –
Они посланники от Бога.
Они указывают путь
Для всей процессии к погосту.
Мы все умрём когда-нибудь,
Но в рай попасть для нас непросто...

28.07.2005

В ПОМИНАЛЬНЫЕ ДНИ...

Расцветают подснежники в мае,
Набирает черёмуха цвет –
Не увидит их больше Исаев,
Потому что в живых его нет...
Солнце ярко, по-летнему светит,
Согревая лучами других...
Дружелюбной улыбкой не встретят:
Гераськов, Тихомиров, Черных,
Белин, Дрёмов, Клименко, Санаров –
Не забыть мне пожатье их рук.
В сердце вновь обостряется рана,
Когда мир покидает твой друг...
Угасают друзья, умирают –
С каждым годом число их растёт.
Смерть без устали дань собирает –
Скоро, знаю, за мною зайдёт...
От неё, вездесущей, не скрыться.
От неё нет лекарств, нет преград –
Настигает в домах и в больницах
Нас, чернобыльцев, – бывших солдат,
Тех, кто был в отчуждаемой зоне,
Кто по-прежнему неизлечим...
Вновь над городом колокол **стонет**
И молебен о ком-то звучит...
Места хватит для всех на погосте,
От родных и друзей вдалеке...
В поминальные дни я к ним в гости
Приезжаю с цветами в руке.

01.06.2006

ОЧЕРЕДНОЙ

Очень короткой быть может на свете
Жизнь на планете земной, –
Вновь некролог я читаю в газете:
«Умер чернобылец» – очередной...
Смерть от инфаркта, инсульта, от рака –
Обычная участь для многих из нас.

Будет женой и детьми он оплакан
В горький прощания час...
Нет, не держал он в руках автомата,
На амбразуру с гранатой не лез –
В тяжёлое время военкоматом
Друг был направлен служить на ЧАЭС.
Встав на пути разрушительной силы
Живым и бесстрашным щитом,
Он в жертву принёс себя Родине милой! –
Она же забыла о нём...
Забыла о тех, кто был в атомной зоне
В составе бригад и полков.
Забыла о принятом ею Законе
В защиту сирот, инвалидов и вдов...
Без зла и обиды расстался он с миром,
Ушёл, не кляня человеческий род.
Ушёл, не дождавшись приличной квартиры
И прочих Законом обещанных льгот.
Станет последней и первой наградой
За жизненный путь его, полный мытарств –
Крест над могилой, стальная ограда
И вечный покой без врачей и лекарств...
... Сотен товарищей вижу я лица
Сквозь сумрак холодный небытия –
Судьба беспощадна! – там очутиться
Очередь скоро наступит моя.

20.11.1998

НАДЕЖДА

Нас награды найдут...
Не забудет страна
Тех, чей доблестный труд
Не оплачен сполна.
Нас редуют ряды...
Нас сжигает пожар –
Тех, кто грозной беды
Первым принял удар.
Доля выпала, знать,
Тридцать вёсен назад –
Нам пришлось испытать

Радиации яд...
Неподвластны годам
Души бывших солдат.
Боевые сто грамм
Выпить был бы я рад
С теми, с кем, забыв страх,
Бэры с хлебом делил
И с мозолями на руках
Саркофаг возводил.
Помянуть также тех,
Кто, увы, не дожил...
Поимённо их всех
Я в душе сохранил...
С каждым годом цена
Возрастает наград...
Не забудь же, страна,
Своих верных солдат!

12.03.2006

ПРАВО НА ВЫБОР

Бюрократы на нас нападают
Безбоязненно, с разных сторон.
Унижают и «опускают»
Наш чернобыльский горе-закон.
Костью в горле для них наши льготы,
Зависть чёрная спать не даёт –
Им бы наши болезни, заботы
И замок на поганный их рот.
На кого они подняли руки,
Источая лжи гнилостный смрад? –
На людей, обречённых на муки,
На больных – офицеров, солдат,
Тех, кто силы своей не жалея,
Возводил саркофаг над ЧАЭС
И, приказам перечить не смея,
Топорами валил Рыжий лес...
Мы служили не ради наживы.
Отогнав радиацию прочь –
Вся вина наша в том, что мы живы
И стремимся друг другу помочь.

Обещаний довольно нам лживых —
Мы по горло все ими сыты!
Наши просьбы к властям справедливы,
А слова резолюций просты:
«Возвратите долги по квартирам
Тем, кто долго их с верою ждёт;
Не латайте бюджетные дыры
За счёт нищенских пенсий и льгот».
Нападают на нас, нападают
Бюрократы различных мастей
И бессовестно всех обирают
На глазах безучастных властей.
Можно с участью горькой смириться
И покорно нападки сносить...
Можно — крепче в союзе сплотиться
Наш закон и себя защитить!

22.06.1999

ЛЮБИМОЙ

Ты — Чёрное море! Ты — солнышка свет!
Подобной тебе в мире женщины нет!
Ты для меня — воплощенье мечты!
Радость, блаженство — всё это Ты!
Прелесть улыбки губы таят...
Мужчины вздыхают при виде тебя...
От этой улыбки мне глаз не отвести, —
Спасибо за то, что на свете ты есть!
С сердцем горячим, добра и нежна —
Мать моим детям, а мне ты — жена!

РАЗЛУКА

Мне солнца яркий свет не мил.
Стал воздух комнат, улиц душным.
Мне не хватает больше сил
К твоим глазам быть равнодушным.
Мне не хватает их тепла,
А без него — так сердце стынет!
Схожу с ума я... Кто бы знал —

Не жизнь, а каторга отныне...
Ты часто снишься по ночам.
Боясь в потёмках шевельнуться,
К твоим застенчивым губам
Своими жажду прикоснуться.
Мне не хватает так тебя! –
Печаль не выразить словами.
Как далеки мы – ты и я...
Зачем разлука между нами?

04.04.1987

НЕУДОБНАЯ ПРАВДА

Сказать я вам правду, считаю, уместно –
Пьянство с преступностью связано тесно.
Пьём ежедневно не сок и не квас –
Пьянство, что свинство, царит среди нас,
Способствует пьянству правительство наше –
Пьяный народ ведь министрам не страшен.
К водке и к спирту народ наш приручен
Они (власть считает) наркотиков лучше.
Вокруг каждой школы с десятков ларьков –
В них вина и водка, табак и пивко.
Владеют же ими «князьки» да «царьки».
Кто право им дал там поставить ларьки?
От пьяной заразы глупеет народ...
С властью мерзавцы свой делят доход...

01.04.1999

КАК НОЧЬ ДЛИННА...

Невыносимо длинен ночи ход...
Покрыто небо чёрным слоем смога, –
Мою там душу ангел ждёт,
Сидя у божьего чертога.
Я болен две недели – чёров грипп
Леня, несчастного, совсем измучил.
Я отощал, почти охрип –
Мне от лекарств не стало лучше...
Мне больно, тяжело порой вздохнуть,

Боюсь, в кровати сидя, шевельнуться.
А кашель раздирает грудь.
Уснуть бы мне и не проснуться!
Сегодня вместо своего лица
Увидел в зеркале, висящем в раме,
Ужасный облик мертвеца
С кровоточащими глазами.
Становится мне хуже с каждым днём.
За жизнь бороться просто надоело.
Душа моя с большим трудом
Ещё цепляется за тело.
Никто не в силах мне помочь.
Как я устал! – я ненавижу ночь...

10.12.2014

ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Что происходит на киевской сцене?
Словами моими не передать –
Русских поставить хотят на колени,
Призывы звучат: москалей убивать...
В толпе среди лиц от вина обалделых –
Тех, кто всех громче кричит,
Видны Яценюк, Порубий, Сашко Белый...
Биты в руках, молотки, кирпичи...
Ярость на лицах и дикая злоба –
Памятник Ленину ими разбит...
Дружбе друг другу клянутся до гроба
Львовский бандеровец, киевский жид...
Скачут на площади, словно в угаре.
Кто с ними не скачет – москаль!
Мы для них – нелюди, сволочи, твари.
И нас убивать им не жаль.
Кто и откуда толпой управляет?
Приступ психоза с чего вдруг возник?
Вряд ли кто-либо в России узнает
Об авторе грязных интриг.
Что происходит на киевской сцене?
Лишь простакам не понять, –
Вскоре майдан президента заменит
И будет страной управлять.

15.03.2014

НА УЛИЦАХ КРЫМА

Вражды раздувается пламя —
Бунтуют друзья-побратимы...
— Я рад, что российское знамя
Реет на улицах Крыма!
Поднято крымским народом
Наперекор Украине.
Крымчане — все с этого года
Для нас россияне отныне!
Войной нам враги угрожали,
Словами погаными поносили...
Наши народы едиными стали —
Да здравствует Крым и Россия!

В СЕВАСТОПОЛЕ

В Севастополе вновь наступила Весна...
Мирное солнце сияет над Крымом...
Горькая правда прошедшей войны не видна —
Лишь в музеях и в книгах она обозрима.
Прах убитых в боях поглотила земля.
И не верится нам, молодым, что когда-то
Все склоны оврагов, сады и поля
Были устланы трупами в чёрных бушлатах...
Гибли матросы в те страшные дни.
Умирали от пуль и от мин, не успев окопаться...
Вечную память о них сохраним...
Слава всем тем, кто в живых смог остаться!

01.05.1995

ПРЕСЫТИЛАСЬ МИРОМ ЕВРОПА

Европа пресытилась миром —
Ей прошлые войны не впрок, —
Как пацанёнок-задира,
Ищет для ссоры предлог —
С Россией готова подраться!
Опомнись, Европа! Очнись!
В живых будет трудно остаться...

С Россией дружи, не дерись.
Опомнись, Европа-старушка!
Пока в бой полки не идут,
Пока не заряжены пушки –
Не кличь на народ свой беду.

03.04.2015

ИХ НРАВЫ

Парламент в Англии собак
Своих не забывает
И тех, кто послан был в Ирак,
Достоинно награждает –
Найдя в песках снаряды, мины,
На них, скуля, мочились псины...
Мне не понять буржуев нравы –
Зачем собаке орден Славы?
Мой друг в Чернобыле служил,
Стал инвалидом ликвидатор:
Он бэров множество схватил –
Как много лет прошло с той даты!..
Когда ж ему за ратный труд
Медаль чиновники дадут?
Друг, красноярец, не собака –
И переселят из барака.

23.02.2003

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Для вас, ветеранов полков химзащиты,
Несущих по жизни чернобыльский крест,
Дворцы и театры сегодня открыты,
Играет военный оркестр.
Вас славят героев Чернобыльской зоны.
Отчизны великой достойных сынов...
Не слышат слова те Серёжа Ворзонин,
Володя Джаман и Иван Кулешов.
Их сотни – фамилий, трагических судеб,
Их души вселились в надгробий гранит...
Никто из живущих ЧАЭС не забудет

И павших солдат имена сохранит.
Сегодня – День памяти. Водка в стаканах
Вся выпита будет под вечер до дна.
Не падайте духом, друзья ветераны –
Сегодня для вас расцветает весна!
Всевышний не даст вам оглохнуть, ослепнуть,
Лишиться надежды, рассудка, рук, ног.
С годами пусть братство чернобыльцев крепнет –
Да будет всегда с вами Бог!

26.04.1998

Л. Г. Гранкина

г. Красноярск

Луиза Георгиевна Гранкина – участник ликвидации аварии на ЧАЭС, работала начальником планово-экономического отдела станции в 1989–1993 годах.

ПИШУ О МОЕЙ РОДИНЕ

О РОДИНЕ

Пишу о Родине моей,
Которой вдруг не стало.
Она была для нас милей,
Надёжнее металла.

Успехов завтрашнего дня
Мы ждали с нетерпением.
Враги сильны!
О, Родина моя,
Восстанешь всем на удивление.

И будут вновь распаханы поля,
Там колос ржи заколосится.
Возрадуется мать земля,
Что мы сумели не сломиться.

От Бога помощь нам дана
В молитве нашей и смирении.
Так надо победить врага
И выиграть еще одно сражение.

ДОМ

Я приеду домой
В стрекозиный рай.
Все тревоги долой,
Ты мне силы дай.

Силы жить и творить,
Напрягая грудь.
Человеком быть
А не как-нибудь.

Отчий дом на земле
И в саду метель.
Я стремлюсь к тебе
После всех потерь.

Стрекозиных крыл
Звон в ушах стоит,
Я тут юным был
И никем не забыт.

Что стало с Русскою Державой?
Горят остатки нашей славы!
Истории осталась только тень.
И всяк кроит ее, кому не лень.

Нет! На колени ей не встать.
Умеет стон умирать.
И снова-снова возрождаться,
Но никогда не унижаться.

Россия есть, была и будет.
Ее богатство не убудет.
Хоть расхитителей успех
Сегодня на устах у всех.

Да не согнётся ее воля.
Ей рабскую пророчат долю.

Идут опять все силы зла.
Подняться чтобы не могла.

А кто стране служил – порочат.
А говорят, народ так хочет.
Каким же смелым надо быть.
От имени народа говорить?

Весь наш народ назвать «совком».
История поправится потом.
Докажем, будут звать на вы,
Не как сейчас, мол, шариковы мы.

Всегда мы в мире были правы,
На то и Русская Держава!

Не зовите русского фашистом.
Никогда он не был им.
Был непокорённым и ершистым.
Праотец его погиб таким.
Матери его не снилось,
Что беда придет опять.
Как страна родная разорилась,
Сыну места не найти никак.
Ведь с отцом они не воровали.
Свою честность берегли.
Слепо власти доверяя,
Свято верили они.
Говорят – потерянное поколение.
Кто, когда их потерял?
Кто создал такое мнение,
Их заранее и расстрелял.
Нет, не надо клеить марку
И коричневость души.
Знайте, терпеливы наши парни.
Это лишь до времени-поры.
Не зовите русского фашистом
В мире он всегда был чистым!

**ОЛЕГУ ТИБЕКИНУ,
ГЕРОЮ РОССИИ**

Декабрьское небо,
Холодный рассвет.
Героя выносят
И ставят на снег.

Проститесь, родные,
И мать, и жена,
Теперь уж другие
Пойдут времена.

Гвоздики алеют
На белом дворе,
Природа немеет
В великой скорби.

Живые заплачут,
Без звука крича: «Ты прости!»
Но это не значит,
Что он нас простит.

Простит ли Чечню
И жизни экстрим
И что за другого
Исполнено им.

Не будет улыбок
Его и щедрот,
День завтрашний зыбок
Без милых забот.

Проститесь, родные,
Проститесь, друзья,
Олежка уходит
От нас навсегда!

г. Красноярск, 1998 г.

ПАМЯТЬ

Герои смотрят с обелисков.
Они тут рядом с нами, близко.
Но не тревожат наших снов.
Их лица скажут лучше слов.

Большое мужество имели
Среди снарядов и шрапнели.
В атаку на врага-рынок,
Покинув вырытый окоп.

Они страну свою спасали.
Кто жив остался, возрождали
С обломков, пепла и руин.
Таких героев – не один.

Теперь они на обелисках,
И лики их честны и чисты.
Долг выполняли до конца.
Достойны святости венца!

9 мая 2000 г.

1812 ГОД

Прадеды нашу Отчизну спасали –
Почти вся Европа полками пошла,
В боях они жизни свои отдавали –
За Родину, Веру, Царя!

Зачем корсиканцу земля, нам родная?
Гордыню свою Бонапарт тешит зря.
Герои в трёхдневном бою умирали –
За Родину, Веру, Царя!

Давали отпор генералы, солдаты,
Яростной силой французов круша.
В полях Куликовых так было когда-то –
За Родину, Веру, Царя!

Да! Не было трусов в боях Бородинских.
Погибших героев оплачет земля.
Шрапнелью стреляет редут гренадерский –
За Родину, Веру, Царя!

Фельдмаршал Кутузов, стратег и мыслитель,
Оставил Москву, конечно, не зря.
Для армии был он от бед избавитель –
За Родину, Веру, Царя!

Мечтал о победе француз-император
И жаждал ключи получить от Кремля.
Москва ему выдала голод, пожары –
За Родину, Веру, Царя!

Прогнали его по дороге обратной,
Везде под ногами горела земля.
Война та была для России священной –
За Родину, Веру, Царя!

НА АНГАРЕ

Где Яша, Саша с Ангары?
Помню, вместе замерзали.
Сквозь ночь, туман в тартарары
Заледенелые съезжали.

Они водителями были
И грузы нужные везли.
Хоть от мороза водку пили,
Но только в случае нужды.

Стучались в дом, какой не знаю,
Лишь обогреться дайте нам.
А люди нас к себе пускали
И даже не спросив, «кто там».

С хозяином потом дружили,
С ним стали как родня.
На АНГАРЕ те люди были.
Такая не одна семья.

Тут не влияет перестройка
На эти качества души.
Невзгоды переносят стойко,
Ведь это люди с Ангары!

В ПЕРЕХОДЕ

Стоит в переходе гулком,
Пряча глаза от людей,
Седая женщина из переулка.
Подайте милостыню ей!

Стоит, протянув руку,
Свободная от мыслей, идей.
В прошлом продвигала науку.
Подайте милостыню ей!

Руки слабы и в морщинах,
Которые качали детей.
Не проходите мимо, мужчины.
Подайте милостыню ей!

Дети живут далёко
Успешны в карьере своей.
Жизни осталось немного,
Подайте милостыню ей!

МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ

Мы были вместе навсегда,
Когда разрушенные города,
Лежащие в руинах,
Воздвигнуть помогали Украине.

Врагами взорван Днепрогэс.
Крещатик – «чудо из чудес» –
Был превращён и в прах, и пыль.
Всё это правда, это был.

Быть может, дядя Сэм из-за океана
Вдруг оказался рядом с вами.
И с той фашистскою войной
Врага долбал любой ценой.

Была Чернобыля беда,
Здоровья не щадя тогда
Прислал парней своих Донбасс,
На смену прибыл им Кузбасс.

Когда мы были вместе
И ехал в Киев я к невесте,
А ты не раз гостил в Москве,
Тогда всё нравилось тебе.

А в семьях наших были дети.
И не хохлы, не москали.
Весёлые, как все на свете,
Ребята дружные свои!

Мир берегли мы повсеместно
Когда мы были вместе!..

г. Киев, февраль 2014 г.

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

Полыхнуло пламя над блоком,
Затем за ударом удар.
Валит дым смертным облаком.
Ветер смерть уносит вдаль.

Необъятно пламя над блоком.
Всем не верится, что горим.
Эксперимент выходит боком,
И не только нам одним.

Сыплет пеплом на спящую
Землю, покрывая вокруг всю.
Вот авария настоящая
Делит жизнь на мир и войну.

Мир не знал ничего подобного.
В Пенсильвании то не в счёт.
В Хиросиме убийство пробное.
Для США не экзамен – зачёт.

А экзамен – вот он в Чернобыле
Для начальников и рядовых.
Об одних и не вспомнят более,
А другие причислены к лику СВЯТЫХ!

ОБЪЕКТ «УКРЫТИЕ» (он же саркофаг)

Саркофаг – храм на крови.
Защитников жизни, любви.
Памятник всем учёным,
Жертвам учтённым
и неучтённым!

Саркофаг – печаль и тоска,
Людям урок навсегда.
Его исключить и забыть,
Но как без прошлого жить!

Саркофаг – храм на крови.
Ты к нему на поклон приходи
И молись за целебные силы земли.
Боже! Спаси, сохрани!

ЧЕРНОБЫЛЬЦАМ

*Не говори с тоской – их нет,
Но с благодарностью – были.*

На Митинском кладбище тишина,
Улицы разлинованы в строгий порядок.
Их двадцать шесть, их имена
К памяти нашей вызывают!

Сколько других безымянных героев
Медленно гибнут сейчас
На работе, в поездах, в доме
Радиация губит нас.

На Митинском кладбище городском
Чернобыльцы спят вечным сном.
Давайте поклонимся им,
Защитникам, душам святым!

СОВРЕМЕННОМУ ОТ ЧЕРНОБЫЛЬЦА

Как живу я в мире равнодушном,
Пока ещё с надеждой на рассвет,
Том стихов запрятав под подушку,
Словно для защиты пистолет.

Все оглохли иль ослепли, что ли?
Если радует нас вздорный шум.
То, что мы достойны лучшей доли,
Не приходит никому на ум.

Но еще есть порох в пороховницах,
Люди есть живущие в ладу,
Не летающие ни в Париж, ни в Ниццу,
Радующиеся отдыху в саду.

Радуются неба перламутру,
Зелени взирая изумруд,
Радуются – будет утро,
Лучшие идеи не умрут.

Будь одним из этих лучших –
Совесть нации, наперекор судьбе.
Ты не из разряда равнодушных.
Будут благодарны все тебе!

СВЯТО-УСПЕНСКАЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

Лик Лавры величавый,
То Православия начало,
Стоит в зелёном ожерелье,
Великой тишине и во смиренье.

В церквах лампад свечение
И от мощей святых прощенье.
Нам милость Благодати
Готовы отдавать подвижники-монахи.

Соборы дышат стариной,
Кресты сияют над главой,

А колокольный звон в тиши
Колеблет клеточки души.

Здесь исповедников Христовых,
Как в старину, встречают новых.
Внутри свой храм сберечь, не разрушив,
По заповедям научиться жить.

У Лавры Днепр, где Таинство Крещения
Свершилось для язычников знаменье,
И Киев град всегда готов
Стать колыбелью городов.

г. Киев, октябрь 2005 г.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Прости, о Господи, прости!
Я груз грехов уж не могу нести,
Согнулся, лик мой сокрушён,
Грехами явно побеждён.

Прошу, мне руку протяни,
Чтоб мог на жизненном пути
Узреть грехов тяжёлый ряд.
Исправиться я пред Тобою буду рад.

В беде меня на руки кто-то брал,
Тогда я силы набирал.
Я знаю, то был Ты!
Спасал меня от зол и от беды.

Сегодня в мире торжество.
Твоё справляем Рождество.
От бога высшее Благоволение
Нам, недостойным ада, избавленье.

Молюсь, о Господи, прости.
Хочу любовь к Тебе приобрести.
В душе поселится покой,
Когда смогу я быть с Тобой!

В НАШЕМ ВЕКЕ

Безбожной власть в стране бывает.
В карманы деньги набивает.
Как только не поймут?
Назавтра будет Божий суд.

Мир этот – он не вечен.
Год пролетает не замечен
Добром, любовью, и тогда
Все проклянут тебя века.

Майдан в боях всегда страдал.
Монгол, фашист в него стрелял.
Творили жуткий беспредел.
Кругом бесчинства грязных дел.

И даже в нашем новом веке
Злобятся недочеловеки.
Способны убивать и всех, и вся,
Майдана кровью полита земля!

О ЛЮБВИ НЕ ГОВОРИ, ДОКАЗЫВАЙ

О ЛЮБВИ

Мы все мечтаем о любви,
Мир с ней красив и ярок.
Тем, кто найти её смогли,
Жизнь стала как подарок.

Лишь нищий духом не поймёт,
Зачем любовь живёт на свете,
Однако снова вновь и вновь
Она пылает в человеке.

Пылает, мощна, как пожар,
Стихия! Севера сиянье!
Любовь для нас как Божий дар,
Двух душ родных слиянье!!

ТАНГО

Моё первое танго,
Средь девчонок стою.
Ты подходишь – желанный,
Приглашая подругу мою.

Сквозь слезу улыбаюсь,
Ритмы танго люблю,
Стойкой быть я стараюсь,
Тебя взглядом ловлю.

Вот твой друг приглашает.
Я на встречу иду.
Скрипки слух мой ласкают,
Как на крыльях лечу.

Стал призыв мой волшебным
Под чарующий звук.
Смотришь ты с интересом:
Взглядом встретившись вдруг.

Танго, наше вечное танго!
Мы танцуем вдвоём.
Новогоднее танго,
Мы ему подпоём.

ШОПЕН, «МАЗУРКА»

Нежные звуки,
Как звон хрусталя.
Мазурка Шопена
Звучит для тебя.

У танца шаг лёгкий.
Крылато летит.
С улыбкой Мадонны
Фигурка кружит.

Любовью к мазурке
Шопен всё сказал,
Хрустальные звуки
Когда создавал!

ПОРТРЕТ

Девочка смотрит с портрета,
Внутренним светом согрета.
Какая она через несколько лет?
На это ответа мне нет.
 Был я мальчишка, влюблённый в неё.
 Видя её, таяло сердце моё.
 Слушать не мог я уроки,
 Звал – ну взгляни ненароком.
Зря я мечтал, не сбылось.
Разом уехал, и всё сорвалось.
Думалось, армию вот отслужу,
Девочку эту найду.
 Как его художник Бэзил
 Странный портрет сотворил,
 Облик на нем лорда Грея,
 Жил тот портрет, всё старея.
Лорд неизменным же был
Кто его так сохранил?
Его ведь никто не любил.
 Снова смотрю на портрет
 И прибавляю ей лет.
 Глазки в морщинах рисую,
 Но разлюбить не могу, не рискую!

Подражая Пьер-Жану Беранже

ХОРОШО ЛИ ВАМ?!

Хорошо ли вам с другою,
Не поверю никогда.
Тратишь время дорогое,
Невозвратно навсегда.

Хорошо ли вам с холодною,
Полно страсть не утоля.
Думается ночью тёмною,
Как ограбили себя.

Хорошо ли вам с практичною,
Или стали с ней един.
Хлопотно вам с романтичною,
Рынок тут необъясним.

Хорошо ли вам с чужою,
Не поверю никогда.
Ушло время золотое,
Путеводная звезда.

Обо мне молившей Бога,
За тебя и за себя.
Вспоминаешь, знаю тоже
Время то благодаря.

ПЛОД ЛЮБВИ

Меня зачали в ночь любви,
Мир счастьем лучился!
Его сберечь те не смогли,
Союз двух душ не получился.

Они не знали, как я жду
От них добра и примиренья.
Уже в животике расту,
И сердца слышится биенье.

Вот равнодушно пишет врач
В халатный корпус направление.
Ты на погибель меня сдашь –
Любовной страсти избавленье.

Я не увижу солнца луч.
Не проживу на свете дня.
Скребок, как бритва, остр и жгуч.
Родная мать не выносит меня!

Тем хороша седая старость,
Что ценит жизни каждый день.
Всё остальное – пыль на вазе,
Сказать попроще – дребедень.

Как мил нам свет под облаками.
Смотреть на них не устаёшь.
И зелень чудными ветвями
Нас обнимает вновь и вновь.

Вот на огонь не наглядеться,
Когда горит в лесу костёр.
Да успокоит наше сердце
Журчащей речки разговор.

И ласточек в полёт стремленье
Одним им ведомым путём.
С восторгом смотрим, с изумленьем,
Как воду черпают крылом.

Чем хороша седая старость?
Что у седин есть моложавость!

СЕРДЦЕ

Тихо бьётся сердце,
Всё таки устало
От трудов и от душевной боли.
Не переживай, не надо
Принимать тревоги!

Нет, не хочет слушать
Разума сигналы.
Говорит, что лучше
Быть всегда усталым,

Быть равнодушным
Всем к чужому горю.
Помогать, где нужно.
С этим я не спорю.

Жизнь не перекроишь,
Дорогое сердце.
Всем добро ты творишь
Там, где светит солнце.

ПРИРОДА РУССКАЯ, СПАСИ МЕНЯ, РОДНАЯ

ГРОЗА

Гроза грозилась целый день,
Но к вечеру пролилась.
Сполохи молний и огня
По небу проносились.
Вот грянул мощный гул и гром,
Всё ярко осветилось.
В соседнем доме за окном
Стояла женщина, крестилась.
Дождём природа обновилась,
Запахла свежестью земля,
Что солнцем опалилось,
Вздохнуло, мир благодаря.

ОСЕНЬЮ

Прекрасна осень в октябре,
Стоит осина вся в огне,
Берёз кудрявых желтизна,
Сосна зелёная одна.

Причудлив леса тот узор,
Ласкает, радует он взор.
И размягчается душа,
Чудна природа, хороша.

В ногах шуршит цветной ковёр,
Смолкает птиц негромкий хор,
И всё замрет в преддверии зимы,
К ней подготовимся и мы.

Утих могучий Енисей,
Вода становится темней,
А иногда сверкнёт свинцом
Под небом бледно-голубом.

Шуршит тихонько дождь в окне,
С тобой совсем не грустно мне.
Всегда природа хороша,
В ней растворённая душа.

г. Красноярск

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Кружева сплетают иней
Весь в тумане Енисей.
Так нарядно и красиво,
И от снега всё белей.

Замороженные дали,
Стал задумчив хвойный лес.
Буреломные овраги
Принимают дар с небес.

Во дворах народ резвится,
С горки лихо едут вниз.
У любимой на ресницах
Снег гирляндами повис.

Нежно сдую я снежинки
И всмотрюсь в её глаза:
В них задорные смешинки
Отвечают мне: да-да!

2012 г.

СНЕГ ВЕСНОЙ

Принесла непогода снег.
Свой зима оставляет след.
Тепло нужно тут,
Деревья уже цветут!

Нежной зеленью радует глаз
Черёмуха, берёзка, вяз,
Как изумрудом, покрыты поля.
Набирают пух тополя.

Снег зимой, что лебяжий пух,
Лёгкий мороз бодрит наш дух,
Румянит щёчки ребят,
Каждый зиме рад!

Весной непогода зачем?
Солнышко радость дарит всем.
Должна просыпаться земля
По уставу календаря!

ТОПОЛЬ

Меня срубили в майский день.
До слёз мне было больно.
Оставили высокий пенёк
Лесорубщики довольны.
 Но вечером прошла гроза,
 Меня дождём омыло.
 Я мог почувствовать тогда:
Все корни мои живы.
Питаюсь соками земли,
Тянулся снова к свету.
Убить меня Те не смогли,
Знай, оживу я летом.

Май 2012 г.

ЭТО ВСЁ О НЁМ

Он труженик, он дело знает,
Он во главе СЭФЭиУ.
Он первый среди равных,
Он говорит: «Я всё люблю».
Он нас улыбкою встречает,
Она с его не сходит губ,
Нам ясно – жизнь он обожает,
Всегда он вежлив и негруб.
Он с виду вроде бы и прост,
В нашем обличье русском.
Ему достался вес и рост,
Быть Академиком – искусство!
Есть место в Думе для него,
Смотреться будет он с экрана,
Договориться сможет он легко
С Барак Хусейнович Обамой!
Но нужен, нужен нам сейчас
В работе нашего Союза.
Всех лучше понимает нас,
Для многих мы лишь как обуза.
Душа его проста, щедра.
Он верный сын России,
И радуется мать Земля,
Что сына лучшего взрастила!

Курилы. Рисунок В. П. Родченко

ПРОЗА

РУБРИКА: ДЕТИ ВОЙНЫ

ИСПЫТАТЬ И ВЫЖИТЬ

Брянская область или, как проще её называют, Брянщина – истинно русская земля. Здесь родился истинно русский поэт Федор Иванович Тютчев в селе Овстуг на берегу Десны. Он сказал о России так, что эти слова остались на века:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Эта область всегда была щитом столицы при всех войнах и смутах. Брянские мужики грудью вставали против врагов, а брянские партизаны прославились своими подвигами. Природа этой области отразилась на картинах лучших художников. Лес в основном лиственный, реки и озера с чистой водой. Село Ширковка расположено на берегу реки Ипуть. Название реки со смыслом, древнее, когда не было дорог, а ходили лесами по солнышку да хорошим ориентиром была река. Жители Ширковки любили и лес, и речку. Колхоз был зажиточным. Перед войной многие успели отстроиться добротными домами, обзавестись хозяйством. Председателя колхоза уважали за хозяйственную сметку да спокойный нрав. А его жена была просто красавица. Статная, с золотисто-русой косой, работающая и доброжелательная. Колхоз не только пахал и сеял, но стал развивать животноводство. Этим направлением руководил врач-ветеринар. Не в каждом колхозе в те времена был врач «для бурёнок». Никто не уходил из такого колхоза на заработки, как было в других местах. Как говорится, от добра добра не ищут. Все радовались жизни и не верили, что война у порога. Даже когда слышали по радио о начале войны, надеялись, врага остановят и до них он не дойдет. Но вот в начале августа ночная тишина то и дело всплёскивалась отрывистыми пулемётными очередями, обстреливали прибрежную полосу. За широким плёсом реки были немцы. Утром, где вдоль кромки воды была узкая полоска песка и далее отлогий, кое-где поросший кустами берег, хозяйничали немцы. Купались, умывались, дымились полевые кухни. Накануне через село на рассвете прошли остатки отступающих наших войск. С ними ушло почти всё мужское население Ширковки, особенно ребята призывного возраста. Потом узнали, что они попали в окружение, но многие прорвались

к нашим, а другие стали партизанами, в их числе и ветврач Николай Михайлович Величкин. Семья Величкиных жила около колхозной конторы. У них было двое детей, с ними жили родители Николая дед Миша и бабушка Матрёна. После ухода отступающих и появления немцев на противоположном берегу напряжение людей возросло. Нашлись и предатели, открыто говорили, что ждут «освободителей». И вот ясным ранним утром проехали машины к центру села, следом протарахтели мотоциклы, слышалась отрывистая немецкая речь. Немцы заняли школу, клуб, колхозную контору. Предатели (колхозники не думали, что среди них такие найдутся) пришли к немцам на поклон. Им дали задание доставлять продовольствие и прочее для обустройства. Но председатель колхоза после объявления войны с верными мужиками организовал скрады колхозного добра. Работали день и ночь, а затем ушли в леса. Вот о скрадах мечтали предатели, чтоб угодить немцам. К дому Величкиных утром пришли двое. Один немец с автоматом, другой местный. Он и постучал ногой в дверь. На крыльцо вышла молодая женщина. Это была жена ветврача Агриппина Александровна. В селе её звали просто Рипа. Прислужник был одет в гражданский костюм, но уже в немецких ботинках. Немец махнул рукой, и предатель заговорил. Требовал, что всегда требуют завоеватели, от продуктов до одежды. В это время на крыльцо вышла девочка в розовом сарафанчике, она улыбалась ясной улыбкой, глядя на немца, и щурила серо-голубые глазки от солнышка. Мать замерла, боясь, как бы сын не вышел. Ему было семь лет. А девочка продолжала улыбаться немцу, русая головка ласково кивала и радовалась. Немец несколько минут оторопело смотрел на девочку, потом вдруг махнул рукой помощнику и пошёл к калитке. То ли он вспомнил своих детей, то ли милая улыбка девчушки, адресованная ему, тронула что-то человеческое в этом солдате, и он ушёл; за ним, бурча, двинулся местный, пообещав вернуться. Через несколько дней были составлены списки всех оставшихся в селе жителей с указанием возраста, должностей, партийности, у кого в семье служат в армии и кто ушёл с отступающими войсками. А по селу уже пошли слухи, как оккупанты расправляются с пленными, организуют концлагеря, сжигают сёла и города. Названия знакомы – Навля, село Вертечь, село Клетня и другие. Людей гнали за деревню и расстреливали. Одного старика застрелили из автомата, когда он молился, стоя на коленях перед иконами. И для Ширковки наступил чёрный день. Согнали всех жителей села, а в основном это были женщины, дети да старики, в большой сарай-гумно. Но дед Миша не пошёл в сарай, и его убили на пороге дома. Ночевали на соломе. Утром приехало семь немцев, все с автоматами, среди них один офи-

цер и переводчик. С ними прибыли и двое «наших». Переводчик объяснил: чьи фамилии будут зачитаны, чтобы выходили из сарая. Один из полицаев начал называть фамилии. Это были отцы, жёны и матери воевавших в Советской Армии или ушедших в лес. Люди стали выходить. Прозвучала фамилия Величкиной. Рипа, бледная, стала подниматься. Тут рука свекрови толкнула её на место со словами: «У тебя дети!» Она встала вместо Рипы и пошла из сарая. Предатель-полицай, увидев её, хотел что-то объяснить немцу. «Не та матка! Не та!» Переводчик приказал продолжать, и люди выходили из сарая. Вышла и жена председателя Мария. Она не торопясь шла к группе стоящих, но два немца подскочили к ней, сбили с ног и схватили за роскошные косы, потащили её к дереву, где была приделана петля. Били плетью и вырывали пучками волосы. Мария, окровавленная, содрогаясь всем телом, глухо стонала, теряя сознание от боли. Все смотрели на это зверство. Переводчик требовал сказать, где её муж, где партизаны. Она не знала. Окровавленное тело Марии стали вешать. Она уже висела, и вдруг петля оборвалась. Мария упала. Немцы быстро заговорили между собой. Один подбежал к машине, что-то объяснял, махая руками. Машина подъехала, и Марию увезли. Все задеревенели, даже дети не плакали. Когда машина уехала, кого вызвали по спискам, в том числе и свекровь Рипы Матрену, подталкивая автоматами, повели в лес. Двери сарая захлопнулись. В лесу раздались автоматные очереди. Из сарая людей выпустили на третьи сутки. Немцы торопились к Москве. В Ширковке назначили бургомистра и полицейских. Надо было устанавливать порядок на завоёванной территории. Люди, пережившие ужасы войны, никогда их не забудут.

ВЫЖИТЬ ТОГДА – ЭТО ПОДВИГ!

Р. S. У немцев было поверье, если повешенный сорвался – должен жить. Марию увезли к санитарам. Она пролежала там пять суток. Её муж и партизаны, узнав о ней, совершили налёт на санитарную часть немцев. Марию выкрали. Брянскую область освободили весной 1943 года. Тогда односельчане узнали, что Мария осталась жива.

Деда Мишу похоронили под березкой, что росла за родным домом. Из двоих детей Величкиных сын Володя остался жить в Брянской области. Дочь Ольга, та девчушка, детской улыбкой встретившая немца, уехала учиться в Сибирь. В настоящее время, имея силы и ясный ум, работает в банке. Дочь, зять, трое внуков обожают мать – бабушку.

Агриппина Александровна (Рипа), пережившая ужасы войны и оккупации, последние годы жила с дочерью в Красноярске, здесь её упокоение.

МЕКСИКАНСКАЯ СВАДЬБА

Свадьба – светлый праздник в любой стране при любом режиме. В народе говорят: браки совершаются на небесах. На невесту, всю в белом, устремляются в первую очередь все взоры, на жениха – потом. Но вот золотая свадьба. Уж тут на жениха-юбиляра всё внимание, а он еще бравый и полон сил.

Невеста-юбильяр рядом подтверждает величие супруга, хозяина, дедушки и даже прадедушки. Она еще сохранила былую красоту и достоинство. В разгаре золотая мексиканская свадьба. Многочисленная родня, соседи, гости, разгоряченные эмоциями праздника, произносили пламенные речи поздравления юбилярам. Но вот молодежь танцует, постарше – беседуют, собираясь по интересам.

К юбилярше подсаживается молодая женщина и, нежно поглаживая руку, спрашивает:

– Скажите, тетя Дороти, как вы в мире и согласии прожили пятьдесят лет? Мы с мужем живем два года и всё время бранимся.

Юбильарша пожимает плечами, недоумевая, что отвечать. Вот, мол, жили. Молодая особа спрашивает:

– Ну, хоть день свадьбы помните?

– Конечно, как будто вчера.

– Расскажите, пожалуйста.

Тетя Дороти задумалась ненадолго и говорит:

– Приходили сваты с женихом к моим родителям. Потом позвали меня и объявили, что я просватана и уже назначен день венчания и свадьба. Вот настал этот день, мой суженый должен был заехать за моим крёстным, а потом за мной. Мы все жили на одной улице. Вижу, едет он гордый и бравый, в бричку запряжены лучшие лошади. Крестные ждут, стоя на крыльце, но разгоряченные лошади проносятся мимо. Слышу, как мой жених, осадив их, крикнул: «Раз!» Посадив крёстных, едет за мной. Я уже люблюсь им сильным и красивым. Перед моим крыльцом лошади пронеслись, как ветер. Опять сильной рукой он повернул лошадей и, посадив меня рядом с собой, крикнул: «Два!» Мы помчались в церковь. Наши замечательные лошади и тут пронеслись мимо церкви. Опять мой нареченный сумел их развернуть к церкви, помог сойти нам, подошел к лошадям, достал пистолет, сказал: «Три!» – и пристрелил их. Я подошла к нему и сказала: «Милый, зачем ты пристрелил таких хороших лошадок. Они бы нам в хозяйстве пригодились». Он посмотрел на меня и сказал: «Раз!» Я повернулась и пошла к церкви. С тех пор в мире и согласии мы прожили пятьдесят лет.

Тетя Дороти замолчала, а молодая особа задумалась. Мексиканская золотая свадьба продолжалась.

ИЗ СЕРИИ «ТАЁЖНЫЕ ИСТОРИИ»

НА ОХОТЕ

В Японии, Стране восходящего солнца, я очень хотела побывать.

Я тогда читала всё, что было об этой стране. Уговаривала мужа съездить именно туда. В советские времена турпутёвку за границу получить было трудно, но нам повезло.

Муж внял моим рассказам и через «знакомые знакомых» получил две путёвки на теплоход «Феликс Дзержинский» на июль. Но поставил мне условие: осенью пойдёшь со мной на охоту. Жили мы на Севере, и он был заядлый охотник и рыбак. Я легкомысленно согласилась. Подумала – он не возьмёт меня. Какой из меня охотник. Вес пятьдесят килограммов, рост, как он говорил «рубль пятьдесят с шапкой».

Двадцать один день на комфортабельном теплоходе, где бар, ресторан, симпатичные туристы, дружная обслуживающая команда и экскурсии по японским городам и префектурам, оказался выше всяческих похвал. Фотографировались на фоне вулкана Фудзияма, что на острове Хонсю. Посетили город Нара. Там древнейшее в мире здание, построенное из деревянных конструкций. Это храм Будды Тодайдзи, воздвигнутый в 752 году. И через двенадцать столетий он покоряет удивительной красотой и величавостью. Восхищались Киото, Токио, курортами острова Кюсю, спортивными сооружениями Саппоро, садами парка Кэнроку-эн.

Плакали в музее атомной бомбардировки Хиросимы, были в обществе дружбы «СССР – Япония». Даже стали друг друга приветствовать по-японски: Саё-нора, Саё-нора.

Но вот мы и дома. Всё хорошо, но дома лучше. Соскучились и по дому, и по России.

В конце сентября мой муж взял отпуск и стал собираться на охоту. Оформил лицензии на соболей, на сохатого и даже на медведя.

– Собирайся и ты, – сказал мне, как приказал.

Надо рассчитываться за японские сказки. Я вроде собралась. Он всё пересмотрел, что-то повыбрасывал, что-то добавил. Я успела сунуть две книжки в какую-то сумку. Думаю: он будет охотиться, а я – читать книжки, готовить еду и греться в избушке.

Всё было с точностью до наоборот. Ночью кто-то забарабанил в дверь руками-ногами. Мы соскочили и услышали несколько крепких выражений, потом команду:

– Живо в аэропорт!

Кидаем в машину всё приготовленное, зовём двух собак-лаек и едем.

Вертолёт должен совершить плановый облёт района и нас по пути подбросить до участка. Пакуемся не только мы, ещё и штатный охотник с тремя собаками. Зовут его Саша. Он летит на всю зиму до весны. Его участок в тридцати километрах от нашего.

Вертолётчики сосредоточены, что-то пальцами поводили по карте, посмотрели в мою сторону – мол, то ли баба, то ли парнишка. И мы полетели.

Гул вертолёта, ворчание собак друг на друга, разговор мужчин убаюкали меня, и я задремала. Проснулась от резкого толчка. Это вертолёт приземлился на небольшую полянку. Потом я удивилась, как он сумел – вокруг был вековой лес, кедров.

Звонко залаяли собаки. На них прикрикнули и даже самых яростных уgomонили пинками. Стал выгружаться наш спутник-охотник. Его мешки, сумки, кули просто сбросили, и вертолёт поднялся. Теперь наша очередь. Нас выгружали таким же образом. Когда вертолёт улетел, я огляделась. Крохотная избушка на небольшой поляне, вокруг тоже кедров. Полянка с небольшим уклоном.

– Там, – махнул рукой мой муж, – родник. Будем воду брать, он не замерзает даже в морозы.

В избе сколочена мебель: нары, скамейки, стол. И – о радость! – печка. Около печки старые газеты и книги с оторванными обложками для растопки. Муж по-хозяйски раскладывался, принёс дров и воды, затопил печку. Стало тепло и уютно, как будто я тут уже была. Собаки лежали смирно, положив головы на лапы, и следили за происходящим умными глазами. Этих охотничьих собак – лаек – нам подарили охотники с Байкита. Им ещё не было месяца от роду, и из-за сильных морозов мы их брали с собой в постель. Масти они были чёрной, с хорошим подшерстком. У пёсика, правда, на шее была белая отметина в виде галстука, поэтому его называли Франтиком. Другая была сучкой – называли Чарой. Франтик потом погибнет. Его сохатый убьёт копытом. Слишком близко оказался в пылу преследования. Чара у нас проживет весь собачий век. Умнее собаки я не встречала. Например, когда я возвращалась из командировки, эта большая строгая собака встречала меня ласковым ворчанием и клала лапы мне на плечи, заглядывая в глаза. Это всё о собаках.

Теперь о наших буднях в лесу. Прилетели мы, так сказать, по «чернотропу», когда снежок только присыпал землю и морозец был небольшой. Родник находился метрах в двадцати от избушки. Около родника – небольшой ельник. Ёлочки молодые все одинаковые. Ветви

растут от самой земли, стоят, как девушки в хороводе, в зелёных сафранах. За ними открывается вид на небольшую лесную ложбину.

Вставали рано, когда ещё не рассвело, быстро завтракали, и муж уходил. Он изучал участок в радиусе двадцати-тридцати километров. Я тоже работала не покладая рук. Рвала траву, в которой кипятила капканы для соболей, чтобы запах был лесной. Колола дрова, топила печь, готовила сразу обед и ужин. Остатки были на завтрак.

Воздух вокруг был изумительно хрустальный. Его можно не только вдыхать, но и пить. Ночами небо стало звёздным, мороз крепчал. Муж говорит:

– Нашёл берлогу. Сунул туда палку, а оттуда парок. Значит, медведь там. До этого он приносил соболей и белок. Я обрабатывала мездру шкурок, белок ели.

Вот однажды он поднялся особенно рано, покормив собак, наскоро позавтракал. Я дремала, наблюдая из-под опущенных век. Когда он окончательно экипировался, встала его проводить. Вышли из избушки. Небо чистое, снег снежно-белый. Вокруг белое безмолвие и такая тишина, как будто мы одни во Вселенной.

Я стояла, поёживаясь, с какой-то внутренней тревогой.

Ну, думаю с недосыпу. Вчера что-то разговорились, вспоминая разные события, и даже тихо смеялись. Алексей, так звали мужа, надев лыжи, поправив ружьё и рюкзак, свистнув собакам, поцеловал меня куда-то в ухо и ушёл.

Я пошла досыпать, топить печь и заниматься, чем всегда. В хлопотах прошёл день, и я спохватилась, когда совсем стемнело. Его не было! Я надела лыжи и дошла до спуска с горы, оттуда был виден распадок. Тишина и никого. Я перебирала в уме все варианты: сломал лыжи, трусили и убежали собаки, отказало ружьё.

Показалась луна. Мороз крепчал. Я пошла к избушке. Подойдя к жилью, остановилась, как кто сказал «стоп». Пошла обратно. Интуиция не подвела. В гору шёл он. Гора не крутая, но шёл с одышкой, с хриплым выдохом. Я стала спускаться навстречу, он заметил и натужно выдохнул: «Не надо».

Я ждала. Испуга не было. Организм сам мобилизовал силы, нервы, надежду на всё лучшее. Вот он рядом, в руках груз, ружьё за спиной. Нет рюкзака и лыжных палок. Подходит и кладёт этот груз. Это Чара. Она жалобно и протяжно повизгивает. Я наклоняюсь к её морде, она стонет, почти как человек. Вся задняя часть её обёрнута тряпками.

Когда пришли в избушку, развернули тряпки, я увидела рану. Это медведь цапнул её за заднюю ляжку, когда, разбуженный, поднялся

из берлоги. От его рёва вторая собака Франтик убежала. Просто струсила. Он, трус, приползёт потом к избушке. Струсил не только он. Муж сознался, что и он пустил в штаны, но преодолел страх и стрелял метко. Чару перевязал майкой и рубахой и нёс на руках всю дорогу.

В избушке осмотрели рану. Кровь уже запеклась. Я остригла вокруг шерсть. Смазала йодом, перебинтовала. Есть она не стала, а воду пила жадно. Когда я за ней ухаживала, она старалась лизнуть мне руку. Вот бывают такие братья наши меньшие.

Весь следующий день Алексей связывался по рации с посёлком и с соседом Сашей, чтобы прилетел вертолёт и забрал у всех охотничью добычу. Через три дня вертолёт был и забирал всё приготовленное, в том числе и медведя. Чару на руках внесли в вертолёт, который готов был уже подняться. Тут меня подхватили муж и Саша и сунули тоже в кабину. Уже с высоты я увидела, как они «лыбятся» и машут мне руками.

Уже дома, вернувшись с охоты и принеся шкуру того медведя (мясо сдавали в охотхозяйство), Алексей подробно рассказал обо всех обратностях той охоты. Мы поняли – риск был большой. Ещё он сказал:

– Никогда никого не буду убивать! Это был не медведь, медведица, и она ждала... Медвежонок родился бы весной.

Я плакала, да и у мужа дрожал голос.

ЖАДНЫЙ ПАСЕЧНИК

Поселок этот расположен у изумрудной реки, в живописном месте, на невысоком взгорье, но с севера прикрыт возвышенностью от холодных ветров. Все дома в поселке добротные, пятистенные, с крытыми дворами и скотниками. Вокруг домов березки, кедрушки да небольшие палисадники из таежных цветов. Есть и огороды, благо земли вокруг много. Население в основном занимается рыбной ловлей. Рыбу – которую засолят, а которую на ледник положат. Из краевого центра приезжают поставщики и забирают на продажу. Даже очень успешно. Мясо дичи и сохатого не переводится. Народ успешно охотится. На окраине поселка расположена обширная усадьба. Ее хозяин – пасечник. Пасека большая, наследственная. Ей столько же лет, сколько существует поселок. Мед таежный, ароматный, вкусный. О пользе меда все знают. Старожилы поселка все помнят деда Тихона-пасечника.

Говорят, он был из староверов, но отстал от общины из-за женьбы на православной девушке. Любовь и всё. Он любил угощать

односельчан медом, а по праздникамставлял медовуху. Мужики в основном брагу ставили, а самогон гнать – так ведь сахар был в дефиците. Медовуха и вкусная, и хмельная, да и полезная, если, конечно, в меру. Еще дед Тишка (так его звали попросту в поселке) любил угощать ребятишек. После разлива меда по заказам всегда мед оставался в остатке в бочонках, флягах, бидонах. Вот оттуда ребятня и выскребала остатки, потом наливали водицу из колодца и сладкую водицу пили. Это было как праздник. Ребята радовались, озорничали, сидели на заборах и даже мутузили друг друга.

Деда Тишку любили в поселке и уважали.

У него было много детей, но все женского пола и только один сын. Долгожданный, они с женой так и порешили – рожать, пока сына не будет.

Никита и стал наследником его усадьбы, пасечником. Девочек всех замуж позабрали, даже в соседние поселки. Рожденные по любви, они были красивые да работающие. Никита продолжал дело отца. Женился как-то странно, он приглянулся одному мужчине, у которого подросла дочь. Вот тот и заслал сватов к жениху, а не как в обычаях к невестам сватаются. Но дело сладилось, и вот уже вырастили трех сыновей. Старший как подрос, так и подался в город. Якобы повез мед на продажу, да там и остался. Со временем он выучится, обоснуется и будет неплохим руководителем на производстве.

Средний сын любил простор, реку, тайгу. Уже в четырнадцать-пятнадцать лет один уходил на охоту. Но больше всего по нраву была рыбалка. После окончания школы посчитал – хватит учиться. Читать, писать умеет, и ладно. Да и в армии служил на какой-то лесной точке с ракетами. Он рано женился. Жили дружно, детей любили. Планы у них были самые простые: купить лодку-моторку помощнее, а вместо ружья, подаренного отцом, купить ижевку.

Остался третий, младший сын Ефрем наследником усадьбы-пасеки. Пригожим лицом удался в мать, а вот замкнутым характером, видимо, в предков-староверов. Женился по-деловому, привел девушку и объявил женой. Хозяйством занимался основательно, особенно пасекой. К тому времени отец занемог, к тому был случай. По весне, когда солнышко стало пригревать, достали из ольшаника ульи. Из одного из них вылетел большой рой и сел на березу. Никита быстро приставил лестницу и полез снимать рой. Не проверил он устойчивость лестницы второпях и спикировал вниз головой. Чудом не сломал себе шею. Но ударился крепко. Поселковая фельдшерица поставила диагноз: сотрясение мозга. А он еще пошутил: «Если б они были». Но пришлось лечиться в городе, там пока и остался у старшего.

Хозяйство целиком легло на плечи младшего сына. Жена сына Екатерина и огород обхаживала, да и без коровы и другой живности не проживешь. Она полностью соглашалась во всем с Ефремом.

Заканчивался медосбор, и вся поселковая ребятня караулила, когда можно собраться к усадьбе пасечника. Этот момент наступил. Девчонки, а в основном мальчишки, весело переговариваясь, стучали ложками, банками. Самые нетерпеливые уже сидели на заборе. Ефрем, увидев это, пошел к забору: «Кыш-кыш, чего лепитесь, забор свалите. Я вас ужо!» И действительно, стал хлестать веткой особенно настойчивых.

Ребятишки поняли: праздника не будет – и стали уходить крича: «Жадина-говядина, кислая капуста, чтоб тебе было пусто». Дома они рассказали, как полдня ждали ставшего уже традиционным угощения. В поселке обиделись на жадность Ефрема. Но эта история закончилась совсем неординарно.

Однажды в погожий день ранней осени к усадьбе подошли три молодых женщины. Они вызвали Ефрема мелодичными голосами, стоя у калитки. Спрашивали медовую продукцию: прополис, подмор якобы для лечения. В руках у них были сумки. Подошли еще двое. Ефрем стоял, не подозревая подвоха, выйдя с ними за пределы усадьбы. Вдруг все пятеро повалили его на землю. Ефрем не был слабым, но неожиданность, да и то, что это были женщины, лишило его способности сопротивляться. Тут из леса еще подбежали бабы, и Ефрем с мыслью: «Не может этого быть» почувствовал, как с него снимают брюки. Он заматерился что, мол, мужика не видали, но бабы сидели на нем верхом. Вдруг он рванулся, почувствовав, как по нему что-то ползет. Не сразу понял, что это, а когда понял – взвыл, как от ожога. Бабы с гиканьем, улюлюканьем убежали.

Рыжие, здоровенные лесные муравьи ползали в брюках и жалили, жалили. Жадный пасечник был наказан.

СОТРУДНИЦА

Ася Алексеева в нашем коллективе работает недавно, но, благодаря своему живому, доброжелательному характеру, «вписалась» легко и быстро. Как будто всё время была с нами. Она сдержанна, о себе рассказывала мало. Мол, была замужем, детей нет.

Лет ей было около тридцати. В нашей фирме работали и мужчины, в том числе и холостяки. А при её симпатичной внешности были желающие за ней поухаживать. Но у неё ни с кем не было романов и дальше обмена любезностями дело не шло.

Мы терялись в догадках. Как это – молодая, здоровая «женщина в соку», и нет близкого человека?

Однажды перед праздником восьмого марта у нас был девичник. Настроение было праздничным, весенним, стол – вкусным, с хорошим вином. Все расслабились, разговорились, перешли от обсуждения производственных и телевизионных новостей к теме «мужчины». Стали спрашивать Асю, что она думает о наших мужчинах. Начали с начальника. Но вот как она обрисовала его облик. Во-первых, губы как две оладушки. Шлёп-шлёп, и облизнулся. Представьте его поцелуй! Ещё ёрзает на стуле, как геморройный. Это во-вторых. В-третьих, короткая шея. Он всё старается её вытянуть из воротника рубашки. В-четвёртых, потеет, подмышками темные круги. В общем, у Аси было и в-пятых. Мы сидели и удивлялись такой её разборке «в пух-прах». После небольшого молчания кто-то спросил Асю, как она воспринимает нашего красавца Гену Калинина. Живого, остроумного, с хорошей фигурой. Он почти как Аполлон. Она как будто ждала нашего предложения и начала перечислять.

Слабосильный, видимо, мышцы с детства вялые, к спорту не приучен, костно-мышечная система жизненных нагрузок не выдержит. Голова яйцевидная, на макушке всегда торчит хохолок, как у птички. Улыбается всем, остроты «с бородой», давно известные.

И так она говорила, говорила. Мы только рты пораскрывали, её слушая. Так как наш девичник был посвящён празднику женщин, решили выпить за женский род. Наша самая старшенькая сотрудница сказала: всё в России делалось женщиной – от стряпни до живых мужиков, вот за это и выпьем. Заговорили о детях, о нынешней непонятной моде. Как известно, темы эти бесконечны. Все отметили, что Ася у нас самая модная, и невольно вспомнили о достоинствах молодого, модного, во всем успешного Миши Марченко. Все хором сказали Асе: «Приглядишься к нему». Ася улыбнулась своей сияющей улыбкой и сказала как отрезала:

– Да, всем хорош, и имя очень подходит к нему. Такой же увалистый зад, как у молодого медведя. Идёт, как в штаны наложил. С моей летящей походкой я себя рядом с ним не представляю.

Общее молчание было ответом на её слова. Её легкость суждений, граничащая с пренебрежением, нас обескуражила, неприятно удивила. Мы испытали некоторое разочарование в нашей милой сотруднице Асе. Прошло около десятка лет. За это время в нашей фирме произошли изменения. Вот как раз Миша Марченко, вернее, Михаил Петрович, предложил внедрять новую технологию. Новое внедрялось ни шатко ни валко, тогда Михаил Петрович отделился, организовав

дочернюю фирму, взял кучу кредитов, и дело пошло. Пригласил к себе желающих с ним работать, и многие перешли к нему. Хотелось нового.

И вот после празднования Нового года во время каникул наш коллектив вместе с детьми участвовал в народных гуляниях на главной городской ёлке. Недалеко от нашей весёлой компании остановились двое. Мужчина и женщина.

В женщине мы узнали Асю. Она держала под руку мужчину явно старше, небольшого роста, мешковато одетого, с крупным носом, рыжими рысьими глазами. Он, мельком посмотрев в нашу сторону, что-то сказал Асе. Она кивнула в ответ, потом мило улыбнулась, так же держа его под руку, и они удалились. Мы, притихшие, постояли, глядя им вслед, и гурьбой побежали кататься с горок.

Простая история или нет, но жизненные зигзаги бывают неожиданные. Ася тому пример.

Л. С. Иванова

г. Железногорск

ФИЛОСОФСКОЕ

Все дни нанизаны на жизнь,
Подобно детской пирамиде.
Событий хоровод кружит,
И забываются обиды.
И просветляется душа
От вида милого ребёнка.
И мысль приходит не спеша,
А время тикает так громко.
С надеждой смотрим мы вперёд,
Гаданьем тайну открывая.
Желаем счастья в Новый год
И на удачу уповаем.
Наивно ждём чудес извне,
На случай слепо полагаясь,
Молитву шепчем в тишине,
При этом ни на грамм не каясь.
О дай, Господь, прозренья свет,
Позволь постичь секрет призванья,
Понять премудрый твой завет,
Успеть омыться покаяньем!

Декабрь 2013 г.

ЖИЗНЬ

Жизнь, как бурная река,
Нас несёт, маня судьбою.
Мимо – годы-берега
Пробегают чередою.
Все смешалось – люди, даты,
Смех и слёзы, и пути
Будут – были ли когда-то?
Сил нет дух перевести.
Мы живём, не видя жизни,
И гадаем на судьбу.
Смотрим словно бы сквозь призму.
Разглядеть ли на бегу?
Скорость сбавь, проснись от спячки
И зажги в душе Любовь.
Истину узри. И, зрячий,
Сделай несколько шагов.
И увидишь, и узнаешь
Цену каждого мгновенья.
Взором и душой воспрянешь
С чудом своего рожденья!

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Не опалило нас огнём войны,
Но в каждом доме помнят свято
О той цене, которой для родной страны
Добились вы Победы в сорок пятом!
О, земляки! Вам следовало жить,
Возделывать поля, стремиться к звёздам!
Но враг напал, чтобы сломать и задушить,
Стереть с лица земли страну мою. И грозно
Весь наш народ многострадальный как один
Поднялся на борьбу с чумой фашистской.
Сломав хребет врагу, он стал непобедим!
Но сколько, сколько, сколько вас лежит у обелисков!
И каждая семья ликует и скорбит,
Встречая в мае праздник – День Победы.
Я рада, но душа моя болит,
И в ветеране каждом я узнать пытаюсь деда...

Май 2013 г.

**РЕКВИЕМ
ПО НЕРОЖДЁННЫМ ДЕТЯМ
ЧЕРНОБЫЛЯ**

Нас – без вины виноватых,
Зáчатых в восьмидесятых,
Окон пустые глазницы –
Мы не сумели родиться.
Жизнь раскололась надвое
Разнополярно – чёт-нечет.
Мир позабыл о покое,
Словно дышать стало нечем.
Цезий, палладий и стронций.
Бэры, рентгены, кюри.
Как в Хиросиме японцы,
Встали мы из-под земли.
Брошен убийственный жребий
Чьей-то костлявой рукой.
Двадцать шестое апреля
Датой кружит роковой.
Нас без вины виноватых
Вспомнят потомки навряд...
Где похоронен реактор,
Детские души скорбят.

Апрель 2014 г.

А. Ю. Калиняк

г. Красноярск

Александр Юрьевич Калиняк в составе Сибирского полка химзащиты работал по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с июня по сентябрь 1986 г. Выполнял особые задания штаба полка. Награждён орденом Мужества. Инвалид II группы.

ТУЧИ РОДИНЫ

Скомкали тучи вечер, словно в кокон.
Настойчиво, упорно дождь хлестал,
Как барабанщик, по отливу окон,
И издали степенно приближался гром,
А я смотрел в окно, невольно наблюдал,
Как ветер треплет ветви за окном.
И вновь почувствовал, бывает так в ненастье,
Какое это всё-таки большое счастье,
Когда имеешь Родину и дом.

И вспомнилось вдруг лето восемьдесят шесть,
Когда палатку буря дёргала за шест.
Военный городок, болото, ночь, Чернобыль.
Ещё порыв – палатка просто лопнет.
Кнуты слепящих молний яростно стегали,
Не нас, болото, будто ангелы не знали,
Совсем не те проблемы нас уже достали:
Таблетки мы уже пилотками глотали.
Закрывать глаза от молний было бесполезно.
Господь воспринял ту беду не безболезненно.
Очередной удар, со вспышкой опять.
От нас то, что хотят, что мы должны понять?
Двум мнениям здесь просто тесно:
«Случилась страшная беда.
Спасайте Землю, господа!» –
Раскатисто настаивал нам гром.
И вновь почувствовал, бывает так в ненастье,
Какое это всё-таки большое счастье,
Когда имеешь Родину и дом.

АТИЛЛА, ВЕК XX, ГОД 86

В глобальных ситуациях
Случается эффект реинкарнаций,
И не зависит он от мест и наций,
Как будто провидение, попробовав однажды,
Использует проверенный приём,
И мы легко с подобием идём.
Цивилизованный «Атилла»,
Дисциплинированный хулиган,
Поскольку был он нашим командиром,
Никто не видел, чтобы он был пьян,
Чего я не скажу о замполите,
Пристёгнут был, наверное, к элите.
И потому, чуть встанет замполит,
А «шар» его с утра уже залит.

Наш комполка зашел в курилку,
Где оказалось, он оратор пылкий.
Сказал, что незачем за справочки цепляться
И, если нужно Родине,
То может с жизнью он расстаться,
Что всех на стену поведёт
И замполит пойдёт вперёд
И наше знамя развернёт.
Вот так сказал нам командир:
«Спасём страну, а с ней и мир!»

У замполита резко дёрнулись коленки:
Так не хотелось к радиоактивной стенке.
Чего тут странного, я тоже не хочу,
Не каждому такое по плечу.
Зачем же падать нам на доты?
Не тот, казалось, век,
Чтоб с «голым задом» скакать на пулемёты,
Имею я в виду,
Что разницы-то нет:
Дот в прошлую войну
Или поток прямой радиоактивный,
А амуний специальных не было и нет.
Надеть свинец – задача станет непосильной.

Наш мирный атом и исчадь ада
Тех убивает, кто смелей, чем надо.

Давно бы можно было всё решить активно,
Но отношение по-прежнему рептильное.

Итак, настал обещанный момент,
Истории нелепейший и горестный фрагмент.
Поскольку маршал стар уж был и незадачлив,
Парней так и отправили решать задачу.

Да что там говорить, при этом командире
На площади кремлёвской немцы самолёт садили.
Ему всё грезилось играть в прошедшую войну,
Двоих солдат и вовсе отправил с флагом на трубу.

В конце концов, увидели мы мизансцену,
Где командир-отец повёл ребят на стену.

СТЕНА

У стены стояли снова.
Офицер спросил другого,
Тот, разумеется, ответил,
Солдата рядом не заметил:
– А химзащита от луча их защитит?
– Нет, но им об этом никто не говорит.

Бывает, видится не то, что видим.
Бывает, носим, что не следует носить.
Бывает, кто-то вежливо обидит,
Приходится нам с этим жить.

И молча строй стоял и святость соблюдал.
И кто-то вдруг в строю сказал:
«Мне в детстве мама говорила...» –
«Да знаем». Кто-то отвечал:

«По крышам лазить запретила».
И тут ха-ха по строю прокатилось,
Но, думаю, другое здесь случилось;
Совсем не тихое ха-ха,

А громогласное ура!
Над строем разразилось.
Тот строй стоял перед стеной
И каждый молча говорил с собой:

– Стоим перед ЧАЭС, все в амуниции,
А будто голые – одни амбиции.
И всё-таки мы на позиции.
Атака будет, а не фикция.
Команда, лестница, стена, брандспойт.
Потом узнаем, чего нам это стоит.
Сосуды, нервы, кости, мозг:
Здоровье – всё коту под хвост.

Когда пройдут уже года
И кто-то скажет: «Ерунда»,
Поскольку не его беда,
И на своём стеной стоит,
Как будто правду говорит,
Ты не заплачь и не умри,
Простую истину пойми,
Что тот завистник – просто гад.
А ты герой, а ты солдат,
И этой честью ты богат.

НА РАССТОЯНИИ ОТ СТЕНЫ

Прошло примерно четверть века.
Пришли спросить у человека,
– Как чувствуешь себя сейчас?
– Как чувствует себя калека,
Совсем не так, как в прошлый раз.
Порой занает так лучом пробитый орган,
От боли хочется заголосить.
– Тебе же дали за ту атаку орден?
– Нет. Дали юбилейные значки носить.
– А в чем же дело? – Не хватает дозы.
Её спец. по дефолтам нам определил.
Да говорят, ещё похуже есть прогнозы,
И независимо, чем стал и где ты был.
Тогда на станции-то был патриотизм:
«Вперёд, за Родину!» – и сразу убедили.
Настало время орденов – опять идиотизм:
Героев взяли и сквозь сито справок процедили.
А парни многие уселись на коляски.
Такие вот для них, братишка, пляски.

Ещё, я помню, казус был смешной.
Л/с полка от хохота за животы держался.
Когда наш полк интриги подлость распознал,
Со свитою к нам генерал примчался
И перед строем без стеснений заливал,
Что якобы все эти наши дозы
Полезны, как курорт, и не вреднее папиросы.
И не задумался, что бесполезны враки
Тем, кто ходил, в те самые атаки.

Ему сказала мышка, что дозы не страшны,
В количестве, что нам дают, – смешны.

Воровка на доверии пожрала пирожок,
А ты греби осколки от станции, дружок.

Ну, а к юбилею, чести не имея,
Лысый черт из закулисья выскочил опять,
Нашу тему старую хочет он замять.
Но издавна в народе поговорка есть:
Если Бог не выдаст, то свинья не съест.
Им снова очень хочется «слопать пирожок»,
Ну и, разумеется, не отдавать должок.
«Как бы втолковать опять мужичью – Емелям:
Торт едят сначала, а потом уж делят».
Им Закон нарисовали, а они и верят
И за льготами своими лезут во все двери.
Или дурачье совсем, или только косят.
Чуть не толпами теперь ходят, что-то просят.
– Мне же обещали – где моя квартира?
– Ну-ка отойди отсюда. Тебе здесь не хватило.
– Ну, а что курорты юга?
– Дадим, когда завоет выюга.
– Может, летом можно тоже?
– Летом продадим дорожке.
– А автомобили по медпредписаниям?
– Внукам инвалидов ВОВ,
А вы не в свои сани.
– Внукам инвалидов ВОВ
По второму кругу дали.
Я поверить не готов,
Что про нас тогда не знали.
Мы про корочки узнали...

– А нам уже звонили,
Чтоб не выдавали.
Вот такие дали льготы
За геройскую работу.
Дали, есть такое дело,
За них судиться надоело.

Негоже на Отчизну обижаться,
Бывает Родина обидно неправа,
Но если перестанем за неё сражаться,
Не станет Родины тогда.
Бывают стены высоки, души порывы широки.
Бывают стены глухи и там котлетомухи.
И Родина не те, что сели в кресла,
За деньги или от тейпа занявшие места.
Ты помнишь про отцов, что погибали честно?
Они и ты есть Родина, солдат.

ГОСПИТАЛЬНЫЙ СОН

Сон приснился мне снова,
Значит, было хреново:
Туман, утро, болото
И терзает забота,
Пулемёт поливает из дота
Вместо третьего блока,
Знаю я, что до срока.
Я решил: подойду,
Амбразуру найду,
И всем телом на раз.
Так бывало не раз.
Но дойти – не простая работа.
Вдруг упал. Эта боль! Ноет каждый сустав,
Словно зубы болят на руках и ногах.
Полежал и пополз.
Доползу, не вопрос.
Вот уже этот дот.
Почему пулемёт?
Посылали на крышу.
За спиной вдруг услышал:
«Будешь долго стоять?»
Здесь не место мечтать.

Не поэты мы здесь, а солдаты.
Ждут лопату другие ребята».
И отчетливо вспомнил, что всё решено.
Отчего-то подумал: «Всё включено»,
И всем телом на дот навалился.
И проснулся и понял: опять этот сон.
Постоянством своим так достал меня он,
Это просто Чернобыль приснился.

И опять я уснул,
Измотавшись от боли.
Расступился туман,
Вижу – воин знакомый,
А под ним пьедестал.
Наклонился ко мне он
И тихо сказал:
– Плачь. Плачь, вой,
Я знаю твою боль.
Вы земли этой соль.
И не всякому любому,
Мёртвому или живому,
Выдано такое право
Быть и болью, и наградой,
Но народу-богоносцу
Это право Боже дал.
Плачь за раны Христовы,
Чтоб Земля жила снова.
Знает Бог давно тебя.
Воин ты восьмого дня.

И открыл я глаза.
У постели жена.
Говорит мне она,
Что я хныкал во сне.
– Что тебе, дорогой,
Сон приснился плохой?
– Это всё ерунда,
Дорогая жена.
А приснился мне сон:
Говорил со мной он.
– Сам стратег Гавриил?
– Нет, там Жуков

Архангелом был.
Он сказал, чтоб я плакал
За Христовы кручины,
А я с детства приучен,
Что не плачут мужчины.

Тяжело навалилась усталость,
И закрылись глаза,
В этот раз навсегда, оказалось.
Нет дороги назад.
Впереди только сон,
Ночь, туманы и он.

Не просто ранен, а убит.
Ушел, а ордена не дали.
Не дали даже и медали.
Так на же, воин, получи.
– Нет. Ты вдове моей вручи.
Пусть орден ляжет ей на грудь,
Напомнит о годах любви,
Ну и о той несладкой доле,
Когда я мучился от боли,
Я умирал, она была
Почти совсем уже вдова.
Ухаживала и лечила,
Украдкой очень тихо ныла
И Господа простить просила.

Сухие слезы вытри,
Беззвучный вопль уйми.
Мы все здесь ненадолго,
Ты сам это пойми.
Ушел солдат без долга.
Чисты его пути.
Теперь он воин Бога.
И ты его прости.
Ему не дали орден:
Теперь он орден сам.
Он был в атаке твёрдым,
Об этом знают там.
Прости, что не успели
Твой орден отстоять,
Но будем мы сражаться

За честь свою опять.
Ты орден свой получишь,
Его внесут в твой дом.
И на твоей могиле,
Мы говорим о том.

ВНОВЬ УВИДИМСЯ

В тот день Богданов уходил
И гром гремел под рюмку строго,
И не было уж больше слов,
И не было уж больше слога,
И вдруг случилось что-то снова,
Как электрической пилой,
Сквозь сердце пропилили слово
Оттуда, где не ступишь и ногой,
Я будто и увидел, и услышал,
Как будто тихо говорили две души,
Но почему-то резало мне уши.

Удушливо и густо тьма собралась.
Словно в коллайдере, душа металась.
И вдруг порвало светом ночь.
Туманы и тревоги прочь.

Слышу голос до боли родной:
– Здравствуй, тёзка земной.
Вот теперь ты послужишь со мной,
Но сначала прими те поклоны,
Что к тебе от родных и знакомых.
Побывай, где при жизни хотел, но не смог.
Ты свободен, не нужно ни крыльев, ни ног.
Без тоски, без печали, забот и тревог,
И, конечно, теперь уж без боли –
С моего изъявления воли.
Скоро будут свершаться такие дела!
Дрянь земная меня допекла,
Эту грязь помету я и землю умою.
На такую работу пойдём мы с тобою.
Но пока ты иди, отдыхай.
Прошлых горестей не вспоминай.
День закончится твой сороковой,
Вновь увидимся мы с тобой».

ЗАВТРА БУДЕТ ВЧЕРА

*На мелодию
«...хлеба горбушку и ту пополам»*

Возвратившись домой,
Пусть то в дождь или снег,
Как всегда, счастлив Родиной
Наш человек.
Если вспомнишь
Про горечь родного дымка,
Я тебе посочувствую только слегка.
И могу посоветовать выход простой,
Но, когда возвратишься,
Ты будешь другой.
Если вдруг захотелось
В лучшем будущем жить –
В своём прошлом попробуй
В атаку сходить.
Если ты не сумеешь,
То запомни тогда:
То, что было сегодня,
Завтра станет – вчера.
То, что сделал вчера,
Можешь завтра сгубить.
Так что завтра старайся
Про вчера не забыть.
Если вновь опечалишься:
«Как же мне быть?»
Постарайся слова эти
Просто забыть:
Не нужны тебе
Дали, поля и моря,
И словами своими
Я будил тебя зря.
Можешь речкой обычной
Куда-нибудь плыть,
Но тогда уже снова
Не следует ныть.
Не узнаешь ты горечь
И радость атак,
Доживи свою жизнь

Просто как-нибудь так.
Ну, а если ты всё же
Рванешься за мной,
Возвратившись домой,
Уже будешь герой.

ЗВЕЗДА ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО БРАТСТВА

В сутках двадцать четыре часа,
Двадцать пятый в работе при этом.
И в звезде этой двадцать четыре луча.
Двадцать пятый рентген под запретом.
Сияй, звезда чернобыльского братства,
Пусть не являешься ты символом богатства,
В твоих лучах символика беды
И все же нас объединяешь ты.
И пусть геральдика немного навевает
Воспоминания священной старины;
Кто был в чернобыльских делах, тот знает:
Шаг веры сделан был у той стены.
И капля крови, летящая в Грааль,
И подвиг рыцарей, пришедших из народа.
Уже не защищала, а излучала гибель сталь.
Дышала смертью дивной красоты природа.
Дорога чёрная, как траурная лента,
Не упустили мы и этого фрагмента,
Её мы заливали липким шламом
И становилась ночи пасмурной черней,
Чтоб пыль радиоактивная не двигалась по ней.
От голубого круга, что означает мирный атом,
Ошибся кто-то, стал он дверью ада,
И из неё летят «посланцы смерти»,
Не стоит это проверять, поверьте.
И то не копья, не мечи – радиации лучи:
Альфа, гамма, бета бронзового цвета;
Цвет окисла – цвет смерти, так сказал учёный.
Не понаслышке знал он, сам был облучённый.
От сырости болотной ночью пробирала дрожь.
Нередким гостем был радиоактивный дождь;
В палатках, бурей трепанных, повис аэрозоль:
Понятно было всем, с чего вдруг за грудиной боль.

Со всех сторон родной земли
Сошлись отважные полки.
Лучи атак оранжевого цвета,
Он взят, конечно, с МЧС берета.
Палатки по периметру стоят,
И мы по списку знаем тех солдат.

ЧАСОВОЙ

Снег пуржит за окном,
Говорит нам о том,
Что придут холода,
Лишь бы вновь не беда.
Хорошо в мирном доме,
А кому-то ведь в поле
С автоматом стоять,
У палаток дрожать.
А потом воевать,
Чтобы нас защищать.
Может, даже не нас,
Свою девушку, класс.
Со своею любимой
Он расстался в тот час,
Когда сердце заныло
От любви нестерпимо.
Потерпи же, сынок,
Для всего есть свой срок.
Не заклинит боёк
В автомате твоём,
Он согрет сквозь бушлат
Сердца юным огнём.

ДИКАЯ ДИВИЗИЯ

*Моя армия, ГСВГ(1969–1971),
в/ч п/п 47425. «Дикая дивизия»*

Закончилась кровавая война,
Как порождение холодная дана.
В верхах решили командиры:
Встаём на зимние квартиры.
Железный занавес объявлен.

Счет контрибуцией предъявлен.
Наш строй натянут, как струна,
И лоск везде, где должен быть.
Не дай нам бог неряхами прослыть.
Хоть службою внапряг загружены,
Но гимнастёрки отутюжены.
Сапог подковкою подбит.
Попробуй только быть небрит,
Так станет не до смеха.
Подворотник белее снега.
В стрельбе имели мы успехи.
Тверды, изящны на парадах,
Мы мушкетёры не при шпагах,
Точнее, мы мотострелки.
Ничто нам глубина реки.
Как дьяволы речные,
Хотя и человеки,
Мы на броне форсировали реки.
И, искушенные в таких делах,
Расселись местные на берегах.
Доносятся восторги: «Ох и ах!»
Моторов шум и водный плеск.
Наш воинский увидев блеск,
Девчонки раздевались топлес,
Не чепчики, а лифчики швыряли вверх.
Еще скажу, но не для всех,
Имелся и другой успех:
Случался и сюрприз-каприз,
Что неглиже слетало вниз.
Потом журил нас особист.
Так пролетели оба года.
И всё ж взяла своё природа,
Хотя и в службе преуспел,
Домой сильнее я хотел.
Увидеть снова наши горы,
Свой Енисей, своих друзей.
Да и какие были годы,
Хотелось жить скорей, скорей.
И отшвырнул ремень я в угол,
Когда за стол садились с другом.
Но мать зачем-то подняла

Ремень, мне в руки подала.
На миг почудилось мне скверное,
И я подумал, что, наверное,
Еще не все военные дела,
Поскольку мать его мне подала.
И вспомнилось, как мы сидели
Не за столом, а в копанье,
Моторов надвигался рёв.
И каждый был к стрельбе готов.
Они пришли нас убивать,
А мы их будем удивлять.
Но расскажу всё по порядку.
Мы метко били не в десятку,
За метров триста пятьдесят
Мы поражали всё подряд,
На восемьсот с гранатомёта,
За километр из пулемёта.
Такая, извините, рота.
Да что там рота, когда полк
Излом эпохи превозмог:
Всё начиналось на Первой мировой:
Тогда Брусилов нарушил царственный покой.
Причиной послужило тугодумие царя;
Брусиловский прорыв к Берлину –
Победа яркая и пленных немцев тьма.
Всё оказалось как-то странно зря.

Тот полк, что сабель восемьсот,
Деникин в бой водил,
Немецкую «Железную дивизию»
Одной атакой разгромил.
И десять тысяч вражьих тел
Остались на земле лежать,
Другую половину пришлось,
Как водится, с конвоем в плен погнать.
Тем, кто стоять остался под Берлином,
Провизия с боеприпасами нужны,
Но царственным предательством они поражены.
Вот так закончилась атака,
Могла б закончиться война.
Такая царская работа
Ни армии и ни народу не нужна.

Тогда чечен в штабной вагон зашел,
И царский поезд дальше не пошел,
Потом пошел, но был уже не царский.
Царя карьеру прервал поступок дерзкий.

С такой заботой о народе,
Как будто на голову болен,
Тот Николашка был с царей уволен.
И началась масонами задуманная смута:
Народ дурманом красностяговым запутан.
Война гражданская Россию рвёт на части.
Виновен ли народ? Быть может, да, отчасти.
Деникин, в прошлом царский генерал,
Вдруг понял, что с народом он воюет,
Свою страну сурово атакует,
Поскольку грамотен был, осознал.
И поражение, естественно, признал.

Затем пришла война другая.
Деникин Сталину писал,
Что сильно он переживал
Нашествие немецкое,
Хоть Армия Советская,
Но он привык Россией дорожить
И в письмах к Сталину
Рассказывал, как немцев лучше бить.
И Сталину понравилась
Деникина ревизия.
И вновь возрождена была
Та «Дикая дивизия».

Черкес ты, или ты казак,
Христианин чеченцу брат.
Кого бояться им,
Хранителям ключей от ада?*

В атаку броситься –
Их уговаривать не надо.
Взметнёт мулла Коран над головой:
Все как один в священный бой.
И если кто-то даже не в строю,
«Аллах Акбар!» – и все уже в бою.
И нет ни мотиваций, ни сил и ни причины
Сдержат порыв и натиск священной той лавины.

Был возрожден мой полк двести тридцать девятый,
Однажды Великим Октябрём проклятый.
И в огневых сороковых, без поражений,
С победой был закончен путь сражений.

Война закончилась, но войска остались,
Как оказалось, в этом не перестарались.

И вот случилось то, ради чего стояли.
В четыре часа ночи нас подняли.
Подъём ночной не по учебной,
Но по тревоге боевой.
Не утрастились и не омрачились,
А возгордились мы своей судьбой.

И встрепенулась среди ночи «Дикая».
Решили мы: «Нам честь оказана великая».
Сегодня здесь мы будем умирать
За Родину, за нашу мать.

Поскольку первые на направлении удара,
Нам первым славно погибать».
И разместились в копанеях,
И ждали мы всю ночь злодеев.
Сейчас из-за кустов, штыки наперевес,
К нам выйдут Тома Сойер с Гекльберри Финном,
Персонажи детской той кинокартины.
В мозгах кипели эти мысли, чуть ли не до рвоты,
Но не хотел об этом я делиться с ротой.
Тогда в окопе даже не осознавал,
Что мысленно киноактёра убивал.
Совсем другие Сойеры идут,
Промедли, дай им шанс, они тебя убьют.

Не допустили мы той вражеской атаки.
Хотелось им врасплох, однако
Не удалось у них, как раньше в Бресте.
Они к границе, но мы уже на месте.
Отрыты в полный рост окопы, копанеи.
И воевать обучены, и попросту умели.
Мы к брустверу прижались, дыханье затаив,
И гаубицы все направлены на них.
От танковых моторов земля уже дрожала.
Закончатся патроны, пойдём на них с кинжалом.

И мы начала ждали с темна и до темна.
И только лишь потом нас посетили повара:
– Ребяточки! Ребятки, мы испереживались –
Нас не пускали к вам, сейчас только прорвались».

Как было сладостно вкушать в окопе том
Из котелка горячей каши, да с мяском.
А после по казармам, в германский замок-дом.
Ну, а родимый дом – по дембелю, потом.

**Тот, кто Кавказ нередко посещает,
Про Аксайское ущелье знает.
Кто хочет поподробнее узнать,
Может в интернете прочитать.*

СОВРУДНИК. «ПОНИМБА»

Среди северных ветров
Черноголубые сопки,
С белым снегом меж стволов.
Обгоревшие подмётки
У негреющих костров.
И застывший от мороза,
Ропот здесь давно не нов.
Здесь одной семьёй ребята,
Мускулисты, бородаты,
До поры дружны, поверь.
Это вот и есть артель.
Ну, а если кто, зараза,
Сподличал – по морде сразу.
И становятся честнее,
Здесь оставшись, «люди-звери».
И стараются ребята,
И упорно моют золото.
Каждый хочет жить богато.
Но сказали нам, однако,
Здесь останется не всякий.
Испытательный есть срок.
Чтобы двести дней не мог
Водки даже и глоток.
Двести, хоть это и много,
Отстараться нужно строго,
Знает всяк, кто не дурак,

Чтобы получить «трудак».
И не менее двухсот,
Чтоб сезон пошел в зачёт.
Ну, и чтоб пополнить счёт,
Пару месяцев ещё.
Так и пролетело время.
По домам рванулось «племя»,
Но стоит всерьёз вопрос,
Прилетит ли «бичевоз» –
Ветер тучи вновь принёс.
Мы давно помыты в бане,
И сидеть на чемодане,
Надоело нам с тобой.
Очень хочется домой.
Скорей бы этот «бичевоз»
На материк меня отвёз.
Ну, а сразу по прилету
Двум таксистам дам работу:
В первой тачке еду сам,
Вторая сзади – шапка там.
Сегодня от моих щедрот
Очень многим повезёт.
Крупной суммою богатый,
Кто домой, а кто к девчатам.
Спустит всё, и «без штанов»
Он обратно рвать готов.
Но пришлют ли телеграмму?
Сразу не хватило «тямы».
Казус сей давно не нов,
Так и учат дураков.

*Р. С. Представьте себе этот текст
в исполнении актера Булдакова*

ЦАЦАЧКИ

В тенистом сквере на скамье
Сидел угрюмый ветеран,
Быть может, думал о семье
Или устал от старых ран.

Слеза упала на асфальт,
А голубь её клюнул.

Услышать деда не хотят –
Чиновник в душу плюнул.

Дедок рукой пошевелил,
Достал платок с кармана,
И звон медалей на плече
Напомнил об обмане.

Сегодня утром надевал,
Всегда носить нескромно,
А тот надменно обсмеял –
Выходит вовсе стрёмно.

Хотел путевку на Кавказ,
Квартиру, новый унитаз,
Ещё таблеток «полный таз»-
Всё получил и всё за раз.

Тот, с виду умный человек,
Он эстетично был одет,
Работник кабинетный,
Собой вполне приметный,

Слегка кивнув на ордена,
Сказал немногосмысленно,
Букв много не произносил,
Текст выразил удачно.

Словами, вроде русскими,
Понятно рассказал,
Что эти ордена, медали
Он здесь по-всякому видал.

Затем он встал и дверь открыл,
Затвором звякнув смачно.
За дверью той была стена,
И коридор стал мрачным.

И от какой-то от двери
Услышал где-то позади:
«Ты видел сам, вот зря он так.
Тут сумма-то совсем пустяк».

Подонков свора разрослась
До крайнего предела.

И нет в истории вообще
Подобного примера.

Веселись, тусовка,
Ветераны плачут.
Обалдевшие от денег,
Детки бесов скачут.

Вот и пришёл домой к себе,
Внучок встречает милый:
– Ой, деда, сколько на тебе
Крестиков красивых!

– На их тебе, играй, внучок.
Хоть так они сгодятся.
А деду впредь они теперь
Навряд ли пригодятся.

– Ой, деда, я тебя люблю!
Кресты на танк я прикреплю
И будет танк фашистский,
А я его ботинком подобью.

– Стой, нет, внучок. Попутал дед.
Ведь за крестами столько бед...
Совсем нельзя в те крестики
Ботинками кидать.
Придётся эти «цапачки»,
Внучок, назад отдать.

Мерзавцы их сегодня уже пооплевали,
Рассудок помутился, такое мне сказали.
Они уже плюют на тех,
Кто жизнь свою за нас за всех
Без страха и сомненья
Геройски отдавал,
И все вот эти «цапачки»
Он кровью покупал.

В горах Кавказа, да и здесь
Для Родины сражаться честь.
Про тех парней я не забыл.
Я вместе с ними в деле был.

Возил ребят я на Кавказ
И побывал там восемь раз.
Был как отец для всех солдат.
Всех матерям вернул назад.

Но вот однажды в той стране
Удача изменила мне,
А может быть, устал, моргнул,
И снайпер оптикой сверкнул.

В прыжке в пылу отваги
Успел вскричать: «Салага!»
На землю парня повалил,
Но пулю в спину получил,
Не буду про бронежилет,
Стал инвалидом в цвете лет.
Так подытожилась война,
Здоровье забрала она.
Комиссия на пенсию
Отправила меня.
Не худшим утешением
Является семья.

Ну вот, жена, я инвалид
И больше не поеду.
Теперь, наверное, и я
Хорошим буду дедом.

Когда у мужа за спиной
Жена от прочих бед стеной
И горестей сплошной букет –
От онкологии привет.

Такая вот эта болезнь,
Там, где обида будет лезть.
Я кинулся спасти жену,
Скорей к начальникам бегу.

Начальнички, спасите,
Мне в горе помогите.
– Конечно, мы поможем,
За дверью подождите.

– А кем теперь ты, Юрка?
– Ну, ты же меня знаешь.

Всегда я был солдатом –
Теперь я адвокатом.

А почему? Да потому:
Людей от горя защищать,
Не позволять того, чтоб мать
В слезах по сыну убивалась,
Враги победой упивались.

В пыли дорожником стоял –
Водил от них самих спасал.
И чтоб бандит не прессовал
Того, кто у станка устал.

Скажи мне только – я приду
И твоё горе отведу.
Мой смысл жизни – горе гнать
И счастье людям возвращать.

А если ты ко мне придешь,
Пивка со мною ты попьёшь.
С тобой мы посидим вдвоём
И твоё дело перетрём.
И все проблемы похороним,
И славное былое вспомним.

2008 г.

УТЁС «ФАБЕРЖЕ»

ВСТАВАЙ

Когда мне не было и полтора десятка лет,
Известной фразой будил меня мой дед:
«Вставай, проклятьем заклеймённый!»
И я вставал, как будто угнетённый.
Конечно, я тогда его не понимал,
Поскольку я тогда ещё не знал,
Что прячет он мою фамилию от бед,
Но сердцем знал – любимей деда нет.

Врываясь, словно свежий ветер,
Кричал мой друг, силен и светел:
«Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»
А на дворе была сибирская зима.
Мы мчались с ним на стадион,

На лыжах прыгали с обрыва
На дикий лыжный склон.
И мы не думали, что снова
Безумство нам «прощает» он,
Быть может, только до поры.
Средь сосен и берез стремглав
Мы мчались с кручи той горы,
Все опасения поправ,
Где камни острые, кусты,
К ручью небесной чистоты.
Нас невозможно было удержать,
Так нам себя хотелось распознать.
И каждый смел был сам перед собой,
Хотя, бывало, собирались мы гурьбой.

ШПАГИ

Стихи писал и фехтовал,
И в городе, среди мужчин,
В пятнадцать лет на пьедестал
Я третьим встал. Неплох почин?
 Дед заставлял меня на крыше,
 Где мы сражались с другом Мишкой.
Карниз, четыре этажа,
А как же жить без куража?
Эфес к лицу – салют, отмашка,
Со звоном засверкали шпажки.
 Но это пресекал мой дед –
 Спасал от переломных лет:
 – Ах, шпаги тут у них опять.
 А ну домой, лихая рать!
Подумаешь себе на шпажках.
На вёслах дрались те, кто старше.
Напоят лодочника водкой,
Собьют замки и катят лодки
К проталине, к большой воде;
Дуэль на вёслах в полынье.
Удар веслом отбить не смог,
Не уцепился за борток,
Пошёл под лёд: «Прощай, дружок».
 Нескучно пролетала юность у подростков.
 Имел ответы я на все свои вопросы.

ОТЛИЧНИЦА

Кому вообще хотелось
За теми партами сидеть,
Когда вокруг всё так вертелось?
И хочешь сам на мир смотреть.
Да разве только мы были такими.
С улыбкой вспоминаю школьный случай,
На памяти моей один из лучших:
Отличница с глазами голубыми,
Открытым лбом, шикарным бюстом,
Ногами стройными такими,
Вполне достаточного роста
И цвета колоса пшеничного косой,
На перемене задержалась в классе
И отсекла меня от общей массы
Специально, чтоб беседовать со мной:
«Такие темы интересные идут,
А ты не ценишь педагогов труд.
Тебе бы всё с мальчишками буянить
И в классе продолжаешь хулиганить».
Тогда я свой блокнот открыл,
Тем самым имя автора сокрыл.
Она читала вслух с почтением
И говорила по прочтению:
«Вот здесь Есенин, это Блок,
Никто другой бы этого не смог,
А это Лермонтов – ручаюсь головой».
Блокнот закрыл; она вскричала:
«Как?! Это всё написано тобой?»

«ФАБЕРЖЕ»

Они рукой моей писали,
Меня тогда из множества избрали.
И всё-таки нельзя писать, как те,
Что неподвержены живущих суете,
Кто был бы жив, то написал бы сам,
Но если сделал ты, дели напополам.
Случилось так: стихи, что дали они мне,
Немного позже и сгорели все в огне.
Они мне поучиться дали,
Потом огнём назад забрали.

В реальности учил меня мой дед,
Мечтатель «красный» и поэт.
А он свои стихи отнюдь не в стол писал,
В посёлке, где он жил, газету издавал.
Стенной газета называлась
И на заборе красовалась.
 «Поэт в России больше, чем поэт» –
 Первоначально сказано не им,
 Но говорил мне так мой дед.
 И я воспринимал его таким.
 Я, им наученный, стихи писал,
 И он же их в печи сжигал.
Заметил я, когда он сжѐг уже
Блокнота два, мой лютый Фаберже.
Пока вѐл с ним переговоры,
О жизни сложной разговоры,
Чтоб свой демарш понять помог,
Он незаметно остальное сжѐг.
 Его спросил: «Не понимаю почему?»
 Он объяснил: понятно было лишь ему.
 Когда он на вопрос мой отвечал,
 На спичечной коробке портрет мне показал,
 Конечно, я в нём сразу Сталина узнал.
 А дед свой палец с этикетки вдруг убрал:
 Там текст разборчив мало-мальски,
 Написано, что Пржевальский.
 – При чем тут Сталин с Пржевальским?
 И что всё это значить будет?
 – Пройдѐт немало времени, поймѐшь
 И руки целовать мои захочешь,
 Меня в могиле это не разбудит.
Простому человеку и сегодня ходу нет
К порогам тем и тем секретам,
Которые, тогда ещё узнал мой дед.
Про Сталина он знал секреты,
Шумеров и гипербореев,
Про ветхие заветы от евреев.
А иногда в столе он книги запирал
Такие, чтобы я их вовсе не видал.
Уже на пенсии мой дед давал советы тем,
Где обсуждалось многое, нам не известно с кем.

Прошли десятилетия – узнал я смысл слов
И все-таки принять всё это был я не готов.
Когда он жёг стихи, имел в виду другое,
Решил: отводит от меня большое горе.

– Сам от горшка чуть больше двух вершков,
А навалил аж два блокнота мне стишков.
Когда коснётся инеем хотя бы до висков,
Тогда допущен будешь к написанию стихов,
А тронет седина повыше тех висков,
Быть может, и в поэты будешь ты готов,
А обелится сединой вся голова –
Поэтом, может, станешь ты тогда.

Я думаю, что прав он не во всём.
И незачем уничтожать было огнем.
Поэт должен огнём души кипеть,
Переживать, что может не успеть.
И может, должен быть холодным ум поэта,
Но сердце его пламенем согрето.

– Зачем стихи пожёг, мучитель?!
Ведь ты же лучший мой учитель.
Какой с уничтоженья толк?
Вот лучше взял бы и помог.
От твоих правок был бы прок.

– С какой я стати должен помогать?
Ты должен сам уже соображать.
Известно издревле, что плевел
И в благодатной почве не растёт,
А доброе зерно и на обочине взойдёт.
Так и поныне сквозь асфальт пробьётся тополь
И встанет мощным деревом.
Сам осознай и прекрати мне этот вопль,
И овладей своим умом и телом.
Что за дурман тебя окутал?
Меня ты с кем-то перепутал.
Опомнись, я тебе не дед Мазай.
Назвался груздем – в кузов полезай.
Сначала должен жизнь свою прожить,
Отчизне всем, чем сможешь, послужить.
Задам тебе такой я вектор,
Узнаешь ты весь жизни спектр.
Когда закончится всё, сам

Не станешь власть зудить по пустякам.
Коль стал уже такой честолюбивый,
Служи Отчизне, рыцарь мой игривый.
Ты знаешь, кто поэт в России?
Хотя он вовсе не всемогущ,
А пожелает Бог – поэт станет известен
И мнением своим народу интересен.
Тогда поэт народу сможет правду так сказать,
Правителю придётся в отставку подавать.
А ты, мой смелый фехтовальщик,
Всего лишь просто рифмовальщик.
Плетёшь пустейший бред.
А знаешь, сколько может бед
Понатворить один куплет?

СОН

Измучен был беседой той и утомлён.
Прилег, заснул; приснился мне кошмарный сон.
Его вам расскажу – вот он:
«В дверь кто-то громко постучал.
Сергей с постели сонный встал
И дверь открыл, с просонья что-то буркнув.
Они вошли. Знакомы все.
Все в кожаных тужурках.
Изрядно были подшофе,
Сидели якобы в кафе.
Неспешно начат разговор.
Зачитан подлый приговор:
– Прости, Серёжа, наглецов –
Тебе ударили лицо.
А то мы помним, в прошлый раз
Ты лихо ускользнул от нас,
На то, мол, царский был указ.
Теперь, представь, приказ у нас.
В тот раз на фронт мы воевать,
Кровь проливать, в окопах мёрзнуть,
А ты в сады, стишки писать,
Чай гонять, на стульях ёрзать,
Принцессок за косички дёргать.
Теперь мы сеять и пахать,
А ты, весёлый, всё гулять.

Забыл, что был когда-то царский,
Теперь поэт ты пролетарский?
А мы вот думаем, ты врёшь.
От нас ты больше не уйдёшь.
И за везение по роже.
А как? Виновен в этом тоже.
Давай обсудим всё с тобой.
Вообще-то выбор небольшой:
Ну, станем мы петлёй давить,
И что потом нам предъявить?
Весь в испражнениях, с побитой рожей,
А журналюги ждут уже в прихожей.
Но мы твои друзья, и мы тебе поможем.
Вставай на тумбочку, Серёжа.
Оденься, что ты в неглиже.
Петля намылена уже».
Сжимает грудь мне спазм тяжёлый,
Удавка давит горло мне.
Вскочил с постели полуголый
И понял – это лишь во сне.
Петлю надели, но не мне.
И было всё в другой стране.
Причиной шум был за стеной:
– Теперь займёмся мы с тобой.
Вставай на табурет, Серёжка,
Поразвлекай гостей немножко:
Нам почитай стихи Есенина,
Потом про Сталина, про Ленина.

УТЁС

С тех пор прошло немало лет.
Исполнил дедовский завет.
Изрядно в жизни повидал,
Здоровье Родине отдал.
Мне говорил мой старый дед:
«Поэт в России больше, чем поэт».
Как прежде, мощь свою являя,
Стебель тополя асфальт ломает.
Из-под асфальта тополя встают,
Себе для жизни пробивая путь.

Я с юных лет забыть так и не смог
Стишок из тех, что дед в печи пожёг,
Остался он в воспоминаниях моих,
Я им хочу закончить этот стих:

Садится солнце, и над морем
Порозовели облака,
И, нагулявшись на просторе,
Корабль идёт издалека.
Утёс, обиженный, забытый,
Стоит угрюмо среди волн,
Дождям и ветрам весь открытый,
Он дум о вечном словно полн.

10.06.2014

СИНИЕ ЗВЁЗДЫ

И даже если б дед мой атеистом был,
Мучения души, что он при жизни получил,
Я думаю, его пред Богом искупают
И полагается ему по смерти рай,
Поскольку боль его меня переполняет
И льется, как из чаши, через край.
Кто нервно истощён и сердцем болен,
Бывает, кто-то негативом недоволен,
То лучше эту «сагу» вовсе не читай.

- «Кондрашка» -

Известный фильм, любимый всеми,
Затронул для меня болезную тему
И разбудил в моем сознании
О жизни деда моего воспоминания.
Ведь для меня мой предок был
Пример отнюдь не скверный:
Ваятель царства нового,
Слуга народа верный.

В том фильме в главной роли
Жариков играл.
Кондратьев его звали,
В оконцовке генерал.
Мой дед, за грудь хватаясь,
Обычно причитал:

«Что делать, я не знаю,
Чтобы "кондрашка" не хватал».
Над тем героем в фильме
Суровые сгущались тучи,
Все это было в жизни,
Но только на порядок круче.

- Колчаковцы -

Всё начиналось с кошмара зверской казни,
Тогда каратели, колчаковские мрази,
На человека эскадрон пустили
И шашками свирепо изрубили,
И в полынью пинали части тела
Только за то, что попытался сделать
Родной мой прадед, Алексей, кузнец –
За новый мир был искренний борец.
Отряд карателей пытался задержать,
Для этого сумел хитро подкову подковать,
И только вышел за околицу отряд,
Пришлось вернуться тем карателям назад.

- Иуда -

У прадеда был юный ученик.
Кузнец к нему по-дружески привык
И мастерство своё ему передавал,
То, что змею пригрел, конечно, он не знал.
Так вот, когда отряд с села ушёл,
Тот ученик к наставнику пришёл:
– Я видел всё. Подкова оторвётся,
Отряд карателей вернётся.
Давай ты спрячешься в амбар,
А я скажу, что ты удрал.

Вот так всё быстро, мудро и решили,
Амбар снаружи на замок закрыли,
Отряд вернулся – иуда к атаману.
Не знал кузнец, что подло был обманут.

- Село Йемек -

Река замёрзшая там площадью была,
И полынья колодцем для селян служила,
К ней банда деревенских согнала,

В тот день она и стала кузнецу могилой,
Его рубили всадники со страстью,
Летели в полынью от тела части.

И не один мой прадед был казнён,
И не один отряд был истреблён.

- Колчак -

Вот вам Колчак весь белый и пушистый,
Добавьте виселиц на фонарях парад
И запах на тех улицах «душистый»,
Где за одно сочувствие хватали всех подряд.
Скажи мне, что он не был виноват,
Так поступал, поскольку он солдат.
Спросили бы у вдов, прервав их плач,
Услышали бы, что Колчак – палач.
Но многим современникам понравился же он,
Но, впрочем, как и Гитлер, и Наполеон.

- Не прощу -

У кузнеца остались вдова и сыновья,
О жизни их, конечно, меньше знаю я,
Про выбор сыновей рассказывать не буду,
Мой дед себе поклялся: «Не прощу и не забуду».
И долго шёл по следу, искал того иуду.
Уже нашёл и рад своей находке.
Осталось лишь вломиться в ту квартиру,
Вдруг так некстати – вызов к командиру:
– Читай досье, он в нашей разработке.
И с этого момента про него забудь
И впредь таких забот ты не бери на грудь.
Проделал ты немалую работу
И потому получишь новую заботу.
Ты стал экспертом этой темы не на смех.
Так вот и будешь покровителем у них у всех.
Чтоб волос не упал ни с одного еврея,
Трудись, себя ни днем, ни ночью не жалея.
В Коране даже сказано,
Что послан был Иса, спаситель лучший,
На землю только для того,
Чтобы спасти народ заблудший.
Давай и мы возьмём тот вектор Бога

И выберем к спасению дорогу.
Евреев ты и впредь не убивай,
Их всех подобно Господу спасай,
Пусть даже всё они придумали
И сами написали про ад и рай.

Ты понял, для чего был послан в мир Спаситель?
Теперь считай, что ты от Бога представитель.
Работу эту делал честно дед,
Немало изготовил стенгазет,
Где уговаривал евреев не бежать –
Трудиться и немного подождать,
Чтоб было снова всё у них опять.
А те, что уезжали, – возвращались вновь,
И поднималась в удивлении бровь,
Кто всех активнее к отъезду подстрекал,
Тот в их домах теперь и проживал.

Но это в принципе еврейская дилемма,
Не только он не смог решить эту проблему.

- Уха! -

Гораздо раньше, чем тот порог переступил,
Отважно в конной артиллерии служил.
В боях КВЖД он дрался как солдат.
Был принят в комсомол и этому был рад.

Однажды он не смог эмоции сдержать,
Когда стал упражненье по рубке выполнять,
Так яростно лозу рубил:
Не то, что нужно, отрубил.
Обидная случилась незадача,
Махнул клинком, но не совсем удачно,
Полуха по ошибке снёс коню,
И получилось «новое меню».
И повторяли в эскадронах снова:
«Ну, что на ужин, уха от Иванова?»
Куда тут денешься, но всё-таки шло время,
А вместе с ним менялось всё и тема.
И предок мой по службе поднимался.
Однажды он в столице оказался.
Там познакомился с одной семьёй.
Так уж случилось, стала та жена вдовой.

Подругу друга дед мой не оставил:
С ней пару брачную составил.

- Бабушка -

О бабушке своей я расскажу:
Об историческом сюжете доложу.
Одна тульчанка юная, прекрасна и мила,
У Мендельсона в доме служанкою была.
Был фабрики пластинок хозяин Мендельсон,
А сын его, Мишель, в служанку был влюблён.
В любви признаться сдерживал свой пыл,
Зато о революции ей много говорил.
Похоже, красноречием он был богат:
Незамедлительно сказался результат.
Так, исполняя горничной работу,
Она ввязалась не в свою заботу,
Увидела: какой-то генерал
С верёвок женскую одежду воровал.
И кинулась девчонка с докладом к морякам,
Они неподалеку постом стояли там.
И в той сушильне немедленно был арестован он,
И в кузов в том же платье на постамент был водружён.
По всей Москве они его возили,
атем, как повелось, в колодце утопили.
Приписан был Керенскому скандал.
В то время он спокойно уезжал.

Итак, когда в столице был мой дед,
Сомнений вовсе в этом нет:
Супругу взял себе от дома барского,
Хотя происхождения не царского.
Но всё равно хватило и капризов,
И очень неожиданных сюрпризов.

Однажды он с задания вернулся,
То, что увидел в доме – ужаснулся:
Словно на троне, жена сидела на крыльце
В подателей-просителей кольце.
Недолго думая, нагайкой по спине
Своей наглеющей жене,
Затем уже и ходокам,
Что приползли к ее ногам.

Бежали со двора и Марфы, и Маруси,
За ними вслед летели жареные гуси.
Когда свистит нагайка,
Мало кто не струсит.

Узнав про это, добавили друзья,
Чуток иначе пояснив, что так нельзя.
Однажды к дому группой прискакали,
Придуманную байку рассказали:
«Остались от начальника
Фуражка да шинель,
Не знаем, как в посёлке
Ты будешь жить теперь.
У нас-то жёны дружат,
Само собой, не тужат
И местных в горе не бросают,
А те им тоже помогают.
Теперь не принесут тебе подачек.
Ну ладно, вдовушка. Бывай. Удачи».
А дед узнал об этом лишь потом,
Услышав плач, когда вошёл в свой дом.

Судить не станем предков строго,
Они отдали душу Богу.
А нам оставили воспоминанья,
Чтобы помочь нам в самоосознании.

- Золотое руно -

«Очередное горе», – сидел и думал Иванов,
Ещё не знал, на что за это он пойти готов:
«Бандиты распоясались уже совсем.
И не считаются они ни с чем.
Сам атаман убил чекиста молодого,
Хотя убийство для него не ново,
Но в этот раз застрелен был мой друг».

Тут книжка старая под руку подвернулась вдруг.
Её легонько полистал,
Текст интересный увидал.
Мгновенно словно осенило:
«Ну всё! Бандитам тем могила!»
«Когда дракона зубы прорастут,
В их середину камень брось,

И вот они уже не вместе – врозь,
И сами же себя и посекут».
Вот уж воистину не книжка, а руно золотое,
Вот кладёшь мудрости, чтоб подсказать такое.

Так что ж, и вызов брошен,
И план созрел хороший.
Ну, вот пригодится твоя наука, брат.
Устрою я бандитам от ниндзей маскарад.
Брат деда моего восточную культуру изучал
И джиу-джитсу в НКВД преподавал.
Конечно, он и брату немало показал.
И от него дед ниндзей технологии узнал.

Ватином обернуть копыта,
И контура будут сокрыты.
Как ночь черна, сокроет плащаница
Коня и всадника квадратною границей.

Чтоб это сделать, для того
Понадобилось-то всего:
Две длинных палки
Перекрестием скрепить,
Да с крашенными чёрным
Простынями это все соединить.
И не забыть друзей предупредить
И в свои планы чётко посвятить:
«Я говорю об этом только вам.
Представьте, что к утру начнётся там.
Короче: эскадрон примерно под рассвет,
Одна атака – и банды больше нет».

Ну что ж, вперёд!
Отмщение ждёт.
Вот в том селе у них отряд,
Сидят дозорные, не спят
И в ночь во все глаза глядят.
Я удивлю этих ребят.
Пройду у них под самым носом.
Необъяснимые вопросы
У них возникнут в голове,
А вот ответ известен мне.
Итак, вперёд бесшумной тенью.
Да воплотится ниндзей гений.

– Ты что, Степан, заерзал вдруг
И на лице твоём испуг?

– Да я сейчас такое видел.

– И что ты видел?

– Я не видел.

– Не понял. Видел или нет?

– Не знаю, что сказать в ответ,

Увидел и пришёл в смятение –

Погасли звёзды на мгновенье,

И в тот же миг они зажглись.

– Приди в себя уже, очнись!

– Как осознать всё это можно!

Здесь с выводами осторожно.

Как мне об этом говорить?

Так можно чудиком прослыть.

И как об этом доложить?

Чем это можно объяснить?

– Короче, ты забудь об этом,

Иначе скажут, ты «с приветом».

– Ну вот, как в школе, как по маслу

Всего лишь звёзды им погасли.

Пока до истины допрут,

Меня уже не будет тут.

А вот и хата атамана.

Не ждет чекистского обмана.

Пьет чай он с блюда по-купчески,

Помыт, одет по-человечески.

– Ты парня застрелил за то, что он чекист.

Он жизнь любил, с людьми был гуманист.

И чем тебе мешало, что этот парень жил,

Всегда всем улыбался, весело шутил?

Что, гад, ты думал, у чекистов дружбы нет?

А на-ка, сволочь, пулю получи в ответ.

Конь «орлик», словно звёздочка во лбу,

Знал, что испортить может он стрельбу

И потому, когда цевьё прижали на седло,

Стоял, как камень, будто бы его свело.

– Ну что, чаёк немного недопил?

.....

Но выстрел. В блюдец рожу утопил.
И тишина, как будто не был здесь никто.
Повыскачили с хат: «Кто это сделал? Кто?!»
Бегом по переулкам.
Осмотрены все закоулки.
– А где охрана наша? Где?!
– На месте караулы все.
Дозорные не спят,
Но ничего они не говорят.
В село никто не проникал.
– А значит, кто тогда стрелял?
– Никто нам ничего не доложил.
– Так значит, атамана свой кто-то уложил.
Крутился кто-то под окном,
Куда-же делся он потом?
И след только один,
И выстрел был один,
И гильза лишь одна,
И только у окна.
– Так кто же атамана застрелил?
– А кто недавно зуб точил?
– А может, рыжих братьев мать?
Она их подстрекала власть прибрать.
Вот вредная порода!
А может, мутят воду.
– Сидор с Ерофеем?
Пойдём-ка разберёмся поскорее.

И началось. И шум, и гам,
И кто-то врезал по мордам.
Ну вот и до стрельбы дошло,
Чем дальше, круче всё пошло.
Задуманное шло к финалу.
Вот тут и наши прискакали,
Клинки со свистом засверкали.
С полсотни примерно отважных ребят,
Аллуром в атаку летит спецотряд.
А звёзды в будённовках синего цвета.
Покончено с бандой еще до рассвета.

Отряд в казарме, очищены клинки,
Приведены в порядок гимнастёрки,

Надраены до блеска сапоги.
Начальство прееет на планёрке.

А вот и объявили построение.
И командир наш в добром настроении:
– Весь эскадрон за выполнение задачи
И за атаку, проведенную удачно,
Благодарю от имени комдива!
Теперь скажу устроившему диво:
«Дисциплинарный хулиган!
Снять портупею, сдать наган
И трое суток отсидеть,
Чтоб неповадно было впредь.
А новые появятся идеи –
Марш к командиру поскорее!
Я думаю, что всем это понятно?
Признаюсь, самому мне неприятно».

- Разнарядка -

Пришла разнарядка о чистке структуры:
«Не надо народу дворянской культуры.
Чекист Иванов с дворянином дружил –
Выходит, обоих пускать под распыл».
– А этого за что расстреливать, бойца?
– За то, что другом был того военспеца.

Сказать не будет лишнее:
Все «дворянином» звали Мишку,
А звали дворянином потому,
Что с детства этот титул присвоен был ему.

И был он спецом, и служил он Отчизне,
И ради неё не щадил своей жизни,
Товарищам опыт свой передавал,
А если в атаку, то первым скакал.
Октябрь кумачовый его восхитил,
И ветер свободы совсем опьянил.
С народом своим он пошёл в новый мир,
Где новый был вождь и новый кумир.

- Самокрутки -

И всё же решили спасти Иванова,
Но как это сделать? Неведомо, ново.

Давно уже ночь, но чекисты не спят,
По кругу друг другу проблему твердят.
Дым коромыслом, топор уж весит,
И от самокруток давно всех тошнит,
Но разум уже измотался и спит.
– Ну хватит, гасите свои самокрутки!
С такой разнарядкой отнюдь не до шутки.
Не будем об этом ему говорить,
Затем, чтоб затею свою совершить.

Без стука ворвались совсем среди ночи,
Жену напугав, ну не так чтобы очень.
– Дурацкие шутки! Достали уже!
Зачем потащили меня в неглиже?

С постели стащили. Надел лишь кальсоны,
Минуя его, раздавали патроны.
В вооруженный строй поставили его
И без оружия его лишь одного.
– Да что вы, ребята? Да это уж слишком.
Куда притащили? – Расстреливать Мишку.
– Какого вы Мишку? А я здесь при чём?
– Немного терпенья. Узнаешь потом.

Протер он глаза и в темень глядит,
А там, у стены, его Мишка стоит.

- Залп -

Залп прогремел. Упали двое:
Один от пуль, другой от горя.
И по инстанциям пошло в отчёт –
Убийство друга поставлено в зачёт:
«Совсем не враг он никакой –
Врага убил он собственной рукой».

- Постель -

О том, как это он переживал,
Потом я от жены его узнал.
Расстрельщик, что был без патронов,
Зато в строю стоял в кальсонах,
После того, как Мишку «расстрелял»,
Недели две с постели не вставал.
Рыдая, засыпал, проснувшись, вновь рыдал.

Во сне терзал его кошмар и бред.
Очнувшись, понимал, что в яви больше бед.
И вновь в самотерзаниях устал,
И снова был в сознании провал.

Никто бы не ответил на вопрос прямой:
«Убили Иванова, или он живой?»
Вот третья неделя, как давит кровать,
На службе устали его прикрывать.
Конечно, поднялся, конечно, пришёл,
Но Мишку, конечно, он там не нашёл.
Седой, словно лунь, он вернулся к делам.
Вошёл он в контору, и стихло всё там.
И сердце замёрзло, наверное, в лёд.
Конечно, отгадет, но время пройдёт.

Он в истерическом угаре
Проспал недели две подряд.
Когда проснулся и умылся,
Как будто проклял сам себя.
Вокруг не счесть теперь врагов.
Как волк овец порвать готов.

- Пулемёт -

Не так это просто бандитов ловить,
Когда могут запросто предупредить.
Отправят за бандой отряд небольшой,
А те уже ждут, дают дерзкий бой.
Отправят за ними отряд посерьёзней:
Там нет никого – уже слишком поздно.
Исчезли бандиты, и след их простыл,
И так каждый раз – следы, здесь он был...
Решили, что надо их всех обхитрить,
Пусть только лишь двое их будут ловить.
Пошли огородами в тёмную ночь,
Маршрут от обычного в сторону прочь.
Село обогнув, углубились в леса.
Искали бандитов хитро, как лиса.
Гонялись за бандой вдвоём по тайге,
И долго без пользы – ну нет их нигде!
Однажды ночевка на ветках была,
А банда под ними тропой прошла.
С кедра спустились, рванулись вперёд,

Чтоб банду поймать – не наоборот.
Обоз обогнали. Стоит пулемёт,
А банда по створу, вся сотня идёт.
Побольше, чем сотня, конкретно бандиты.
Час пробил. Здесь будут они перебиты.
Прорвался один, чтоб гранату кидать,
Еще попытался он что-то сказать:
«Зачем с пулемёта, начальник, стреляешь?
Кого ты сейчас расстреляешь, хоть знаешь?»
Но слушать не стали, что он говорил.
Напарник с нагана его уложил.

Немного времени прошло,
Вручить награду вызывает командир.
В каптёрку к зеркалу зашёл,
Чтоб довести до блеска новенький мундир.
Газету подает боец
И исчезает вдруг, стервец.
Газету почитал, и стало дурно,
И выругался очень некультурно.
Не помню, как у командира оказался,
Но помню, что эмоциям поддался.
Мне командир: «Смотри, какой холёный,
А чем такой сегодня огорчённый?»
«Сейчас бойцы газету показали:
На пленуме ошибкой все признали.
О перегибах в партии целая статья.
Так, может быть, тогда и орден зря?
Нас угораздило своих-же перебить.
И как теперь мне это пережить?
Мне остается только застрелиться».
«Давай. Бандиты будут веселиться.
Ты мне, как баба, будешь голосить!?
Молчать! А орден заслужил. Носить!»

- Баня -

Когда война Великая гремела,
Конечно же, на фронт он рвался.
Сказали: «Здесь тебе найдётся дело».
И вправду враг ему в тылу достался.
Те, кто от фронта с оружием сбегал,
Чтоб грабить дома, банды создавал.

Ловили их, не так это и просто.
Была проблема очень острой.
Но чтобы кровь зазря не проливать,
Решил мой дед бандитов упреждать:
В местах удобных к берегу пристать,
Засадой мародёров ожидать.
И вот за это деда чуть не наказали.
В других районах больше банды брали,
А дед сдавал всё время одиночек.
Такую пользу приносили его точки.
И было мирно всё кругом и тихо,
И не было мирянам от бандитов лиха.
Потом пришёл один с соседнего района
И долго умудрялся быть непойман.
Дурак бы знал, к чему пробрался он,
Не стал бы вовсе лезть в этот район.
Но, правда, долго весь отдел его искал,
Пока мой дед не подключился.
Измыслить тему умудрился
И голым в бане того гада взял.
А для того на время баню дед закрыл,
Пока приезжий люд немытый не заныл.
Конечно, и тот гад рванулся мыться,
Когда велели бане вновь открыться.
В разгар помывки входит дед,
В шинели он, а не раздет:
«Попался сволочь!» В воздух – бах!
И всё, бандита выдал страх.
Он быстро кинулся к окну,
И тут уж к полу его гнут.
Выходит, дед его и вовсе не искал,
А на допросе тот бандит ему сказал:
«Как жаль, что я тебя не застрелил,
Ты мимо чердака, где я сидел, ходил.
Ведь целился же я в тебя,
Да выдать побоялся я себя».

- Внук деда своего -

И много было подвигов других,
Но я пишу о нём, а не о них.
Но и когда уже на пенсии был дед,

Его нередко звали, чтоб спросить совет.
Пожалуй, хватит мне об этом,
Любил я деда больше всех на свете.
Он книги в детстве мне давал читать
О тех, кого Россия будет вечно восхвалять.
Прошло немало времени, я смог понять,
Что этим всем мне дед пытался подсказать.
Прорезалась в сознании такая тема,
Различий мало, какая у руля система:
Какая разница: империя или союз,
Ведь всё равно народ на спинах тащит этот груз.
Мой дед, как Родина, нет никого дороже
И я его продолжил в чём-то, может.

В научную шарашку я с протекции попал,
Поскольку оргработу в комсомоле знал.
Вовсю уже работали агенты,
Из наших граждан диссиденты,
Подкуплены, чтоб сеять ссоры,
Поганить души вражьиим подговором.
Меня всё это, признаться, раздражало,
Но я решил, что по-другому вырву жало.
Подумал: «Гадина, ты здесь не проползёшь!»
Старался повлиять на нашу молодёжь.
Пойдут за мной те, кто душой и чист, и светел.
Тем, кто врагам продался, здесь уже не светит.
И это тоже «анаконде» наш ответ,
И Дяде Сэму пламенный привет.
Ну и поскольку лазили везде агенты,
Предполагал я и бойцовские моменты
И дома отрабатывал ударные фрагменты.
Лупил я кулаком по голым стенам,
Похоже, мне покоя не давали гены.
Один десантник даже удивился:
«Ты у кого такому научился?
И школу я твою не распознал,
Колись, кто карате тебе преподавал?»
К чему себя готовил, даже сам не знал.
Вдруг вызов. Задание зам. по режиму дал:
«Я никому бы это не доверил,
Но вот тебя давно уже проверил.
И знаю, Родину ты не предашь,

Секретный блок врагам не передашь.
А повезёшь обычным рейсом,
Чтоб не привлечь разведок интересы.
Когда окажется предмет на месте,
Я представляю, как их это взбесит».
Когда-же прибыл я в означенное место,
Там позабавил меня казус интересный.
Из комнаты соседней вышел водолаз
И полуматом припустил на нас:
«Ну что вы, баре, обнаглели?
Мне тяжело, уже упрел я.
Давно и лодка под парами.
А это что ещё за парень?
Сегодня будем погружаться,
Или пора мне раздеваться?»
«Уймись, мы все здесь под парами.
Но, слава богу, блок доставлен.
Теперь пойдете. В добрый путь.
Ему обязан, не забудь».

Я обомлел: какая лодка?
Откуда этот водолаз?
Ведь город окружает нас.
Считалочку вдруг вспомнил без причины:
«Подводная лодка в степях Украины».
Соседский пацан, когда в зоску играл,
Считалочку эту всегда бормотал.
Папаша его кагэбэшником был,
С тем парнем я с самого детства дружил.

Конечно, эта не одна была поездка,
Бывали случаи не меньше интересны.
Мной не забыт был дедовский завет,
Спасал и я страну от разных бед.
Причастен был к проекту «Наш ответ»,
Ни у кого такого в мире нет.
И если к нам противник будет лезть,
У нас в Кремле такая кнопка есть –
Одно нажатие в Москве,
И Атлантиды станет две.

10.06.2014

АРМАН И СОРОК Д'АРТАНЬЯНОВ

ОТ АВТОРА

«Опять мушкетёры? Сколько можно? Этих вариантов уже... даже по небу начали летать на парусных кораблях», – так может сказать каждый, кто читал или смотрел «Трёх мушкетёров» в разных вариантах.

Мне эти герои полюбились в детстве, когда из радиопередатчика, висевшего высоко на стене коммунальной квартиры (телевизоров тогда ещё не было), раздавалась милая песенка:

Трусов плодила наша планета,
Всё же ей выпала честь:
Есть мушкетёры, есть мушкетёры,
Есть мушкетёры, есть!
Другу на помощь вызволить друга,
Из кабалы, из тюрьмы,
Шпагой клянёмся, шпагой клянёмся,
Шпагой клянёмся мы.

Для детского и юношеского сознания святыне идеалы дружбы и борьбы за свободу против тирании – это, конечно, было в русле постреволюционной пропаганды страны СССР, и это перекликалось с французской революцией, свергнувшей монархию. Но далее, читая «Трёх мушкетёров» А. Дюма, как-то не сразу отдаёшь себе отчет, что бунтарские, нигилистические мотивы этого романа достаточно вредоносны. Да и построен роман на туповатом сюжете.

Казалось бы: бунтарство героев романа против изжившего себя института монархии, где король – дурачок, королева – блудница, министр – негодяй, но ведь и «герои» мушкетёры – пьяницы, развратники, убийцы, дезертиры, изменники Родины. При этом остаётся только удивляться гению А. Дюма-отца, сумевшего влюбить в них несколько поколений читателей.

А на самом деле именно благодаря гениальности Армана де Ришелье Франция избежала пожара войны, которым была охвачена Европа. Сюжет с подвесками, думаю, выдумка. Бэкингема никакой Фелтон не убивал.

Герцог Бэкингом был приговорён к смертной казни королём Англии. Причина тривиальна – борьба за престол.

Д'Артаньянов было отнюдь не один, но наиболее удачливому стоит памятник в родовом поместье.

Атос на самом деле д'Атос, имя происходит от названия знаменитого горного массива. Этот мушкетёр погиб, сражаясь один против семерых, у таверны.

Портос дожил до старости, работая нотариусом, нажил богатство и множество детей и внуков.

Это результаты исследований (не моих).

Сюжет о мушкетёрах А. Дюма-отец заимствовал, взяв книгу из библиотеки, кстати, так её и не вернул. Заимствование сюжетов – не единичное явление у авторов. Вспомните; М. Шолохов создал свой роман «Тихий Дон», используя дневник казачьего есаула. Есть и литературный приём: пересказ истории жизни от собеседника (М. Лермонтов).

Но вернёмся к героям романа «Три мушкетёра»: при внимательном рассмотрении эти герои – антигерои. Например: д'Артаньян любит сначала одну блудницу, наставляющую «рога» своему мужу, потом другую, ещё похлеще первой, и вдруг, вместо того чтобы защитить свою любимую, соучаствует в её казни по желанию своих собутыльников. И это талантливо воспевают А. Дюма.

Кто-то скажет: «Ну и что? Подумаешь, книжный сюжет». А не по примеру ли этого сюжета в 90-е годы обочины трасс были «украшены» женскими головами так называемых «заплечных».

В общем, сбросив пелену обмана, сладко навеянного гениальным автором, возникло желание ревизии и создания другого сюжета. Мои мушкетёры и герои другие.

Ради справедливости должен сказать, что если бы А. Дюма не создал своих романов, которые казались очень увлекательными в юном возрасте и оставили впечатление на всю жизнь, то я не написал бы эту поэму, которая, хотя бы скользом, касается тем романов А. Дюма.

Не люблю, когда впереди рассказа текст от автора занимает много места. Потому не буду многословен:

Итак, прости меня, читатель,
Что я не новых рифм создатель,
Всего лишь нового романа
Про одного Армана
И сорок д'Артаньянов.
Куплет вцепился за куплет,
И вот уже готов сюжет.

Глава 1. ДОМИК

Известно мне от местных из рассказов:
В одной из деревушек на Кавказе
Учитель фехтования живёт,
О родине далёкой вспоминает
И местных ребятишек обучает
Искусству своему не первый год.
Мне тема показалась интересной.
Решил я побывать на этом месте.

В посёлке том у дивных гор Кавказа
Есть домик маленький, нашёл его не сразу.
И издали я понял: в том окошке он.
И что-то быстро пишет, виденьем озарён.
Сидит у окошка добрый старик
И пишет, что жизнь пролетела, как миг,
Как молнии вспышка, лихая судьба,
В отважных сражениях помнит себя,
Свой рыцарский путь, освещённый мечтой.
Он вправе гордиться судьбой и собой.
Он пишет о крае, что принял его,
Но помнит о Родине, что далеко,
Мечты философские, прошлое в яви.
Вот-вот он нам летопись эту представит.

В углу сверкает шпага гардой,
Старик, раздавленный подагрой,
Сидит, мечтая у окна,
Давно забыл все имена,
Но помнит сорок д'Артаньянов,
Весёлых и совсем не пьяных,
Влюблённых в жизнь и женщин, хулиганов.

Во Франции тех лет имелось д'Артаньянов,
Что на Руси сегодняшней Иванов.

Старик задумался, взмахнул пером,
И снова с упоеньем пишет он:
«Садилось солнце, и над морем
Порозовели облака,
И, нагулявшись на просторе,
Корабль идёт издалека.

Утёс, обиженный, забытый,
Стоит угрюмо среди волн,
Дождям и ветру весь открытый,
Он словно дум о вечном полн.
У берега волной качает
Разбитый и ненужный челн.
Друг дружку чайки обгоняют,
Подружек шумно окликают,
Ныряют камнем под волну.
Всё так же, как и в старину.
О, рок судьбы, как ты силен,
И луг в горах ещё зелён,
Но на вершинах гор белеет,
Сверкая, шапка ледника.
И, кто не глуп, тот понимает,
Что зелень – это лишь пока.
Созреют в поле урожаи,
И на деревьях кончат сбор.
Пастух на флейте всё играет.
С природой здесь не нужен спор».

Старик старания прервал
И сына громко подозвал.
Там под окном сидит мальчишка,
Зовут мальчишку д'Артаньян,
Из палки меч себе строгают,
Чтоб покорить немало стран.

– Сынок, пора созвать мальчишек.
«Шпаг» настрогал немножко лишних?
Сегодня примем новичков,
Поскольку ты уже готов,
Обучишь новую ватагу.
Пусть с малолетства знают шпагу.

Глава 2. РИШЕЛЬЕ

Старик вернулся, сел к окну
И снова вспомнил старину:
Бывает, исторически везёт народам,
Какой-нибудь измученной стране,
Примерно как во Франции, когда министром

В ней воцарился Арман де Ришелье.
Взошёл Арман в свой кабинет
И сразу рассмотрел бюджет.
И что казна? Она пуста:
На ноль страна разорена.

Решил Арман: «Как можно дольше
Нельзя нам воевать: не можем.
Казну наполнить сможем мы,
Да вот уйдёт всё на балы,
Красавцы-замки, на охоту,
Войну, кровавую заботу.
Но что особо нас тревожит:
Британия атаковать нас может.

Склонился вновь над картой кардинал
И замысел британцев, похоже, отгадал.
– Здесь артиллерию расставим,
Отсюда кавалерией ударим.
И сунься к нам теперь попробуй:
Любую армию угробим,
Поскольку так задумал Ришелье,
Успех здесь гарантирован вполне.
Но есть ещё один приоритет,
И это наибольший наш секрет:
Стяжают первенства в Европе,
Хотя бюджет в тех странах лопнул,
Сто принцев, сорок королей,
И каждый мнит себя главней.

Оружие мы им дадим.
Деньгами тоже им поможем.
Ну и, конечно, проследим
Во что они те деньги вложат.
Все их военные расходы
На плечи своего народа,
Увы, придётся возложить.
В таком режиме будем жить.

Там столько партий борется за трон,
Картиной этой я просто умилен.

Профинансируем мы эту драку,
Чтоб не самим идти в атаку.
Многопартийная система у них в стране.
Вот и прекрасно, по нраву это мне.

Пусть борются за трон и за корону
И катятся по этому уклону.
И сколько нужно денег им, для этого дадим.
Для внутренней войны их всех вооружим.
Всё больше будут в их карманах дыры,
А Франция трудиться будет в мире.
Пока они друг друга рвут,
Обогатит нас мирный труд.
Когда оборотятся к нам,
Мы воздадим всем по счетам.

И позаботиться, чтоб в странах оных
Работали активные шпионы.
И подобрать из местных
Персонажей интересных,
Платить им премиальные за то,
Чтобы творили своим странам зло.
Пусть в казначействах точат дыры
Своим бесстыжим поросычьим рылом.
И пусть богатство обретут:
Свою страну они пожрут.
Противника предателями одолеем,
На это денег мы не пожалеем.

И эта щедрость грузом тяжким ляжет
На тех, кто мирно нашу землю пашет.
И чтобы так они и дальше мирно жили,
Мы на крестьянина французского взвалили,
Потащит он и это тяжёлое ярмо.
Дворянам и монарху, конечно, всё равно.

Крестьянам обязательно возможность дать
Работать больше, чтоб себя обогащать.
Затем внезапно налогом обложить.
И снова этот метод повторить.

Об этом будут недовольно говорить,
Мне наплевать, лишь бы казну обогатить.
Богатство потечёт в казну рекой.
Какой я умный. Доволен я собой.

Но рано или поздно
Придёт период грозный.
Пойдут на нас враждебные полки,
Но встретят их французские стрелки.
Придётся покрутиться у пушек канонирам,
Чтоб дамы знатные надели новые сапфиры.
Но чтобы канонирам было чем стрелять,
Крестьянину придётся больше распахать.
Ведь по обычаю возделают земли,
Чтоб прокормиться, да и оплатить долги.
А для того чтобы работать их заставить,
Налоги нужно им существенно прибавить.
Работать нужно больше, чтобы больше отдавать.
Мои гвардейцы им помогут это осознать.

Какая схема сложная монархии служить:
Народ не разоряя, короне ублажить.
Дворцы, балы, охоты, брильянты и наряды,
И армии нужны мушкеты и снаряды.

Интриги за границей потянут еще больше;
Нам нужен мир как можно дольше.
Война бескровная для нашего народа –
Такой будет политики природа.

Итак, опять, по сути, нам грозит война.
В чем её смысл? Грабёж и бедствия она.

Над картой наклонился мудрый кардинал:
«Ударит-ли британец, как я всё рассчитал?»

И вдруг работу прекратил,
Свой взор куда-то устремил:
«Есть в мире философский камень,
Кристалл сияющий, как пламень.
Иметь бы нам кристалл Грааля.

Я не один о нём мечтаю.
Молва о нём давно гласит:
Сей камень может защитить.
Он оберег от всех напастей
И символ самой высшей власти,
На острове в России тайно спрятан.
Тот остров почему-то Заячьим зовут.
Поручена охрана не простым солдатам,
Отборные гвардейцы камень стерегут.
И в чем Грааля этого секрет,
Пока еще ответа нет».

Глава 3. ГВАРДЕЙЦЫ

И начались налоговые сборы,
Хотя, сказать точнее, что поборы.
И «взвыли» землепашцы, скотоводы
И прочие умельцы от народа.

В тавернах накалились разговоры,
Переходящие в кровавые раздоры.
Гвардейцы сбились с ног налоги собирать,
С народного подворья всю прибыль забирать.
Они, конечно, кардинала понимали.
Народ не понимал: «Последнее отняли».

Попробовал гвардеец вступить за народ,
Но вышло только хуже, совсем наоборот.
Цинично и надменно ответил командир:
– Сегодня навсегда ты снимешь свой мундир.
Ну надо же, народ. Мне просто наплевать,
Где и в каком овине их нарожала мать.
Наш кардинал, его святейшество,
А я скажу: наимудрейшество,
Особую политику ведёт.
Он всех врагов до битвы изведёт.
Организаторов чужой страны
Он приручает к взяткам и поборам,
И тем уже свои народы не нужны.
Чиновники, в своей системе воры,

Предпочитают деньги брать,
Когда несёт им вражья тать
За то, что в принципе нельзя.
Теперь враги их лучшие друзья.
В политике и экономике подрыв:
Народный близок взрыв.
Но вор-чиновник не будет отвечать за это:
Сбежит в страну, где спрятал он свои монеты.
Вот так решил министр наш одерживать победы,
Предполагаемым врагам устраивая беды.
Но оплатить его геополитику
Финансы не выдерживают критику.
Они невероятно крупные нужны,
И мы их раздобыть ему должны.
Но чтобы больше с народа собирать,
Его работать нужно заставлять.
А это уж не наше дело.
Приказано: берите смело,
Всё, что описано, с подворья:
Работать будут больше вдвое.

Реакция народа здесь понятна:
Кому ограбленными быть приятно?

Идут по улице гвардейцы.
В таверну держат путь.
После нелёгонького дельца
Пора и отдохнуть.
От горожан ни уважения, ни страха:
Летят отходы с окон, со всего маха.

– И валят из дверей, и льют средь бела дня.
Скотами вы назвали эту мразь не зря.
Я не Кассандра, но, похоже, быть большой беде.
– О чем вы говорите?
– Конечно, о войне.
Король не может эту мразь
Взять и послать на казнь,
Но может их в войне употребить.
Итог один: практически приговорить.

Он в армию всё это быдло заберёт,
Полковник этот скот в атаку поведёт.
– Когда народ ведёт себя, как скот,
Монарх его на бойню отведёт.
Поскольку льют помои с окон –
Их погребальный саван соткан.

Глава 4. ТАВЕРНА

Между окраиной и центром,
Где не бывает много ветра,
Стоит вполне опрятный дом,
Немного справа, за мостом.
На нём написано «Таверна»,
И угощают в нём в нём отменно.
А главное, подальше от начальства
И от чванливого дворянства.
Столы полны, вино в бокалах.
Здесь никогда не будет мало.

В отсутствие друзей Порту скучал,
Бургундское неторопливо попивал.
Вдруг – громкий голос за спиной:
Порту услышал, посмотрел, кто там такой.
Один месье другому говорит
И с яростью в глаза ему глядит:
– Вы слишком косо на меня смотрели.
За дверью есть площадка для дуэли.
Желаете узнать, как я фехтую?
Клинком цветок на лбу вам нарисую.

Неинтересно. Отвернулся в зал
И вроде снова это увидал:
– Вы на меня смотрели косо.
Имеете ко мне вопросы?
Претензии? Тогда к барьеру.
Я буду вас учить манерам.

Тогда он сел лицом к камину,
Увидел ту же самую картину:

– Как вы посмели косо на меня смотреть?
Я не намерен вовсе этого терпеть.
Быть может, захотелось вам пофехтовать?
Прошу за дверь. Вас буду этикету обучать.

Да, что это? В глазах троится?
Когда успел я так напиться?
Встал и хотел совсем уйти,
Но взгляд косой увидел по пути.
Соблазн велик, и сразу
Он повторил по смыслу фразу:
– Месье, извольте следовать за мной.
Я не прощу вам этот взгляд косой.
То, что искали вы, нашли сегодня:
Дорогу покажу вам в преисподню.

Закончил поединок, в зал зашёл
И здесь друзей своих нашёл.
В таверне словно посветлело
И на душе повеселело.
Друзьям не нужно темы для беседы,
Всегда легко разговориться за обедом.

Юнец провинциальный, шпага на боку,
Спросил у мушкетёров: «Я к вам подсесть могу?
Позвольте мне сегодня угостить вас, господа.
Когда я вижу мушкетёров, мне радостно всегда».
– Лицо знакомо ваше. Я раньше видел вас.
– И я вас тоже вижу уже не в первый раз.
– Что вас влечет туда, где мы решаем споры?
– Скажу вам прямо: я хочу стать мушкетёром.
– И как зовут тебя, наш добрый почитатель?
– Я знаю, вы решили, что я юн и я мечтатель,
Но в схватке первой же вам докажу:
Врага любого и хоть сколько уложу.
– Ну ладно, ладно вам, буян,

Скажите имя.
– Д'Артаньян.
– Здесь что, устойчивое эхо? Или такое дежавю?
А может быть, бургундского я слишком много пью?

Я то и дело слышу имя д'Артаньян.
– Нет, это просто стен такой изьян.
– Про дежавю судите сами,
Вот говорю сейчас я с вами,
А будто бы со всеми с ними.
Такое уж, простите, имя.
– Мы д'Артаньяны все, так назвала нас мать.
И надо же так было судьбе нас здесь собрать.
О! Дежавю испортился под вечер.
Увы, но радости не бесконечны.
Нам не хотелось этой встречи,
Но мы готовы к ней, конечно.

Вот только что мы радостно смеялись,
Но краски радости вдруг поменялись
С чернильно-синими плащами,
Украшенными серебристыми крестами.
Не отзовусь о них я лестно,
И с ними здесь нам будет тесно.

– Ну что, гвардейцы, оценил народ ваш труд?
Средь бела дня на вас уже помои льют.
С чего решили вы, что грабить свой народ
Без наказания вам с рук сойдёт?
– Помои с окон льют, скоты,
А кто накажет? Может, ты?
На чьи ты деньги здесь пируешь?
Налоги собираем мы, а ты жируешь.
Смотри, не запятнай свой светлый плащ,
Зацепит кто-то шпагой – и хоть плач.

– О шпаге разговор пошёл так скоро.
Теперь это не диалог, а ссора.
Оставим здесь плащи и ножны,
На улице продолжить можно.
Начнём по одному, а дальше будет видно.
Сразиться может каждый, чтоб не было обидно.

Который плащ хотел мой зацепить?
Совсем недолго тебе осталось жить.
Не прячься там, иди ко мне.
Где твоя шпага? Ангард. Алле!

– А этого мальчишку уберите.
– Да вы его об этом сами попросите.
– А ну-ка, парень, отсюда убирайся.
– Нет! Шпагу вынимай, со мной сражайся.
Как следует обороняйся.
Сражайся, лейтенант, а то
Тебя я издырявлю в решето!
– А парень не соврал: дерётся смело.
– Скажу вам больше: сражается умело.
– Поставленным ударом бьёт снизу вверх.
Да так он скоро перебьёт их всех.
– Смотрите, к ним спешит подмога.
– Но так их будет слишком много.
– Я вижу, у вас кровь на рукаве.
– Удар отбит, он шёл по голове.
– Какие будут варианты?
– Здесь не до умственных талантов.
Плащи захватим и бежим.
Урок им завтра повторим.

А вам скажу, юнец проворный,
За нас сражавшийся упорно,
Пока вам лучше скрыться, д'Артаньян:
Соперник ваш скончается от ран.
Узнал Париж проворность вашего клинка.
Теперь пусть думают, что вы издалека.
И больше здесь не появляйтесь.
Домой скорее отправляйтесь.
Мы скажем, что не видели вас вовсе,
Чтоб даже не мечтали о допросе.
А если в той таверне говорун найдётся,
Ему поразговаривать перед клинком придётся.

Глава 5. ДОКЛАД

Гвардейцы не смогли настигнуть мушкетёров.
Возможны и такие окончания у споров.

О схватке должен доложить Рошфор.
И будет неприятен разговор.

Громадные швейцарцы охраняют кабинет.
Тому, кого не звали, сюда прохода нет.

Да, нелегка министром служба кардинала:
Работает упорно, а кажется, всё мало.
С утра сегодня много написал,
Теперь больные пальцы разминал.
Суставы ноют, ломит спину.
Арман придвинулся к камину.
О Франции в заботах кардинал.
Вошёл Рошфор и мысль его прервал.

– И чем, Рошфор, порадуете нас?
– Нет добрых сообщений в этот раз.
– Ну, что застыли? Говорите!
Молчанием меня вы злите.

– Протест по поводу налогового сбора.
Из-за того и разгорелась эта ссора.
Отряд наш атакован был в таверне.
Один наглец повинен в этой скверне.
– Да что это? Я не могу поверить.
– Имеем мы от этого потери.
Убитых трое, раненый один.
– И кто-же их убил? Простолюдин?
– Нет, это были мушкетеры короля,
И с ними был какой-то д'Артаньян.
– Я порицаю этот разговор.
И для чего нам гвардия, Рошфор?
Какие ещё Яны, д'Артаньяны?
Должны быть уничтожены смутьяны.
Никто не смеет вступать с законом в спор.
Для несогласных – площадь и топор.

Арман кивнул; ушёл Рошфор.
И словно продолжая разговор:
– На каждой улице звон шпаг и перестрелки.
Из ножен шпагу вон, и скачут, словно белки.
Когда настанет время воевать,
То кто будет Отчизну защищать?
Всё, хватит эти шуточки шутить.
Пора дуэли строго запретить.

Хотелось бы иметь послушнее народ.
О чем я думал? Да: турецкий флот.
Соседям бури засеваю,
Чем кончится, и сам не знаю.
Я заварил в Европе кашу
В борьбе за безопасность нашу:
Боюсь, ослабнуть могут так,
Что не попасть бы нам впросак.
Почуяв эту легкую добычу,
Осман свои отправит корабли,
Имеет он такой обычай.
Увы, ему мы сами помогли.

Опять с османами война?
Нет, этим сыты мы сполна.
Поход его мы остановим
И способом уже не новым.
На славной Мальте атакует его дерзко
Испытанный отряд госпитальерский.
Известный рыцарь Ла Валет
Придумал воинский секрет:
Госпитальеры армию обучат,
Отряды из народа создадут.
Осман придёт с армадой-тучей,
А здесь его с сюрпризом ждут:
Начнёт он бой вести на суше,
А корабли его сожгут.
Вот угощение и скушал.
И пусть себе на острове воюет,
Крестьянские подворья атакует.

Но может и серьёзней встать вопрос,
О, Боже, упаси меня, Христос:
Мишель из Нотрдама, помню, предвещал,
Какой Европу ожидает вал
Нашествия народов мусульман
Из тех арабских, что не дальних, стран,
И даже веры католической конец.
Не допусти такого, Боже наш Отец!
Но что причиной может послужить?
Не знаю, не хотел-бы я дожить.

Глава 6. ВЛЮБЛЁННЫЙ д'АРТАНЬЯН

Стоит у замка д'Артаньян,
Своей любовью словно пьян.
Тот, кто любил, конечно, знает,
Какой пожар в груди пылает.
Всем сердцем «мальчик» слился с миром
И грезит поэтичной лирой.
Стихами думает поэт,
Бормочет сам себе куплет:
«Шуршащий аромат опавших листьев,
Как будто бы разбрызгал краски кистью
Художник, полюбивший эту осень.
И он с палитры щедро переносит
Свои фантазии на лес, луга и горы,
На парки и на дальние просторы,
Позолотил на всю длину аллею.
Хочу идти по ней, но я не смею
Разрушить этот милый шарм ногами.
Меняются оттенки вдруг под облаками.
К пьянящим, тёплым ароматам нежным
Повеяло вдруг хладом снежным.
Фонтан в саду давно умолк,
Какой по осени в нём толк».

Но знаю я фонтан другой,
Который управляет мной.
В нём жизнь сверкает, бьёт ключом.
Всё время думаю о нём.
И тот фонтан, конечно, да:
Она, любимая моя.
О ней мечтаю, сердце замирает.
Не думал и не знал, что так бывает:
Румянец на щеках моих горит
И сердце бешено в груди стучит,
Озноб охватывает тело,
И стал каким-то я несмелым.
Но робость не моя стихия,
Свершал я подвиги лихие.
Проблему нужно устранить:
Любимой сердце предъявить.

Обнять, прильнуть к её коленям.
К двери заветной по ступеням,
Вот и осталось лишь войти,
И снова этот стук в груди.
Отмашка шляпой с перьями,
Галантный реверанс.
Горю весь в нетерпении,
Но этикет таков у нас.
Затем бросаю плащ и шпагу.
В любви нужна своя отвага.
Я бросился к ней, будто зверь,
И нежный поцелуй теперь.

Вокруг меня роскошный зал.
Камин вдруг ярко вспылал.
Изысками заполнен стол.
Я не для этого пришёл.
Совсем забыв про этикет,
В любви таких запретов нет,
Я над столом тянусь за поцелуем.
Мы не от яств, а от любви ликуем.
Мешает стол, и фрукты, и вино,
И месяц, что уставился в окно.
Ещё мгновение – на полу её одежда.
Сбылась моя мечта, моя надежда.

Глава 7. КОРОЛЕВА И де ла ТРЕВАЛЬ

Лувр, королевские покои,
И в кабинете тихо двое
Ведут секретный разговор.
Не должен знать французский двор
О теме этой тайной встречи.
Ведь голова оставит плечи,
Если узнает Ришелье,
И не одна, а сразу две.

Поблёскивает платье жемчугами,
Как подобает первой даме.
Открытый верх, роскошный воротник.

Встав на колено перед королевой,
Взглянув в глаза, открыто, смело
Де ла Треваль к руке её приник:
Прекрасный протокольный миг.

На светло-голубом мундире
Сияет серебристый крест.
В брильянтах гарда на рапире.
Теперь, по сути, просто текст.

– Де ла Треваль, скажите мне,
Что думаете о войне?
– Война – убийство и грабёж.
На смерть отправят молодёжь.
Конечно, кроме молодёжи
Немало кто страдает тоже.
Но в основном простой народ.
Он трудится из года в год.
И вдруг опять придёт война.
Вновь беды принесёт она.
И кровь, и слёзы потекут.
Властители богатства обретут.
Политики свою получают долю.
Они себе возделывают поле.
– Зачем политики все эти,
Когда на смерть идут почти что дети?
За что же эту молодёжь в солдаты?
Они то ведь ни в чем не виноваты.
– Вот и решили невиновных истребить
Чтоб не было кому виновных осудить.
И для того чтобы они не оказались в судьях,
Изломаны и уничтожены их судьбы.
Юнцов, готовых стать мужьями,
Уж не невесты ждут, а ямы.
Женой не стала, но вдова,
Судьба такая не нова.
Но было бы гораздо хуже
С детьми остаться, но без мужа.
Мерзавец торжествует вновь,
В монеты превративший кровь,
Отнявший жизнь у женихов,
Подстилкой сделал бедных вдов.

И шлюхами тех вдов зовёт.
Они же и плодят народ.
Зачислит их детей в ублюдки,
Вполне серьёзно, а не в шутку,
И с предначертанной судьбой
Отправит всех их на убой.
Народ презреющий вельможа
Свои богатства подло множит.

– Наш рыцарь и мой верный друг,
Ты очертил порочный круг.
Его нам нужно разорвать
И не позволить воевать.
Чтоб всё не повторилось снова,
Короной я рискнуть готова.
Войну в зачатке заглушить
И к Франции не допустить.
От горестей народ избавлю:
С депешей смельчаков отправлю.
Есть в вражьем стане человек,
Он клялся мне в любви навек.
Его вполне смогу я убедить,
Что невозможно победить
Любой армадой кардинал:
Он просчитал до самого финала.
Манёвры знает наперёд,
Любого там фиаско ждёт.
Кровопролитие не стоит начинать,
Чтобы своё же поражение признать.
– Помочь я в этом вам готов.
Найду отважных смельчаков,
Стремглав отправятся с письмом,
Спасут наш добрый мир и дом.

Глава 8. Д'АРТАНЬЯН И ФАВОРИТКА

– Я снова здесь, безумно рад
Услышать этот тела аромат,
Чарующий и сладостный дурман.
– Про запах вы придумали? Обман?

– Цветов весенних, летних и осенних
Амброзия. Я припадаю на колени.
О! Дайте же я вас вдохну
Из всех я выбрал вас одну.
– Да прекратите, д'Артаньян!
– Я провинился? В чем изъян?
Тогда, пожалуй, я уйду.
– Нет! Стойте! Дышите меня всю!
Скажите, любите меня?
– Люблю! Люблю! Люблю!
Я с тобой ненадолго расстался
И всё время так сильно боялся,
Что с тобой мы не встретимся вновь,
И я понял, что это любовь.
Потому не хочу расставаться,
А хочу я тобой восторгаться.
Ведь и ты восторгаешься мной,
И я счастлив безумно с тобой.
– Мой милый юный д'Артаньян,
Уже в который раз свидание у нас,
А ты словно в дурмане, будто пьян
И так же трепетен, как в первый раз.
– Готов твой путь цветами я усеять.
Захочешь, можешь даже ты проверить.
Поднимет руку кто-то на тебя,
То после этого не проживёт и дня.
Он познакомится с моей отвагой:
Удар получит в сердце шпагой.
– Светлее день, как только вместе мы.
Ты лишь пришёл – забрал меня из тьмы.
Мне снилась страшной смерти тень.
Я плакала вчера почти весь день.
Ночным кошмарам места больше нет.
Долой из сердца жуткий бред.

Я знаю, что всегда, мой рыцарь верный,
Во всех делах ты будешь только первый.
Карьера обеспечена тебе, ведь ты со мной.
До генерала подниму тебя я, мой герой.
– До генерала, знаю, рост нескорый.
Мечтаю, чтобы звали капитаном мушкетёры.

– Сейчас ты думаешь о малом.
Легко ты станешь капитаном.
Но это вовсе не предел,
А лишь начало ратных дел.
Меня поймёшь ты лучше, милый,
Узнав, какие за мной силы
И кем давно служу я при дворе.
Я обо всём поведаю тебе.
Узнаешь суть интриг монаршего двора.
Решила я, что посвятить тебя пора.
– Что до карьеры, то осмелюсь доложить:
Всего за поцелуй готов тебе служить.
А про интриги я немало знаю сам.
Монаршая особа доверяет нам.
Известно, кардинал у королевы духовник:
Что Анна лишь подумает, он знает в тот же миг.
Похоже, утаила она один секрет:
Готов в дорогу таинственный пакет.
Отряд уже подобран наш.
С утра отправимся в вояж.

Глава 9. ТРЕВОГА

– А где наш д'Артаньян де'Монпасьён?
– В красотку до безумия влюблён
И он, когда не с нами, мнение моё,
Находится, конечно, у неё.
– У нас проблема: мушкетёр влюблен.
Задира, воин, юбкой покорён.
– А кто такая, где живёт?
– Вблизи казарм. Богатенькой слывёт.
– Не та ли, что зовут мадам Боанасье?
– Откуда её имя знаете, месье?
– Она знакома многим с нашего квартала,
Известно, что шпионка кардинала.
– И что, нам это чем-нибудь грозит?
– Смотря зачем наносит ей визит.
– А что он сам об этом говорит?
– Рассказывал: она нежна, красива,
Наделена какой-то тайной силой.

И перед тем, как он наносит ей визит,
Его по новой каждый раз знобит.
Еще о ней рассказывал наш мальчик:
Она смеётся, словно колокольчик,
А говорит – как будто ручеек журчит,
И благозвучие, как соловей звенит
Свои предутренние трели.
– Похоже, что мы друга просмотрели.
– Ещё сказал: глупа и вдруг умна.
– Так это значит, с замыслом она.
– Здесь стоп! Я думаю: опять она.
– Ознобы, колокольчики: влюбился мальчик наш.
– Что? Мушкетёр влюбился? Вот пассаж!
Быть может, освежит его вояж?
– Поскольку обнаружился курьёз,
Похоже, он попал уже всерьёз.
– Уже привыкла: всё ей сходит с рук.
Придётся тратить на неё досуг.
Не будем больше мы терпеть притворство.
Недопустимо здесь наше потворство.
Она решила лавры гения стяжать.
Нет хватит. Нам пора её прижать.
– Расслаблен он в объятиях любви:
Она его легко разговорит.
– Дурман любовный явно им владеет.
Она и тайну выведать сумеет.
И катастрофой станет откровение:
Раскроет королевы поручение.
Секрет узнает кардинал,
А это уже хуже, чем скандал.
– Итак, известно кардиналу про письмо,
И он захочет знать, о чём оно.
– Решиться нам уже пора,
Чья голова падёт от топора:
Развратной девы
Или королевы.
– В письме том всего-навсего вины,
Что доводы её против войны.
– Но Ришелье простить не сможет
И как измену подытожит.
Известна фраза кардинала:

«Чтобы казнить, мне нужно мало:
С контекста несколько лишь слов,
И смертный приговор готов».
– Нельзя, чтобы письмо к нему попало
И Анны голова к ногам его упала.
– Скорей отправимся к мадам.
План рассекретить я не дам.
У нас готово всё к отъезду,
Так поспешим к её подъезду.
А по дороге нужно будет захватить,
Чтобы проблему окончательно решить,
Известного всему Парижу палача.
Закончит это дело его удар с плеча.

Глава 10. АРЕСТ

Старинный дом в шатровом стиле,
Во фресках весь, на башнях шпили.
Немного замков красивее.
Ступени к парковой аллее.
Фонтан, площадка для карет.

– Ни стражи, ни прислуги нет.
Мы обошли весь дом по кругу.
Совсем легко спасём мы друга.

Стремительно, как вихрь, влетели.
Застали друга у постели.
– Так вот вы где, а мы вас потеряли.
Пора в дорогу, разве вы не знали?
– Мадам, меня вы узнаете?
Сейчас опять со мной пойдёте.
– Зачем же узнавать, я помню вас.
– Вы ловко скрылись в прошлый раз.
– Могильным холодом от вас повеяло.
Напрасно д'Артаньяну я поверила.
– Подходит время расплатиться по счетам.
Увы, скажу, что не завидую я вам.
– Не смейте прикасаться к ней
И лучше отойдите поскорей!

Извольте знать, месье, я искренне её люблю.
Кто сделает к ней шаг, тех шпагой проколю!
– Зачем вы вынуждаете нас с вами драться?
– Мне за неё не жаль и с жизнью расстаться.

Порту демонстративно вышел в дверь,
Вскричав: «Не нужно мне таких потерь!»
В окно пролез, что было сзади д'Артаньяна,
И быстро укротил он нашего буяна.
Руками обхватил молоденького графа:
Попробуй вырвись из объятий Голиафа.
Не только сила, но и хитрость от рождения –
Основа для побед по-умному в сражении.
Набросилась на де Порту мадам
И волю от души дала рукам.
В ответ на этот подвиг ратный
Сказал он ей: «Массаж приятный.
Как жаль, что раньше с вами не встречался.
Всю жизнь таким массажем я бы наслаждался».
– Что за наряд на ней развратный?
Закройте этот стыд приватный.
Палач, накрой её плащом.
– На казнь поеду я в своём.
От вас закроет он те прелести мои,
Которые великий инженер творил.
Но вам, мужланам, не понять
И незачем про это знать.
– Да, лучше всё позакрывайте,
Нас напоследок не смущайте.
– От вас сокрыто то, что нужно.
С кем надо, поохочем дружно.
– Ну ладно, хватит болтовни.
Палач, сюда её веди.
В последний путь для вас карета.
Скорей в лесок, покончим с этим.

Глава 11. СТРЕЛОК

Мушкет особый, удлинённый,
Прицел, специально зачернённый.
– Так, привела тропа к опушке,

Здесь и сниму с плеча я пушку.
Как всё же мудр наш кардинал,
Как прозорливо он сказал:
«Большие отряды заметны в лесу,
Отправьте стрелков и по одному».
А здесь идёт всего одна дорога,
Я их отряд уменьшу на немного.
В лесу я их подкараулю,
Хоть одного угроблю пулей.
А если вдруг на выстрел побегут,
Меня в моём костюме не найдут.
Он изготовлен в секретных мастерских.
Никто нигде не делает таких.
Вот и позиция, ура.
Надеюсь, ждать не до утра.
Нет, вот идут, ведут кого-то.
Что ж, начинается работа.

Глава 12. КАЗНЬ

Что может быть кошмарней, явь или сон?
Глядит, не понимая, как сюда перенесён
Из замка, где камина пыл
И где с любимой в неге был,
На край опушки у густого леса,
Где тьма такая, взглядишь: увидишь беса.
– И что, заступник мой и рыцарь славный?
Теперь предатель, мой убийца главный.
С тобой была не ради службы.
Была чиста я в нашей дружбе.
– Не верьте ей, в другом здесь дело.
Вам кардинал подсунул это тело.
Узнал бы раньше ты весь текст,
Какой бы был тогда конец?
И если бы она сбежала
И кардиналу рассказала?
Чья голова тогда упала б с плеч?
Вот результат любовных ваших встреч.
Зачем ты ей сказал про наше дело?
Теперь увидишь окровавленное тело.

Поставь ей, палач, клеймо проститутки:
Казнить, кардинала шпионку не шутики.
Пусть думают все: за то казнена,
Что с блуда имела доходы она.

Мои друзья мне как семья,
Теперь они против меня
И ничего не понимают:
Врагом, предателем считают.
Хочу им объяснить, но я немею,
И моё тело словно цепенеет.
В своей любви пред ними виноват
Настолько, что разверзся ад.

– Ну, что ты смотришь, д'Артаньян?
С ног валишься, как будто пьян.
Не смей, не пробуй даже
Решиться с ними на вояж.
Пусть даже будет быстрый конь,
Догонит залповый огонь.
Не круши же моих ожиданий,
Не старайся друзьям угодить.
Даже сотню найдёшь оправданий,
Сам себя ты не сможешь простить.
И не спасёт тебя самообман.
Очнись, опомнись, д'Артаньян.
Хотят мне голову отнять.
Они закончили свой суд.
Да, как не можешь ты понять:
Сейчас меня уже убьют.
Я стану некрасивой.
Да что с тобой, мой милый?
И даже если я сбегу,
Тебя простить я не смогу.
– Вы слышали? Простить меня не сможет.
Она, кто жизни для меня дороже.
– Очнулся и опять он голосит.
– Тебя она, быть может, не простит,
Но Богу мы её простить поможем:
Уже без головы во гроб уложим.
– Да отпустите же! Не трогайте меня!
Что здесь за место, чьи это поля?

– Пустое место, а за бугорком – дорога.
Вот здесь и встаньте, недотрога.
– Смотрите, как она рванула.
Опять она нас обманула.
– Ты думаешь, мы не догоним?
– Оставьте, это лишь агония.
– Палач! Она сбежит!
– Не убежит.
Ну, вот уже и порознь лежит.

Как будто гром ударил с неба
И голову отторг от тела.
Палач её презрительно поднял
И леденящим голосом сказал:
– Смотрите, мальчик, это вы любили.
О том, что смертны все, забыли.
Быть может, этот вид
О чем-то говорит?
Излечит вас от страсти ран?
Любили вы вот это, д'Артаньян?

За волосы поднял с земли.
И будто сразу всё смели:
Исчезли лес и облака.
Себя увидел сдалека:
Как кровь алеет на спине
И говорят зачем-то мне:
– Скакать вы сможете в седле?

– Да прекратите дёргаться, мальчишка,
Ведёте себя, словно девочка-малышка.
Да что вы вдруг так резко взвыли?
Не вам, а ей лежать в могиле.

А юноша как будто чувств лишился;
На де Порту всем телом навалился.

– Да, что вы виснете на мне?
Скакать вы сможете в седле?
– Я думаю, что ехать он не сможет.
Сочувствие любое не поможет.

– Наоборот, проветрится в дороге,
Пока он спустится с седла на ноги.
– Да что такое, в самом деле?
– Смотрите у него пробито тело.
Рубашка белая обагрена
И кровью залита его спина.
– А вы не слышали, что выстрел был?
Он д'Артаньяна нашего сразил.
Сейчас найдём мы этого стрелка.
Хотя похоже, что стрелял издалека.
– Нам в этой чаще убийцу не найти.
Не забывайте, мы с конвертом и в пути.
– Так, что же это происходит:
На казнь его мы привезли, выходит?
– Опомнитесь, не мы его казнили.
– А как он мучился, уже забыли?
– А ведь она своё сдержала слово.
– Партнёра нам искать придётся снова.
– Один всего лишь выстрел.
Всё так случилось быстро.
– И ничего мы сделать не могли.
Итог: на казнь его мы привезли.
– Скорбеть нам некогда, ребята,
Не забывайте, мы солдаты.
– Об этом помним мы всегда.
– Тогда в дорогу, господа.

– Они уже ушли, мадам, вставайте
И голову с каркаса вынимайте.
– Палач, сними с меня устройство кардинала,
В нём пребывать сегодня я уже устала.
Да, предсказуемы все эти солдафоны,
Катились по сценарию, как по уклону.

Когда ты голову фальшивую срубил,
Я слышала, как мой любимый взвыл.
И почему мой милый здесь лежит?
Он с ними не поехал: он мною дорожит.
– Я не хотел бы вас расстроить,
Но нас в живых здесь только двое.
Стрелок его из леса застрелил.

– Стрелок? Проклятье! Он меня убил.
Я жить без д'Артаньяна не хочу.
Убей меня: к нему я полечу!
Он дал мне столько рая,
Теперь как будто в ад.
Зачем я в этой схватке,
Невидимый солдат?
– Никто сегодня больше не умрёт,
Нас Ришелье с докладом ждёт.

– Вдали опушка и тот лес.
Потуже шляпу и эфес.
Теперь пора коней пришпорить
И со своей судьбой поспорить.
Палач всё сделает: проплачен.
– А кто это так громко плачет?
– Над д'Артаньяном кто то стонет.
– Ну что же, он того достоин.
– А кто там может так стонать?
– Возможно ли, что его мать?
– Ну вот, придумали вы тоже.
– Нет не она, а всё же, кто же?
– А я подумал, показалось,
Что голова у ног каталась.
– Да, но она была блондинка,
И голова её в корзинке.
А там какая то брюнетка.
– Случается такое редко,
Чтоб выросла другая голова.
– Зачем нашли такие вы слова?
Пора оставить эту тему.
У нас вояж и есть проблемы.

Глава 13. РИШЕЛЬЕ И СПЕЦАГЕНТ

В Британию отправлено письмо.
Я должен знать, о чем оно.
Хоть Анне я и духовник,
Но в эту тайну не проник.
Я этому совсем не рад.

Конечно, нужен перехват.
Когда противник знает наши планы,
Страшнее нет в стратегии изъяна.
Везёт депешу всё тот же д'Артаньян,
Известный как задира и смутьян.
И с ним ещё два неразумных тела.
Полезли не в своё ребята дело.
Не уважают вовсе кардинала.
И распоясались вконец нахалы.
Поставить агенту клеймо проститутки –
Совсем обнаглели, и это не шутки.
Достиг предела этот кретинизм.
Я вовремя придумал механизм
Поднятия фальшивой головы.
Решения придурков не новы,
Когда всерьёз заходит речь,
Чьей голове катиться с плеч.
Не просчитал бы я очередной момент,
Погиб бы лучший мой агент.

Как кстати, вот и вы, мой друг.
Что с вами, мучает недуг?
Вас ждал с огромным нетерпением.
Как справились с изобретением?
Я вижу на лице у вас расстройство.
Претензии по поводу устройства?
Замедленно поднялся плащ:
Коснулся головы палач?
Набил вам шишку на затылке?
С утра добрался до бутылки!
Мечом скользнул по вашей голове?
Забыл, что под плащом их две.
– Палач другой меня убил,
Кто д'Артаньяна застрелил.
– Так все-таки сработало устройство,
Признаюсь, я был в беспокойстве.
Вдруг не смогли вы правильно сыграть
И голову фальшивую поднять.
– Я выполнила четко все инструкции,
И, как задумано, сработала конструкция.
Палач сработал ювелирно,

Отнёсся к делу щепетильно.
Я имитировала плач,
Затем рванулась в бегство.
Всё сделал грамотно палач.
Мы с ним знакомы с детства.
Я потянула за кольцо,
И механизм сработал,
Поднял фальшивое лицо
(Прекрасная работа).
Мороз по коже пробежал,
Когда муляж уже лежал,
Глаза смотрели в небо
Так пусто и нелепо.
Забрызган кровью капюшон
И волосы залиты.
«Акт страшной казни совершён» –
Поверили бандиты.
– Удался, значит, этот трюк.
И всё сошло вам ладно с рук.
– Не слышали, что вам сказала я?
Трагедия большая у меня.
Мой юный рыцарь, мой герой,
С моей груди наружу рвётся боль!
И вы не видели, как он страдал.
Он жизнь свою вместо моей отдал.
– Помилуйте, об этом я не знал.
И разве я в него стрелять сказал?
Любить я не приказывал вам тоже.
Вы сами завлекли его на ложе.
– Его любила я сильнее, чем мать
И вам о нём хотела рассказать,
Чтоб для него просить карьерный рост.
А вместо этого снесён он на погост.
– Да, в жизни есть и горе, и печали.
Сказали бы мне про него вначале.
И для него бы всё я рассчитал.
Совсем другим бы был его финал.
И вас не смог он даже защитить,
А я бы смог его озолотить.
Разнылись, словно отняли ребёнка.
Вы спецгент или просто девчонка?

И чтобы прекратить стенания,
Даю вам новое задание.
– Опять работать куртизанкой?
– Меняем имидж: иностранкой.
Покончено с именем Боанасье,
Теперь вы миледи. Прилично вполне.
А имя придумаем позже
И цвет парика сменим тоже.
А впрочем, и имя возьмите теперь,
Уже я придумал: Лили Сорванель.
У нас заговорщики прямо под носом.
Займёмся плотнее мы этим вопросом.
Английская тема тревожит меня:
Задумали свергнуть у нас короля.

Вот всё и закончилось, мой д'Артаньян.
Хотела любви, но всё лишь обман.
С тобой вдвоём мы счастьем предавались,
Кошмарной явью встречи оборвались.
Сменила имидж, имя; убила я сама
Твою любимую, которой я была.

Глава 14. РЕКРУТ

– Зачем нам поворот ненужный?
Маршрут немного в стороне.
– Здесь юноша живёт отважный,
Письмо прислал недавно мне.
А заодно собьём со следа
Погоню этих надоедов.
– Понятно. Где же ваш герой?
– Да вот он с девушкой одной.
– Привет, мой юный д'Артаньян.
Я вижу, ты любовью пьян.
Не узнаёшь? Вглядись же в лица
И вспомни свой приезд в столицу,
Как я сражался за тебя,
Хотя и ранили меня.
– Да помню этот трудный бой,
Там подружились мы с тобой.

Но извини, что не узнал:
С любимой я. И я мечтал.
– Мечты влюблённых понимаю,
Душой и сердцем принимаю,
Или сказать, душой и телом.
Но я к тебе вообще-то с делом.
В твоём письме просил ты службы,
Вот и заехал я по дружбе.
Везём депешу королевы,
Написанную слишком смело.
За нами гонится отряд.
Я твоей шпаге был бы рад.
Но вот, поскольку ты с невестой,
Вояж такой совсем не к месту.
Опасен гибелью наш путь.
Прощай, мой друг, не обессудь.
– Нет, не бросай меня, всё в силе,
О чем писал я в том письме.
Гонцом ты служишь королеве,
Поверь в меня, позволь и мне.
– Да что ты, спятил, в самом деле?
О том ты вовсе не просил,
Чтоб умереть в рассвете сил,
Когда, любовью воспылав
И сердце юное отдав
Своей избраннице любимой,
Единственной и неделимой,
Всё заменить своей отвагой
И умереть в бою от шпаги
Или от пули из мушкета.
Не думал вовсе ты об этом?
И не проникся ты сюжетом
К вопросу северного принца
О том, что в смертном сне приснится.
– Я знаю, что приснится мне,
Пусть даже в дальней стороне,
Уснуть навечно – не бояться,
Какие сны влюблённым снятся:
Любимой столь желанный образ,
Что не срабатывает тормоз.
И плечи я её сжимаю,

К себе так крепко прижимаю,
Что в этот миг мы с ней не дышим,
Лишь только стук сердец и слышим.
Не сон, не смерть, не явь, не бред...
— Не знаю, что сказать в ответ.
И если спросят у меня,
Чем убедить ещё тебя?
— Не надо вовсе больше слов.
— Я вижу ты совсем готов.
— Готов и в службе королеве,
Я доказать хочу на деле:
Пригодны пылкие сердца
Для службы тайного гонца.
— С любимой будешь расставаться,
Одной позволишь оставаться?
— Разлуки миг не будет долог,
Зато исполню чести долг
И заслужу плащ мушкетёра.
И с ней сыграем свадьбу скоро.
— Ты рвёшься проявить отвагу,
Тогда бери свой плащ и шпагу,
Седлай коня, и в добрый путь.
Да пистолеты не забудь.
За этим лесом есть деревня
И там приличная таверна.
В ней мы и встретимся с тобой.
Возможно, снова будет бой.

Любимая, меня прости
И ненадолго отпусти.
Не сможет нам разлуки тень
Путь заслонить в наш светлый день
Благоухающих цветов
И трепетных, как раньше, слов.
И птицы громче запоют,
И воспоют любви уют.
Пусть не тревожит тебя грусть,
К тебе, любовь моя, вернусь.
А если вдруг прольётся кровь,
Нас к жизни возродит любовь.
Она рождает жизнь, и вновь

Летим навстречу я и ты,
Чтоб воплотить наши мечты.
И нет на свете темноты.
Есть жизнь и свет, и есть любовь.
Мы повторяем вновь и вновь:
Любовь, любовь, любовь.
— Тебя дождусь я рыцарь мой.
Мы под венец пойдём с тобой.

— А вот и он, наш рыцарь светлый.
Жить будешь долго, есть примета.
Мы говорили о тебе
И о твоей вопредь судьбе.

Поскольку наши лица знают
И в нас, как правило, стреляют,
Депешу спрячем у тебя.
Обманем их, словно шутя.
Доставь депешу королевы,
Вот и свершится подвиг смелый.
Дальнейшее уже понятно.
— Ну что ж, доверие приятно.
Когда движение начнём?
— Сейчас погоню перебьём,
И будет путь у нас свободным:
Вояж исполним превосходно.
— После того, как мы оставили тот лес,
За нами стук копыт, как будто бес
Погнался, выпущен из ада.
Устроим мы ему засаду.

Глава 15. ПОДВИГ де ла ФЕРА де АТОСА

С дороги пыль под облака.
Отряд порядка сорока.
— Ну что же, заряжай мушкеты.
Исполним умные советы
Решать не только шпагой спор.
Стреляет метко мушкетёр.
И чтоб не тратить зря заряды,

Ударим мы их из засады.
Подпустим ближе, ближе, ближе,
Огнём кинжальным их прилижем.
Мушкет, четыре пистоleta –
У каждого в комплекте это.
Истратим все наши заряды:
Угробим сразу полотряда.
И станет двадцать их всего:
По пятеро на одного.

Враги сорвали с петель дверь.
Начался шпажный бой теперь.

– Скорее, д'Артаньян, бегите,
Конверт секретный сберегите.
А их здесь дюжина всего,
По четверо на одного.
– Нет слишком много их для вас.
Двоих прибил. Теперь какраз.

– Всё, д'Артаньян уже в дороге.
Нет, погодите-ка немного,
Наш д'Артаньян попал в засаду.
Помочь ему скорее надо.
Один он против семерых дерётся
И по привычке весело смеётся.
В таком соотношении не сможет победить,
Не много промедления: его могут убить.
Вы справитесь? Бегу к нему от вас?
– Поторопитесь, а нам не в первый раз.
На нас двоих их пятеро всего.
Двоих сразим; по полтора на одного.

Ла Фер примчался к д'Артаньяну,
Атаковал гвардейцев рьяно.
– Ну что, каналы, чести нет у вас?
Пересчитаю вас клинком. Вот «раз».
Ко мне, позорники двора.
Захват клинком, а вот и «два».

И д'Артаньян двоих уделал
В своей контратаке смелой.

И всё же при неравенстве таком
Ла Фер был в спину поражён клинком.
Уже спешат на помощь двое,
Но видят, что случилось горе.

Сбежали подлые гвардейцы,
Наделав подленькое дельце.

– Он жив, но ехать он не сможет;
Активность рану растревожит.
Пусть отлежится где-нибудь,
А мы скорей продолжим путь.
Внесём его в крестьянский дом.
Мы заберём его потом.
Обратный путь не будет сложным:
Наш враг морально уничтожен.
И друга увезём с собой.
Вернётся он назад живой.
– Друзья, не торопитесь это делать.
Я чувствую, душа уйдёт из тела.
Мне надоело умирать.
Как трудно снова выживать.
Вот что такое ветеран:
Устал от колотых и рваных ран,
И от осколков, и от пуль.
Война, какая это дурь.
Вот и кончаюсь. Что ждёт меня у Бога?
Грешна по жизни была моя дорога.
– Скажите мне, с чем к Богу обращались?
Чтоб ангелом служить, вы обольщались?
– Как вы узнали? Да, об этом я мечтал.
– Он вам при жизни работу эту дал.
Услышал Бог молитву вашу,
Послал испить вам эту чашу.
А о грехе: вы, как и все мы, человек.
Известно грешен человеческий век.
И почему с молитвой в небо мы глядим?
А потому: Господь наш неисповедим.
Учитель говорил тем, кто идёт с Христом,
Грехи их убелит перед Отцом.
Иисус сказал: тот не спасёт души своей,

Кто не сгубил её ради других людей.
Еще сказал: кто подвиг совершает,
В тот миг награду Бога получает.
– Ну, вот и стало легче мне теперь
И чувствую, открыта в небо дверь.
Как будто бы луч ласковый меня объял
И тело сделал лёгким, и в облако поднял.
– Ну, что он?
– Кажется, затих.
– Погиб от ран.
– О да, от них.
– Себя ла Фером называл,
Какое имя он скрывал?
– Скрывал он имя де Атос.
– Но почему, опять вопрос?
Ведь это имя горного массива,
Величественно и красиво.
– Попробую сказать короче.
Случилось так: однажды ночью,
Узнал он правду про свою любимую.
С тех пор в душе нёс боль неодолимую.
Он с головой влюбился в куртизанку,
И это вывернуло душу наизнанку.
Он замок бросил и пошёл в солдаты.
Имеет опыт боевой богатый.
И столько у него ранений:
Он смерть искал, в том нет сомнений.

Глава 16. ЗНАКОМСТВО

– Мы понесли тяжёлую утрату:
Он лучшим был из нас солдатом.
Но мы разделались с погоней.
Теперь нескоро нас догонят.
– Скажите, сколько уже лье
Мы скачем бешено в седле
– Вдали таверна, прямо к ней
Направим мы своих коней.
Нам отдых нужен, хоть немного,
С седла сойти расправить ноги.

– Корми, хозяин, нас скорей,
Бургундского вина налей.

Вот и в таверне с вами снова,
И угощение готово.
Мы в прошлой встрече скоротечной,
В беседе быстрой и беспечной
Не расспросили о тебе,
Не рассказали о себе.
Но ты блеснул своей отвагой
И доказал, что можешь шпагой
Проблему устранить любую,
И выбрал ты судьбу такую,
Где будешь ты ещё смелей,
Ведь ты обрёл своих друзей.
В Париже так и не узнал,
С кем дружбу и судьбу связал.
Уже проверен ты в бою
И жизнь доверил нам свою.
Тебе неведом в схватках страх.
Пора узнать и о друзьях.
Погибший был у нас вожак.
Ты понял сам: не просто так.
Мы лидером его признали:
Он лучшим был, мы это знали.
Себя назвал он де ла Фером.
Здесь смысл взят от слова «феррум».
Любил он разбираться в марках стали.
Как он хотел, так мы его и звали.

Христос вещал на арамейском языке,
Потомок арамеев в этом кабаке.
Он рядом с вами: д'Артаньян, де Арами,
О мироздании сомнением томим.
Взращен он был епископатом,
Но, непокорный, стал солдатом.
К религиям он толерантен
И с дамами весьма галантен.
Он изливает им фонтаны нежных слов,
Как будто под венец идти уже готов.
А если с ним великосветская мадам,
Он источает абсолютный шарм.

Романтик, сдержан, но бретёр,
Душой и сердцем мушкетёр.
Ведёт себя он осторожно,
Проникнет там, где невозможно.
Отважен, храбр, как солдат.
В разведку с ним ходить я рад.
– Меня вы расхвалили, де Порту.
Теперь о вас рассказ я поведу:
Огромной силы, прямодушный,
Но разговор его не скучный.
Другой раз что-нибудь зазнёт,
Что сам потом не разберёт.
– Да ладно, хватит сочинять.
Хоть и не надо было знать,
Не вам и никому другому:
Я ключ ношу к родному дому.
Не только мой это секрет.
Храню его я много лет.

В тот день, когда из Португалии Колумб отплыл,
Но я вам не о том, что он Америку открыл,
Велела королева иудеям всем
Креститься, чтобы не было у них проблем.
И, кто не примет веры королевы,
Вон с королевства или на галеры.
Посоветовавшись, наш народ решил
И против веры частично согрешил.
А в синагогах книги появились
Со списками евреев, кто крестились.
С тех пор и ходим мы с ключом,
Как символ, что не забываем дом.
Я, как моя семья, взял имя де Порту,
Чтоб не забыть про порт и синагогу ту.
Мой прадед кабалистом был,
Меня католик окрестил.
Мулла, епископ и раввин,
Но Бог у них у всех один.

А наш гасконец, Шарль де Бас,
На службе прикрывает нас.
Один дежурит за троих и за себя.
Он доказал, что дружим с ним не зря.

Усидчив и трудолюбив.
Всё, что не сделает, в актив.
Всегда докладывает внятно,
И почерк очень аккуратный.
Красив, изящен на поклонах,
В любых дворцах, как будто дома.
Ботфорт уже украшен бантом.
Похоже, скоро станет лейтенантом.
Немало он имел сражений,
Не знал ни разу поражений.
Чтоб обеспечить нам успех,
Он вертится один за всех
И во дворцах, и в штабе, как белка в колесе.
Его активность отмечают уже все
Штабные командиры и вельможи,
Карьера обеспечена, похоже.
Монарху он лицеприятен,
Служебный рост будет понятен.
И времени пройдёт не много и не мало –
Франция узнает д'Артаньяна-генерала.

Глава 17. КАБИНЕТ

Просторный светлый кабинет.
Здесь лишних не было и нет.
Бумажный ворох. Кардинал.
Работы, как обычно, много.
Арман порядочно устал,
Но новый документ потрогал:
«Внимательно рассмотрим результат
Инспекции полков стрелковых.
Какой кошмар! И здесь разврат,
Но это уже слишком ново.
Солдат солдата застрелил,
Не дрогнула рука у «молодого»
За то, что старослужащий гнобил.
Сошло бы всё, быть может, для другого,
Но этот своего мучителя прибил.

Избил солдата тот болван.
Какой же это ветеран?

Ведь старослужащий солдат
Вновь призванному – старший брат
И всем поделится, чем сам богат.
Заботой окружает «молодых»,
Не опозорит он волос седых.
А молодые за него в бою
Без страха подставляют грудь свою.

Где был при инциденте командир?
Ах вот как по тавернам он ходил.
Что?! Здесь ещё один обман:
С мужчиной у него роман.
Вместо того чтоб делать дело,
Он с местным тешил своё тело.
Бастилии мерзавцам не видать!
Обоих перед строем расстрелять!
Он наплевал на воинскую службу,
Завёл себе сомнительную дружбу.
Здесь о достоинстве и чести речи нет.
Не нужен армии такой «балет».
Ах, вот ещё нюанс какой:
Тот местный вовсе не простой:
Агент влияния, подсыл.
Он дисциплину развалил.
Нас истребить решил до битвы,
Враг, искажающий молитвы.
Чтоб прекратить подобные примеры,
Внедрить в полках карательные меры.
Упадок нравов иницирован,
Но будет нами ликвидирован.
Пусть каждый трепещит шпион,
Он будет найден и казнён.

Глава 18. КОВЁР

По коридору шёл Рошфор:
«Опять к министру на ковёр,
Опять стоять, потупив взор».
Шагнул Рошфор через порог,
Взглянул в глаза, как только смог.
Увидел, что не в духе кардинал.

Как говорится, под руку попал.
Нет оправданий перед кардиналом.
И снова, как проказнику, попало:
«С какой вам стати титул, граф?
Когда вы, честь свою поправ,
Не можете вернуть письмо.
Вы ввергли гвардию в дерьмо!»

Рошфор уставился в ковёр,
Метнулся воровато взор:
Сейчас обрушится позор.

Министр продолжал: «Вы кто, Рошфор?
Юнец? Мальчишка? Дилетант?
Куда девался ваш талант?
Дела решали вы на раз.
Теперь считать пропойцей вас?
Хотите с титулом расстаться,
В трущобы с замка перебраться?
Немедленно доставить мне письмо!
Я должен знать, о чём оно.

Какая численность отряда?
Молчать! Докладывать не надо.
Напомнил цифры вам в укор.
Вас засмеёт французский двор!

Мне кто-нибудь всё это прекратит?!»
И вновь отряд на перехват летит.

Глава 19. СХВАТКА

На этот раз в таверне нас застали
И сразу же без слов атаковали.
Они подкрались к нам бесшумно.
Наверное, у них нашёлся умный.

Крутая заварилась склока.
Двоих я удалил с наскока.
— Как уложил он тех двоих!
— Да это мушкетёрский стих!

А с третьим завязался бой
И с непростой клинком игрой:
Круги двойные, эхо дело,
Крутить давно их надоело.
А вот захват, а вот батман,
А вот батман, затем обман.
Что будет дальше, тоже знаю
И локоть я его цепляю.
Теперь он будет разъярён.
Манжет искусный обагрён.
Хоть впору от него бежать,
Но не хочу я трусом стать.
Теперь двойные переводы,
На них я делаю обводы:
Его я к сложностям склонил,
А сам коварство затаил.
Так я его перехитрил.
Атаку сложную готовит
И сложность, думаю, удвоит.
Вот он и начал, молодец.
Колю навстречу. Всё. Конец.
Теперь бегу друзьям помочь.
Они меня погналы прочь.
— Бегите, д'Артаньян, конверт у вас.
Их задержать нет сложности для нас.

Вскочил в окно, в оконном створе
Увидел, что в засаде трое.
У них к иллюзиям, наверное, талант.
Два резких выпада, остался лейтенант.
А с ним придётся потрудиться:
Успел он где-то научиться
Хитросплетениям атак,
Он офицер, а не простак.
В атаку просто так не ходит,
В захват он мой клинок заводит.
С батманом чередует переводы.
Мои атаки ликвидирует обводом.
Защиты эти круговые,
Конечно, вижу не впервые,
Но если будет так и продолжаться,

Могу я здесь заколотым остаться.
Нет, надо что-то уже делать:
В контратаку вышел смело,
Его захват, взяв уступающей защитой,
И встречный выпад, полностью открытый.
Скользнул его клинок по моему плечу,
А мой проделал путь кровавому ручью.
Противник зашатался,
Чуть слышно изругался,
Поникнув головой,
Упал передо мной.

Сам не пойму, чем он меня растрогал,
К нему склонился, плечо его потрогал:
«Скажи мне имя, враг достойный».
Поверженный лишь тихо стонет.
И вдруг пробила мысль меня,
Что в нём увидел я себя.
Встал смирно возле остывающего тела,
Эфес клинком под высь: салют, отмашку сделал.
На этом всё. Вскочил в седло.
Конь лихо вынес за село.
Галоп, ритмичный стук копыт.
Сегодня я по горло сыт
Засадами и шпажным боем,
Когда на одного по трое.
Вдали уже село и поле.
Сейчас умчусь я в тёмный лес,
Там не догонит даже бес.
От солнца яркого врезаюсь в тень от крон,
И резкой переменой на миг я ослеплён.
Внезапно вспышкой яркий свет
И гром ему во след. Гроза? Но нет.
Вдруг градом пуль пробило тело.
Совсем другое, значит, дело.
Ведь это залповый огонь.
И зашатался верный конь.
Я понял: был напрасен труд,
Почувствовав, как пули меня рвут.

– До нас донёлся грохот, и это не с небес.
Я видел: птицы, испугавшись, покидали лес.
– Какая горесть и досада:
Организована засада.
– Тот, кто попал
Под этот шквал,
При этой плотности огня
Не проживёт он даже дня.
– Вперёд, друзья, скорее к другу.
Не о конверте я подумал.

– Берём все пистолеты
Захватим и мушкеты.
Зайдём к ним с тылу.
Наделаем в них дыры
За друга нашего,
Геройски павшего.

Огонь по этим негодьям!
Мы всех их здесь перестреляем.
С двух рук огонь! И снова, снова.
За друга умереть готовы.
Мы исчерпали весь боекомплект.
И враг разбит, и возвращён конверт.
И шпаги откровенно вымокли в крови.
Но друга не вернуть, хоть сколько раз зови.

– Что д'Артаньян, что наш герой?
Быть может, он ещё живой?
– Лежит, весь пулями пробит.
– Он жив?
– Нет, намертво убит.
Погиб наш рыцарь без страха и упрёка,
Отдал и жизнь, и душу без порока.
– Его мы будем помнить вечно,
Был предан делу безупречно.
Как дрался он умело,
Как шёл в атаку смело.
– Плащ мушкетёра заслужил.
– Я свой ему под изголовье положил.

Глава 20. БЛИЗНЕЦЫ

– Итак, осталось нас лишь двое.
– Да, это минимум для строя.
– Нужны нам срочно волонтеры,
Те, что стремятся в мушкетеры:
Честолюбивые сердца,
Достойные на роль гонца
Секретной почты королевы,
Готовые для битвы смелой.
Крушить врагов рукой умелой,
Чтоб завершить успешно дело,
Наиопаснейший вояж.
Отряд пополнить нужно наш.
– Но как нам сделать этот труд?
– Смотрите, к нам уже идут.
Похоже, братья-близнецы.
– А может, братья их отцы.

– Что к нам ведёт вас, господа?
– Мы знаем, что у вас беда.
Вы провели отважный бой,
Врагов помножили на ноль.
Но друга в схватке потеряли.
Что будет битва, мы не знали.
Иначе был бы ваш отряд
Усилен теми, кто вам рад.
Не знаем, что у вас за дело,
Но нас с собой берите смело.
– И как же вас зовут, ребята?
– Мы д'Артаньяны оба с братом.
– И нас обоих так же звать.
Одноимённа наша рать.
Четыре д'Артаньяна снова.
– И снова в бой идти готовы.

– У нас был верный друг,
Погиб в бою неравном.
Гордиться он бы мог
Происхождением славным.
Но в его жизни был скандал,

И имя он своё скрывал,
Придумал взять себе другое.
Он был один, а жил как двое.
А вот вы оба как один,
Что даже не вобьёшь и клин,
Чтоб различать вас, близнецов.
Те имена вам дать готов,
Которые наш друг носил.
Достойны будьте в меру сил.
Общаясь с вами на досуге,
Мы будем словно снова с другом:
Де ла Фера и де Атос.
Пусть хоть комар заточит нос,
Вас всё равно не различит,
И пусть летит себе, бандит.

– Маршрут нам предстоит не пеший.
Пешком мы лишь врага потешим.
– За лесом виден замок-дом,
Вот в нём мы с братом и живём.
Из замка мы за боем наблюдали,
Дальнейшее предполагали
И потому коней седлали.
Привратнику я дам сигнал,
Чтобы коней к нам подогнал.

Глава 21. ЛАСТОЧКА

– А что случилось с вашим другом?
Каким страдает он недугом?
Сидит на пне и как оцепенел.
Мы видели, что он в бою был смел.
Таким его не узнаю.
Быть может, ранен был в бою?
– Нет, он не ранен в ходе боя,
Явление совсем иное.
Сейчас он сам нам всё расскажет,
Вот только мысли свои свяжет.
О чем задумались, Порту,
Про эту жизнь или про ту?

– А я немного задремал на пне.
Подсела ласточка ко мне.
Но не во сне, а наяву,
И оказалось, что для рандеву.
На ветку села и головкой шевелит.
Свистит, как будто что-то говорит.
И после каждой птичьей фразы
Взгляд ожидания средь пауз.
И вдруг я четко осознал,
О чем и не подозревал:
Что птицы говорят между собой.
Сегодня говорит она со мной.
Не получился с птицей разговор.
Увидел я в её глазах укор:
«Ну, что-же, ты, такой большой,
А всё равно такой тупой?
И улетела птица в небеса,
Оставив на земле мои большие телеса.

А вот уже и наши кони,
На них нам не страшны погони.
Конезавод купил наш дед.
Быстрее их в округе нет.

Глава 22. СНОВА КОВЁР

Усмешки в спину, пока шёл,
На совещание Рошфор.
Уставился глазами в пол:
«Как надоел этот ковёр».
Обычно флегматичный кардинал
Сегодня снова на Рошфора накричал:
– Вас водят за нос какие-то мальчишки!
Не кажется ли вам, что это слишком?!
Зачем вам шпага на ремне?
Я должен знать, что в том письме!
– Пожалуй, есть идеи две.
– Так действуйте, благословляю.
– Да, я на Бога уповаю.
– Ну хорошо, возьмите луидоры.

Надеюсь, что вернётесь без позора.
Пока все ваши действия безрезультатны.
И тема перестала быть приватной.
И сколько это будет продолжаться?
У нас никто не может с ними драться?
Засады, схватки и погони –
Всё это ничего не стоит.
Всю гвардию туда отправить,
Но не позволить переправить,
Тот засекреченный пакет.
Других решений просто нет.

Глава 23. ДУБОВЫЙ СТОЛ

Проделан путь опять немалый.
В таверне сел отряд усталый
Перекусить, вина попить,
Между собой поговорить.

– Наш друг таинственно молчит.
– Быть может, мысленно он с кем-то говорит.
– Но ласточек в таверне нет.
Вот и еще один секрет.
– Так может, с мышками или с котом?
– Пусть помечтает. Узнаем всё потом.
– К чему он нам такой?
Зачем его берёте?
– Когда нам будет трудно,
Тогда вы всё поймёте!
– Не надо говорить такую ерунду.
– О чем задумался, дружище де Порту?
– У нас проблема: к нам опять идут.
Для нас их будет слишком много.
Мушкетов сорок по западной дороге.
– Да успокойтесь, на разведке д'Артаньян,
Вернётся, и узнаем: быть может, нет их там.
Вдруг дверь открылась, д'Артаньян с порога:
«Тревога! Они близко, очень много».
– Так сколько же?
– Порядка сорока.

Увидел их еще издалека.
Атака с запада: уходим на восток.
– Порту? Откуда же ты знать об этом мог?
– Да это всё мой дед. Он кабалистом был,
Мне по наследству дар предвиденья открыл.
– Друзья, уходим?
– Вне сомнений.
Момент для правильных решений.

Стремительная скачка вновь,
И закипает в сердце кровь.
И как девиз: «Алле, алле!»
Не первый день уже в седле.

– Ушли успешно от отряда.
С маршрута сбиты, вот досада.
– Зато все живы и все целы.
Друзей терять мне надоело.
– Смотрите, впереди селенье.
Задержимся там на мгновение.
Обдумаем дальнейший план,
Надеюсь, нет засады там.
Да вроде тихое местечко,
Красивый мостик через речку.

– Трактирщик! Труден был наш путь.
Нам нужно здесь передохнуть.
А заодно неси отведать,
Скакали долго без обеда,
Вина и сытный перекус,
Чтоб заблестел от жира ус.

– Что с вами, де Порту? Не нравится еда?
– О нет, другое и совсем не ерунда.
Я слышу: от сапог грохочет мостик.
Гвардейцы к нам совсем не в гости.
– Вы слышите, что по мосту идут?
– Уверены, что их не ждут.
И отступать уже нам поздно,
Их лейтенант настроен грозно.

А вот уже и резко дверь открылась,
В неё гвардейцы, словно сель, ввалились.
– Ага, попались, мушкетёры!
Вот здесь мы и закончим споры.
– И что же, так и нападёте
Отрядом всем на четверых?
Позор надолго обретёте,
Себя бесчестием покрыв.
Давайте драться четыре на четыре,
Не будет вам позора в этом мире.
– Ну ладно, убедили, четвёркой атакуем,
Нас больше, всё равно вас «упакуем».

Салют, приветствие, отмашка,
Со звоном завертелись шпажки,
Как вдруг заходит лейтенант,
Лениво поправляя бант.
– А это что здесь за прохлада?
Атаковать всем вместе надо.
А ну-ка быстро приступили
И чтобы всех их здесь убили!
– Ах так, гадьё, на одного по трое?
Тогда отведайте такое горе –
Дубовый стол по вашим головам.

Удар, другой – гвардейцы в хлам.

– Друзья, уходим. Мне уже здесь надоело.

Снял лейтенант с себя гвардейца тело.
Порту зачем то шляпу придержал,
А голову из шляпы вниз убрал.
– О! Меткий выстрел, но не задел.

Стрелявший лейтенант на месте обомлел.
Да как же так? Он промахов не знал,
И вдруг в упор, и не попал.
Дыра зияет в шляпе, а голова цела.
Нет, не для этой пули мать сына родила.
– Оревуар! До встречи, смельчаки,
Могильщикам поставщики!

Глава 24. ПРОРЫВ

Опять врагов оставив сзади,
Предполагая о засаде,
Отправлена вперёд разведка.
Бьют из засад враги нас метко.
Они нас всех так перебьют,
Пустым окажется наш труд.
Конверт к министру угодит,
И Анну кардинал казнит.
Вот и лазутчик.
– Что там д'Артаньян?
– Засада снова. У меня есть план.
Увидел я отряд большой,
И был у них я за спиной.
В кустах они расположились,
Мушкетами вооружились,
Внимание всё на дорогу,
Хотелось подойти и за плечо потрогать.
Пусть атакует в лоб болванов тех болван,
А я придумал бесхитростный обман.
К тем, что сидят в кустах в засаде,
Вы двое подкрадётесь сзади,
И сразу многих перебьёте
(Все наши пистолеты заберете).
Стрельба на поражение в упор,
Затем скакать во весь опор.
Растянутся они за вами по всей дороге,
Ведь ваши кони быстры, почти как боги.
Продумана атака в таком расчёте,
Когда вы за собой их увлечёте,
Тогда на них мы с тыла бесшумно нападём,
С последнего до первого клинками перебьём.
И тот, кто первым был, последним станет,
Такую истину нам Библия вещает.
– Не можете без Библии, Арми?
– Но сказано пророчески, сам посуди.
Хоть вы, Порту, в душе и кабалист,
Но в этом случае уместен компромисс.

Без промахов стреляя, налетели.
– Смотрите, их же двое, обнаглели!

– Они пошли в прорыв.
– По коням все на них.
– Догоним. Там обрыв.

Задуманное полностью свершилось.
Дорога от погони кровью обагрилась.
Но кто кого догнал и зарубил?
Тот, кто хитрее и проворней был.

Глава 25. БРАТ-ГОНЕЦ

– Скажу вам, удалые молодцы,
Теперь вы – королевские гонцы.
Итак, храбрейшие герои,
Отлично, что у нас вас двое.
Мы знаем, с братом неразлучны вы.
Привязанность понятна, но, увы,
С письмом пойдёт из вас один.
Да будет провидением храним.
Второму быть среди отряда,
Поверьте, братья, что так надо.

Хотел поставить ногу в стремя,
Но голос сзади: «Нет, не время.
Постойте, юный господин,
Удачно, что вы здесь один.
Отдайте быстро мне пакет,
И отпираться смысла нет.
Стоял я рядом за стеной
И слышал разговор с тобой».

– Ну что же, ты шпион умелый.
Скажу, что даже очень смелый.
Ты мне посмел приказ отдать,
Изволь-ка шпагу вынимать.
– Ах, хочет умереть герой.
Ну что ж, разделаюсь с тобой!
– Не нужно лишних разговоров.
Сторонник я решений скорых.

Эфес к лицу, подвысь клинок.
Мы спору подведем итог.
Затем, как повелось, отмашка.
Теперь пусть веселятся шпажки.

Свистят клинки, звенят при встрече.
Два удальца, расправив плечи,
В бою стяжают доказать
И не хотят пощады знать.
Из них двоих один сильнее
И лучше фехтовать умеет.
Отчаянно честолюбивый нрав,
Греховно смертный страх поправ,
Вступил без колебаний в бой,
Собой доволен и судьбой.
Нет разницы, когда уже в атаке,
Свист от осколков, пуль или от шпаги.

Мой энергичный шаг, прыжок
И выпад самый длинный:
Ну, вот и получил, дружок,
Но сдаться не нашел причины.

Возобновил он драку сам.
Известен как любимец дам
И слыл отважным офицером,
Был для других во всем примером.

Но вот сегодня оплошал.
В моих глазах и вовсе стал
Совсем уж не велик, а мал.
Наверное, от скачки он устал.

Еще каскад-другой финтов:
Удар он получает вновь.
Ну, вот и вышел рыцарь весь.
Карьерный рост закончен здесь.

Свободен я и путь открыт.
Пыль полетела от копыт.
Стволы сверкнули. Вот досада —
Организована засада.

Как грома с молнией удар –
Залп прогремел, и я упал.
Теперь и мой настал черед.
Кровь хлынула через открытый рот.

Глава 26. ЗАСАДА

– Засада снова. За селом
Как будто с неба грянул гром.
Мушкетёров дюжина примерно.
То, что случилось очень скверно.
– Ведь там мой брат: скорей к нему!
– Известно вам не одному.
– Ну, вон они. И шарят по карманам.
Конверт нашли, что сделан для обмана.

Увидев нас, они бегут:
Не хочется остаться тут
Заколотыми насмерть шпагой.
Стремглав умчались всей ватагой.
Мушкеты, шляпы побросали,
И только каблуки мелькали.

– Мне сердце вырвали враги:
Оно мой брат, оно в крови.
– Погиб де ла Фера наш друг,
Но жив остался де Атос:
«С каким жить именем из двух?» –
Теперь так не стоит вопрос.
Погибший брат – достойный воин.
И статус имени им не уронен.

Но брата хоронить не вам,
Должны вернуться вы к делам.
Судьбу связали вы не с нами,
Мы служим все монаршей даме,
Должны письмо ее доставить
И от войны народ избавить.

Глава 27. НОВОБРАНЕЦ

Здесь мушкетеры на дороге.
Успеть бы к ним, прошу я Бога,
Сейчас их стану умолять,
Чтоб согласились меня взять
В небезопасный их вояж
И мне не нужен саквояж,
Чем меньше скарб, тем легче путь.
В пути добуду что-нибудь.
– Смотрите, к нам какой-то торопыга,
Увидел нас, через ограду перепрыгнул.
Такой прыгучий может пригодиться,
Когда придется нам с врагом сразиться.
– Не надо брать с собой селян.
– Я думаю, что парень из дворян.
– Как отличили вы от сельского трудяги?
– Внимательно взгляните, он при шпаге.
– Прошу вас, господа, немного погодите.
Послушайте, меня с собой возьмите.
– Какая мотивация у вас?
– Вы мушкетёры: я всегда за вас.
– За нас, пожалуй, все солдаты.
Мы этой дружбе очень рады.
– Но я уже определил свой путь
И к вам давно хочу примкнуть.
– Какой еще есть аргумент?
– Настал решительный момент.
Себя я должен проявить,
Чтобы вполне достойным быть
Своей избранницы любимой.
Мы с детства с ней честолюбивы.
– Еще один влюблённый,
Мечтами окрылённый.
Зачем же с нами вы пошли?
– Я не могу так больше жить,
Я должен подвиг совершить,
Украсить им алтарь любви.
– Ну, подвиги по нашей части,
Но с ними рядом и несчастье.
Свою любимую хотите опечалить?

Подумайте об этом, юный господин.
Героев мы не раз уже встречали.
Такой, извольте знать, вы вовсе не один.
– Опасностью меня не утешить,
И я готов врага крушить.
Прошу вас взять меня с собой
И разделить судьбу со мной.
Решительно я должен с вами быть.
Иначе как мне дальше жить?
– Решительный какой,
Решительно герой.
Да ладно. Бог с тобой.
– А это значит, что вы меня берёте?
– Берём, но долго ли вы проживете?

– Пожалуй, нам пора узнать и ваше имя.
– А имя д'Артаньян дала мне мать графиня.
– Снова д'Артаньян, что думать мне – не знаю я.
– Подумайте, что это аномалия.

– Серьёзно изменилась тема.
Вы понимаете проблемы,
Которые хотите на себя взвалить?
Не знаем, сможем ли до завтра мы дожить.

За нами гонятся отряды,
Подстерегают нас засады.
Мы друга каждый раз теряем,
Когда врагов одолеваем.

– Смотрите: там, в засаде, трое,
Хотите всё ещё в герои?
– Мне одному идти против троих?
– Да в переделках быть и не в таких
Придётся, если с нами собрались.
Итак, наш друг, определись!
– Я понял и иду сражаться,
И очень рад для вас стараться.
– Смотрите, юноша наш лих,
Совсем, казалось бы, мальчишка,
Но в деле быстрый, даже слишком.

Лишь только начал, и уже двоих,
А третьего гоняет по углам
И приговаривает что-то там.
– Ну что, дружок, дофехтовался?
Бжик-бжик, и ты попался.
Сейчас тебя зарежем,
И станет вас пореже.
А почему вдруг бросил шпагу?
Совсем ты потерял отвагу?
Спиной повернулся трусишка.
Бежишь от меня. Ну, это уж слишком.
Куда помчался, командир?
А впрочем, там у них сортир.

– Да ладно, брось его. С ним ясно.
Для нас он больше не опасен.
А ты, наш новичок влюблённый
И фехтовальщик умудрённый,
Наш дерзкий, смелый д'Артаньян,
Теперь и ты от счастья пьян?

Тебя с конвертом мы отправим,
А сами здесь в засаде сядем,
Поскольку есть испытанный приём,
Хоть два десятка перебьём втроём.
А если хватит у врага отваги,
Узнает он тогда и наши шпаги.

Вы проявили храбрость и отвагу:
Доверим вам секретную бумагу,
А к ней подробный инструктаж.
Мы вас берем. Теперь вы наш.

Вот конь с конюшни ла Треваля.
Он быстрой скачкой вас прославит,
В порту вы будете всех раньше,
Чтоб морем путь проложить дальше.

Ну всё, он мчится что есть силы,
Мы здесь его прикроем с тылу.
Смотрите, из соседнего квартала
Гвардейцы появились. Их немало.

И конь подстрелен под нашим ездоком.
Успел наш д'Артаньян вбежать в соседний дом.
Я вижу, из окна он выпрыгнул назад,
За ним из дома выбежал отряд.
И некуда ему бежать теперь,
И только в преисподнюю открыта дверь.
Отчаянное принял он решение:
Атаковал, сразил троих в мгновение.
Вот вам, друзья, и торопыга,
В бою сгодился навык прыгать.
– Скорей к нему, сначала залповый огонь,
Зачтётся им, что был подстрелен конь.
Ну что, вражьё, охолонились,
Когда подстреленные повалились?
Ну, а теперь узнайте шпагу мушкетёра.
Ага! Бежите, перепуганная свора.

– Лежит весь окровавлен наш герой.
Похоже, что убит. Нет, он живой.
Смотрите, он пытался, но не может встать,
Теперь он хочет что-то нам сказать.

– Я сделал что-нибудь не так?
– Всё так, нет места для позора.
Не видел я блистательней атак.
Не хуже вы любого мушкетера,
И многим вы дадите фору.
Но в строй вы встанете нескоро.
Всё тело ваше кровоточит.
Конечно, сожалеем очень,
Но дальше с нами вам нельзя.
– Я понимаю вас, друзья.
Скажите, я смогу стать мушкетёром?
– Теперь, я думаю, совсем не скоро.
От ран вам нужно исцелиться,
Затем в столице появиться.
О вас узнает командир:
Получите вы свой мундир.
Боец ты даже очень смелый,
Принёс себя ты в жертву делу.
Сейчас прощай, не обессудь,
Мы свой должны продолжить путь.

И снова перелески и поляны
Летят быстрее ветра д'Артаньяны,
Лишь позади пылит дорога.
Скорей, скорее, ради бога.
Должны конверт доставить в срок,
Чтобы премьер-министр смог
Исполнить просьбу королевы.
Для женщины жест слишком смелый,
Ведь, если прочитает кардинал,
Кошмарен предсказуемый финал.

Глава 28. МАРКИЗАТ

– Смотрите, там какой-то всадник,
На перерез чего-то ради
Стремительно помчался к нам,
Уверенный не по годам.
Он даже срезал угол пашни.
Да, что за спешка? Даже страшно.

– Вы к нам спешите, юный рыцарь?
Хотя недолго это длится,
Но озадачили вы нас.
Полезны можем быть для вас?

– На вас я возложил надежды.
Ещё недавно безмятежно
Маркизу местному служил
И искренне я с ним дружил.
Был на ристалищах умелым
И на охотах очень смелым.
И был маркизу я сродни,
Пока я был в его тени.
Но вот пришёл однажды день,
Я другу наступил на тень.
Сначала я не понимал,
Что под опалу я попал.
Затем холодные глаза
Мне объяснили, что гроза
Уже нависла надо мной,
Что я почти уже изгой.

– А что причиной послужило?
Ведь вы так искренне дружили.

– В деревне рядом с маркизатом,
Что за рекой слегка на запад,
Живёт селяночка одна,
Умом и красотой наделена.
Случилось, что влюбились оба,
И ей клялись в любви до гроба.
Но выбрала она меня.
Межа меж нами с того дня,
Когда маркиз увидел это:
В стогу лежали с ней, раздеты.

Простить мне этого не смог,
Стал холоден ко мне и строг
Мой покровитель, друг, завистник,
Опора безмятежной жизни.
Возненавидел он меня.
Я вывел своего коня
Из замковых ворот сегодня,
Поскольку другу не угоден.
И, оставляя маркизат,
Вдруг оглянулся я назад.

Увидел взгляд столь леденящий,
Как будто в сердце меч разящий.
Вновь понял: места мне здесь нет,
Как будто не было тех лет,
Когда мы нерушимой дружбой
Пример являли всем, как нужно
Идти по этой жизни смело,
Вершить вдвоем любое дело.
С любимой тяжко расставаться,
Но мне нельзя здесь оставаться.

С утра не знал, какую службу,
И обрету ли снова дружбу,
Но вдруг увидел ваш отряд
И этому безумно рад.
Но вот возьмёте ли с собой?
Ведь вам известно: я изгой.

– История нам ваша вовсе не нова:
Похуже есть близ королевского двора.
Интригами двор переполнен.
Ещё не одного погонят.
Скажите, как вас звать, месье?
Я д'Артаньян ла де Брасье.
– Хотите присоединиться?
Но нам в пути придётся биться,
За нами гонятся отряды
И в нас стреляют из засады.
Убиты четверо и раненый один.
Не передумали, прекрасный господин?

– Я должен к славе проложить свой путь,
Тогда сюда вернусь когда-нибудь.
Сражений не боялся никогда.
Душой и телом с вами, господа.

– Тогда продолжим,
Ждать не можем,
И нам поможет эта ночь
Умчаться от погони прочь.

И снова свежий ветер в грудь,
И месяц молодой указывает путь,
Сверкая, словно сабля янычара.
И позади утех любовных чары.
Я помню, как мы с ней встречались,
Как ненасытно целовались
И словно пели ароматами
В её саду цветы,
И было глаз не оторвать
От этой красоты,
Но лишь пришла она,
Как стало мне не до цветов,
Я вновь почувствовал,
Что для неё на всё готов.
И громче птицы вдруг защелкали,
Когда мы с ней друг друга целовали.
И так хотелось продолжать,
И страстно, нежно обнимать

До следующей зари
И ночи все, и дни.
Нет, я любимую не брошу, не забуду
И для неё богат и знаменит, и щедр буду.
Я для неё иду путём опасным,
Чтоб получить награду поцелуем страстным.
И не настигнет меня пуля никогда.
Победа на клинке моём всегда.

Глава 29. ВСТРЕЧА С ле МОНТЕ

О рыцарских подвигах и о Граале
Сидит и мечтает мальчишка-юнец.
Вдруг топот копыт по дороге, что в поле,
Возможно, что скачет отважный гонец.

Нет, это лихо мчатся мушкетеры,
Собой украсив сельские просторы,
Через минуты две придут,
Наверняка сражение будет.

– Что там читаете вы, юноша, так бегло,
Как будто вас преследуют из пекла?

– Читаю я трактаты о святом Граале.
Его все рыцари найти мечтали.
О гибельном пути к Граалю
Уже известно всем давно.
И, не считаясь даже с далью,
К нему стремятся всё равно.
Давно хочу я в путь собраться,
Чтоб за святой Грааль сражаться.
– А как зовут тебя, мечтательный наш рыцарь?
– А имени мне нет причин стыдиться:
Я д'Артаньян де ле Монте.
И эти земли знают нас, и те.
– И мы все д'Артаньяны тоже.
– Подумал я: как братья вы похожи.
Похоже также, что последуешь ты с нами.
Учи, что мы идём не лёгкими путями.

И только так они решили.
Со всех сторон ошеломили.
И здесь уже была засада.
Атаковали два отряда.

Смотрите, новенький наш тоже лих.
Мы только начали, а он уже троих.
– Что ж, с подкреплением таким
Мы этих быстро победим.
Уже с десятков их лежит.
Ещё один поранен в ногу.
Да где набрали их, ей богу!
Ну, вот и весь отряд бежит.

– Какое примем мы решение?
– Осмелюсь сделать предложение:
«Невдалеке здесь замок мой.
Мы там живём с моей сестрой.
Не станет возражать сестра,
Там и пробудем до утра».

Глава 30. ЗАМОК ле МОНТЕ

Две дамы в ложе разместились,
Подружки давние, разговорились.
– Мне так приятно побывать у вас.
Здесь всё красиво, как и в прошлый раз.
Большими гобеленами,
Прекрасными картинами
Старинный замок ваш богат.
Я вижу снова, что твой брат
Помешан лишь на шпагах и рапирах.
– Нет, он недавно мне цитировал Шекспира,
Но что действительно меня пугает:
Он о Граале безудержно мечтает.
– А мушкетёры здесь откуда взялись?
– Сегодня ночью вместе с ним примчались.
Теперь их обучает он.
С утра у замка шпаг трезвон.
– О чём их спор? Узнать бы интересно.
– Пройдёмся по дворцу, найдём к ним ближе место.

– Вот варианты вам ускоренного боя:
В библиотеке взяты мной, не скрою.

Атака в пятую, а на ответ – захват,
Обводом верхним перехват,
Эфесом захватив клинок,
Чтоб защититься он не смог.
Смотрите сами, он не успевает,
Конечно, потому, что он не знает.
Здесь вариант один: убрать колено,
А потому туше, и непременно.
Другой пример: захват всем телом
Не раз проверен, применяйте смело.
Отводите вовнутрь противника клинок,
И, чтобы далее он ничего не смог,
Посредством шага дерзкий поворот,
Перемещаем левое плечо вперёд –
Его клинок нейтрализован,
Ваш – у его груди: готово.

Я видел вашу схватку, мушкетёры.
В соперники достались вам бретёры.
Вы с ними долго возитесь, друзья.
В бою процесс затягивать нельзя.
Вы, де Порту атлет, каких немного,
Искусством боевым одарены от Бога.
Я восхищен природным вашим даром
И мощным, резким кистевым ударом:
В руке не может противник шпагу удержать,
Ему и остаётся лишь только убежать.
А вам скажу я, де Арми, отдельно:
Фехтуете вы грациозно запредельно.
Я видел ваш изящный перевод двойной
После мгновенной защиты круговой.

Противника атаку примите, как подарок,
Он сам себя подставил для ответного удара.
Вот и не надо вам за ним гоняться:
Секунда, две – и будет он валяться.

Атаки абсолютные вам покажу, друзья:
Продуманы настолько, их отразить нельзя.

Таких приемов перечень немалый
– Вы просто кладезь, славный малый.
И явно обозначилось призвание:
Да вы уже учитель фехтования.

Глава 31. КЛАД

– А что из башни видно там?
– Отряд идёт, похоже, к нам.

– Итак, разведка доложила,
Что нас вокруг пообложили
И оставаться здесь нельзя,
Что будем делать мы, друзья?

– Гоняют нас уже по кругу,
Когда петлю затянут туго,
Случится страшная беда:
Не вырваться нам никуда.

– Мы стали истово метаться,
Вот почему не можем мы прорваться.
И чтоб спокойно все обдумать,
Решение по ситуации придумать,
Необходимо нам остановиться.
Пожалуй, надо где-то затаиться.
– Но как, когда погоня и засады?
– Нам что-то срочно сделать надо.
– Решение вы подсказали мне, мой друг.
Теперь я знаю, как пройдем сквозь круг.
Селение здесь есть неподалёку,
В нём старый дом, немного сбоку.
Дом весь разрушенный, разбитый,
Но в нём есть лаз давно забытый.

Мальчишками, не зная меры,
Искали там клад тамплиеров.
С интригой годы те прошли,
Жаль, ничего мы не нашли.

Но времени у нас немного,
Собратся нужно нам в дорогу,
А именно с собой, конечно, взять
То, что поможет лаз взорвать,
Тем самым словно дверь захлопнуть,
А заодно врагов прихлопнуть,
Которые успеют в лаз ворваться.
Придётся там и им взорваться.
Поскольку дерзкий наш прорыв
Один лишь вызовет позыв.
Они окружают те руины,
Согласно воинской доктрине,
И те, кто атакует лаз,
Получат взрыв – презент от нас.

Всё, как задумано, случилось,
Просчитанное получилось.

– Какой ужасный грохот.
Да прекратите этот хохот.
Итак, в ушах кошмарный звон.
Спасибо, что не ослеплён
От вспышки этой в темноте.
Стоп, ощущения не те:
Звон не такой, как после взрыва,
Здесь, где обвал после подрыва.
Скорее факел принесите,
Что тут звенело, посмотрите.
Да здесь лежит гора монет,
А вот брильянтовый браслет.
– Ведь мы копали здесь везде.
– Везде, но не на потолке.
– На нас обрушилось богатство,
К тому причастно наше братство.
И можем мы теперь полцарства
И даже больше откупить.
Теперь небедно будем жить.
– Богатства смысл не цель, а средство,
Но фраза надоела с детства,
Бывает, задаёт вопрос дурак:
«Умён ты, почему же беден так?»

На глупые вопросы не стоит отвечать,
Но тему эту можно обсуждать.
Дурацкий нонсенс здесь,
В вопросе глупость есть и спесь.
Суть вектора искомого ответа
На плоскости вопроса я не нахожу
И, чтоб в полемиках нам не зависнуть где-то,
Я всё вам по порядку расскажу.

Для дурака богатство – деньги,
Чтоб наслаждаться жизнью с ленью.
Богатство настоящее – труд гения,
Осознанные добрые свершения.

Ради пользы умный живёт
И свет гения людям несёт,
А богатством кичится глупец:
Он такой заработал венец.

Смысл гуманности не признаёт.
В подлой алчности жизнь проживёт,
И чтоб «правду» свою доказать,
Будет бедных нещадно терзать.
Чтоб не смели счастливыми быть,
С наслаждением будет гнобить.
И на фоне несчастья других
Торжествует в покоях своих.

– Я заберу вот этот перстень,
Всё остальное здесь на месте
Оставить нужно будет нам.
Плащом накроем. Сверху хлам.
Нельзя нам брать эти монеты,
Они известны и приметны.
Монеты эти тамплиеров.
Всего одну мы пустим в дело:
За нами армию отправят,
И как тогда письмо доставить.
А этот перстень нам откроет
Пути на суше и на море.
Не зря он мною взят из клада;
Теперь нам пропусков не надо.

– Уверен я в успехе нашем.
Но что мы будем делать дальше,
Когда закончим свой вояж?
Клад тамплиеров теперь наш.

– С сокровищами разберемся.
Они должны работать,
А не в земле лежать.
Мы обязательно вернёмся,
Чтоб этот клад достать.
Дадим работу многим:
Крестьянам, кузнецам.
И пусть идут дороги
Не только лишь к дворцам.

– Согласен я. Сказали вы прекрасно.
Глупцам верить богатство – труд напрасный.
И мыслите вы очень интересно,
Но клад здесь оставлять весьма опасно.
И нужен нам такой тайник,
Чтобы никто случайно не проник.
– Такой тайник я предложу
И вам его на карте покажу.
Фамильный остров, называется Монте
– Спасибо, д'Артаньян де ле Монте.
– На берегу высокий крест.
Других, чтоб спутать, нет там мест.
А под крестом есть тайный грот,
Имеет лишь подводный вход.
Итак, друзья, вперёд, к финалу.
Враги нас быстро не найдут,
Пока доложат кардиналу,
Уже искать напрасный труд.
– Удачно сбили их со следа.
– Считай, в руках у нас победа.
И путь до Англии свободный.
Корабль нам нужен быстроходный.
– Возьмём моей сестры корвет,
Быстрее его на побережье нет.

Глава 32. ЗАТИШЬЕ

Пришли. Закончился тоннель.
К виктории открыта дверь.
Совсем в другой деревне вышли.
Врагов не видно и не слышно.
Крестьяне нам коней продали,
Нескупно мы им денег дали.
Впервые скачем без погони.
Мы своей чести не уроним.
Пакет доставим Бэкингему:
Решим злосчастную проблему.
С монархом Бэкингом договорится,
Война кровавая не состоится.

– Вы слышите? Там берег моря.
Там блеск волны и шум прибоя.
И запах свежести морской.
О, жизнь! Ты, нравишься такой.
– Смотрите, там село за полем.
– Так здесь коней и остановим.
Ведь нам спешить уже не надо.
К тому-же знаем, что засада
Наверняка нас ожидает.
Разведка наша всё узнает.

– Как быстро из-за сеновала
Сюда спешит отважный малый.
– С чего вы взяли об отваге?
– Да он при шпорах и при шпаге.
А вы куда-то юноша спешите?
– Я слышал, обо мне вы говорите.
Да, юн, но мне никто не страшен,
Силён я, ловок и отважен.
И сердце рыцаря горит в груди.
Всегда в атаке буду впереди.
Рука тверда и меток выстрел.
Клинком работаю я быстро.
В дуэлях я не знаю поражений.
Давно готов я для больших сражений.
И если вы меня с собой возьмёте,

То друга верного навечно обретёте.
– Мы в вас уверены, конечно же, берём,
Теперь по жизни вместе мы пойдём.
– О том не пожалеете, мои друзья.
Известна рыцарством фамилия моя.
– Тогда пора бы вам уже назваться.
– Мне нет причины имени стесняться.
Я д'Артаньян де Шармонтель.
– Вот! Прояснилось всё теперь.

– Сигнал я вижу, это сообщение.
Село свободно. Переходим в помещение.
Разведку д'Артаньян продолжит,
Нам это избежать поможет
Очередного боестолкновения.
Успех наш близок, без сомнения.
– Итак, имеем мы затишье.
Врагов не видно и не слышно.
Пока герой наш на разведке,
Шанс отдохнуть довольно редкий.
– Вы как-то странно смотрите в окно.
Навряд ли может вызывать оно
Те чувства, что я вижу на лице.
– Я об Учителе подумал и его Отце.
Ведь ходим с вами мы по краю:
Людей нещадно убиваем.
Не знаю, как мне дальше жить.
Возможно ли, убийства отмолить?
– Но ведь не мы на них напали.
Они в засаде подло ждали.
И продолжали настигать,
Чтоб нас безбожно убивать.
– Да, убедительно вполне.
Ведь на войне как на войне.
И всё же выбор сделан мной.
Пошёл военной я тропой.
– Вернётесь в монастырь без сожалений?
– Нет, не пускает мой каскад сомнений.
– Твои сомнения тревожат.
Решил ты: Бог понять не сможет
Твоих ошибок, заблуждений?

Он знает всё, в том нет сомнений.
В пути своём доверься Богу.
Он знает всю твою дорогу.
И многие грехи прощает.
И за ошибки не карает.
И нам даёт надежду вновь,
Всё потому, что он любовь.
— Уже давно я это знаю.
Но вот что я не понимаю:
Как можно на священском троне,
Служить и Богу, и мамоне.
И почему за ум пытливый
Меня совсем не справедливо
Легко проклятью предадут.
А то, гляди, ещё сожгут.
Уже одно меня пугает:
Они от церкви отлучают,
Посмей лишь проповедь прочесть:
Наказан будешь, повод есть.
Ещё скажу вам для примера:
Сражались храбро тамплиеры
За тело Господа Христа,
И им открылась тайна та,
Которая их и сгубила:
Узнали, где его могила.
Епископы и кардиналы,
Страшась возможного финала,
Впадали в онемение и дрожь.
Страшнее, чем у горла нож,
Представить даже на мгновение
Кошмарный хаос разрушения.
Ведь чернь отринется от веры,
Прознав, что знают тамплиеры.

А орден этот всё богаче и сильнее.
И папа римский приказал, чтобы скорей
Тотально тамплиеров уничтожить.
Полемику тем самым подытожить.

Святая ложь во благо и спасение.
В дурмане псевдоверы население.

Молящихся толпа не лучше, чем Иуда:
Поверим, Господи, яви нам чудо.
А если чуда долго нет,
От веры остывает след.
Те, кто не могут просто верить Богу,
Себе проложат не к нему дорогу.

Чтобы поверили, их надо напугать:
Кнутом бесовским плоть глупую терзать.
И в голову им вовсе не приходит,
С какого слова слово «диво» происходит.
Не диво истина на этом свете,
А то учение, что сказано в завете.
Шаг веры: верить Богу без явления чудес.
Тогда и Он изволит верить в вас с небес.

– А что за таинство с могилой?
– Скажу. Поймёте, вам по силам.
Ислама стражи охраняют мавзолей,
Который состоит из двух долей.
Лежат в нём двое почитаемых в исламе.
– Но почему же он не в христианском храме?
– У этой тайны есть ответ:
Прочтите повнимательней Завет.
Не смею даже повторять,
Что сказано его устами.
Осмелюсь только суть сказать,
А смысл поймёте сами.

«Известно, что молились и постились,
Но если с братом вы не примирились,
Серьёзен этот грех, и потому
В своих чертогах вас я не приму».

Кого как брата он имел в виду?
Кто был евреям брат в эпоху ту?

Нет, не свершится миру в мире до тех пор,
Пока нацелен рыцарский топор,
На наших братьев-мусульман,
Из северных и южных стран.

Теперь, когда моим стал перстень,
Мне в прежней церкви будет тесно.
Могу создать я новый орден,
И будет он Богу угоден.
Но одному не стоит начинать.
Имеют люди свойство погибать.
Я думаю, что есть напарник
Из рода де Буссон, племянник.
Он юн, но есть организаторский талант,
И прозорливый ум мальчишке дан.
Мы сможем орден с ним создать.
Ему могу всецело доверять.

– А вы с чего такой печальный?
Какой вас план терзает тайный?
– Трактаты о святом Граале
Я искренне все изучил,
Но если бы вы только знали,
Что нет уж просто больше сил
Искать ответ, читая тексты,
И отгадать, где это место.
Хочу отправиться, друзья,
Искать Грааль в России.
Другой такой не знаю я
Страны огромной силы.
При дикости и бедности своей,
Она своим народом всех сильнее.
– Вы ищете Грааль, зачем к народу лезть?
– Пока не знаю я, но в этом что-то есть.
Могучий, словно Божий глас,
Народ уже в который раз
Спасает целостность и честь
Страны своей любимой,
Никем не победимый.
Есть мудрость в нём и сила,
И преданность, и не страшит могила.
Он то спокоен, словно штиль на море,
Ни чем той тишины не возмутить,
То вдруг взбунтуется, как океан на воле,
Тогда уж не пытайся его остановить.

Глава 33. К ФИНАЛУ

– Вот и разведка завершилась.
– Засада у причала затаилась.
А у посёлка прячется шпион,
Дворы разглядывает он,
Известен нам ещё с Парижа.
Почти убит был, значит выжил.
Чтоб он не сообщил засаде,
Его убрать тихонько надо.

Д'Артаньян де Шармонтель,
Для вас на берегу дуэль.
Вы остановите гвардейца.
Учтите, непростое дельце.
За ним смертей кровавый шлейф.
Мы знаем точно, что не блеф
Молва об этом негодяе:
Злодея подлый путь прельщает.

– Я понял вас, мои друзья,
Спасибо, что поверили в меня.
– Гвардейца нужно за собой увлечь.
– Я вас не понял. О чём ведёте речь?
– Создать иллюзию, чтоб он поверил;
Камзол ощупать, будто бы проверил,
На месте ли пакет лежит.
Шпион за вами побежит.
А мы тем временем проводим ле Монте,
И отплывёт он на фамильном корабле.
Нам нужно лишь засаду обойти,
И больше нет опасностей в пути.

– Де ле Монте, за вами слово.
По мостовой пусть бьют подковы
Победный барабанный бой.
Арми отправится с тобой.
Магический кристалл на перстне
Поможет нам закончить песню.
По замыслу министра короля
Не выйдет с гавани ни корабля.

Но нет теперь для нас барьеров:
Армии предъявит перстень тамплиеров.
Любые нам откроют двери,
И мы добъёмся своей цели.

– Пора нам разойтись по направлениям.
Теперь финал. Удача, без сомнения.
«Хвост» отсечёт де Шармонтель.
Письмо доставит ле Монте.

Вперёд, мой друг четвероногий,
Прости за шпоры и за кнут.
Быть может, я излишне строгий,
Но если первыми придут
Те, кто за нами скачут сзади,
Нас расстреляют из засады
И обязательно добьют.

Пусть ветер рвёт на шляпе перья,
Над крупом развевает плащ.
Мелькают по бокам деревья.
И без работы пусть палач
Останется, а мы успеем,
Опасный путь преодолеем.
Нам нужно передать пакет,
Чтоб оградить страну от бед.

Глава 34. АНГАРД! АЛЛЕ!

– Да что же вы опять за мной идёте?
Сейчас вы неприятность наживёте.
Хотя бы шаг ещё один за мной:
Увидишь, я разделаюсь с тобой.
Вы продолжаете преследовать, месье.
Тогда: ангард! Алле! Не хмурьтесь, шевалье.
Я вижу, что скакали вы в седле.
Да что же не сиделось вам в тепле?
И мчались вы совсем не к этой цели,
Но встретились мы с вами на дуэли.
Ангард, алле, месье. Алле, алле!

Итак: эфес к лицу – салют!
Да, нам не занимать отваги.
И пусть псалмы нам не споют,
Со свистом засверкали шпаги.
Алле, алле, месье!
Ангард, алле!
Он думает, что всё решит
Исподтишка, ударом даги.
Надеется, что сможет взять
Секретные бумаги.
А их здесь нет, увёз конверт
Мой друг ещё до боя.
И друг вошёл давно в корвет,
Продолжит путь свой морем.
А я здесь быстро разберусь,
С кем якобы повздорил.
Ангард, алле, месье.
Алле, алле!
Мелькнул эфес, сверкнул клинок.
Всему всегда приходит срок.
Им не разгадана атака,
И в грудь его вонзилась шпага.
Он потянулся за кинжалом,
Но вход пустил другое жало.
И вот уже откат волны
Порозовел не от заката.
То чьи– то храбрые сыны
Лежат у скал, как два солдата.
Воткнув друг другу шпагу в грудь,
Они закончили свой путь.

Не хмурьтесь, шевалье.
Алле! Алле!
В тот вечер ласково трепал
Им кудри тёплый ветер
И ветер друга уносил
С конвертом на корвете.
Алле! Алле!
Не хмурьтесь, шевалье.

Глава 35. ПАРУСА

Был вечер тихим перед бурей,
Затем как-будто сотни фурий
Ворвались в море и завyli,
И волны стали вдруг седыми,
Они восстали откровенно
И на пути встают, как стены.
Пусть ветер треплет паруса,
И пусть мрачнеют небеса.
Удар волны – бушприт дрожит
И фок натруженно скрипит.
Отец морей силён волной,
Но крепок и корабль мой.
Натянуты канаты, как струна,
И через борт летящая волна
Собьёт, попробуй зазеваться.
Не каждому дозволено остаться
На палубе средь моряков,
Просоленных морских волков.
Команде в море не до скуки.
Штурвал надёжно держат руки.
Не остаётся и сомнений,
Что торжествует светлый гений.
Нам не страшны ни молнии, ни гром,
Корабль прорвётся через шторм.
И станет снова море гладким,
И будет снова всё в порядке.
Бывали мы в штормах покруче.
Вот и светлеют уже тучи.
И волны больше не страшны,
Умением они покорены,
Со страстью льнут теперь к бортам,
Швыряют брызги к парусам.
И ярость шторма затихает.
А капитан, конечно знает,
Хотя пока издалека
Видна деревня моряка,
Там ждёт ватага сорванцов,
Они продолжают путь отцов.

Глава 36. БРИТАНИЯ

Итак, Британия. Спешит гонец.
И вот уже роскошный дворец.

Род Эдвардов, лорд Бэкингем
Богат, что не сравнить ни с кем.
Не беден и король, а как иначе,
Но всё-таки премьер-министр богаче.
И замков больше, и земли.
Завидуют ему все короли.
Король английский замечает,
Как Бэкингем монарха презирает.
Род Эдвардов древнее и знатнее
И на престол претензии имеет.

Король, увы, среди толпы и во дворце
У Бэкингема видит ухмылку на лице.
И тихо шепчется уже весь двор.
Но как пресечь, ведь Бэкингем не вор.

Письмо доставлено. Читает Бэкингем.
– Войну не начинать? Да нет проблем.
Я весть о мире отправлю королеве;
Мне Франция свои откроет двери.
Сегодня же скажу я королю:
«Войны не будет». Засады не люблю.
Гонец свободен. Дальше я решу всё сам.
Ответное письмо с послами передам.

А дальше происходит тривиально:
Имел их разговор итог фатальный.
В измене герцог обвинён
И в башню смерти заключён.
И бесполезны все стенанья,
Король не хочет оправданья.

Конечно же, об этом не знает д'Артаньян.
Он миссию закончил, от счастья словно пьян.
Гонец исполнил волю королевы,
Доставил он её письмо премьеру.

Английскую покинул территорию,
Спешит к друзьям, чтоб сообщить: «Виктория!»

Был кровью путь сполна полит,
И каждый о друзьях скорбит,
О рыцарях без страха и упрёка,
Без них любимым будет одиноко.
Живые возвращаются домой.
Они прошли через смертельный бой.
Всё для того, чтобы спасти свою страну,
Не допустить на Родину войну.

Глава 37. ФИАСКО

Прошло немного времени, узнали в Лувре:
План королевы обстоятельством погублен.
Казнил король английский Бэкингема,
Решил давно назревшую проблему.
Теперь на Францию армаду отправляет
И что засада его ждет, не знает.

Неясно ла Тревалою с королевой,
Как обернулось снова всё проблемой.
Была надежда уклониться от войны,
Теперь случившимся они удивлены.

– Род Эдвардов, молва идёт не зря,
Богаче своего же короля.
У Бэкингема больше денег и земель,
Могущественней всех был. Что теперь?
Какие там у них возникли споры?
Кончались миром раньше все раздоры.
– Быть может, что последней каплей в чаше
Явился результат стараний наших?
И счел письмо король английский
Как факт шпионской переписки.
Соперничества давний спор,
В конце концов, решил топор.
Игру опасную затеял лорд не с тем:
На плахе путь закончил Бэкингом.

Вот так и кончился интриг азарт.
Теперь спокойно царствует Стюард.

– У нас на мир надежды больше нет.
Готовить нужно упреждающий ответ.
– Его готовит кардинал,
Давно уже всё просчитал.
– Так значит, всё-таки война.
– Она, конечно не нужна,
Но есть кому нас защитить,
И снова в мире будем жить.

Глава 38. КАРДИНАЛ, ИНСПЕКЦИЯ

– Мы разрабатывали тщательные планы,
Чтоб не был страшен Альбион туманный.
Какой же мы имеем результат?
Нас предал собственный солдат.
Теперь имеем мы в стратегии изъян.
И кто нам всё испортил? Снова д'Артаньян.
И где нашёл своё пристанище бандит?
Да королевской властью он прикрыт.
Нет, дальше так не может оставаться.
Придётся самому подробно разбираться.
Сегодня же с инспекцией нагряну к мушкетёрам.
Я покажу им всем, смутьянам и бретёрам.
Штаб ла Треваля. Мушкетёрский плац.
Сам Ришелье досматривает нас.
– Мне численность отряда предъявите.
Я полагаю, четверо из них убиты.
И объясните смысл командировки.
– Извольте. Это рекогносцировка.
Известно нам, сгущались тучи над страной.
Грозится англичанин нам войной.
Проверили ребята различные пути,
Чтоб без препятствий быстро подойти
И защитить родные берега:
Противника отвадить навсегда.
– А объясните мне погони, перестрелки.
– Британцы пытались помешать разведке.

– И все в плащах гвардейцев кардинала?
– Они переоделись, подлые нахалы.
Но мушкетёры сразу догадались
И потому в ловушку не попались.
Маршрут проверен до Ла-Манша и обратно.
Уже награждены разведчики приватно.
– Ну хорошо, командуйте «К походу».
Король желает прогуляться на природу.
Согласно плану войско развернём.
Готов британцам пламенный приём.
Придёт английская армада,
Её мы встретим канонадой.

Те хулиганы всё же здесь?!
Рошфор, вы потеряли честь
И честь мундира запятнали!
Забыли, что мне обещали?
– Я видел, как их всех троих...
– Троих? Я вижу пятерых!
– Глазам не верю. Быть не может.
Немедленно их уничтожат.
– Нет. Всё как раз наоборот.
– Мой господин, но почему?
– Скажу и вам, и хоть кому.
Поймите, это наш народ.
Затем задумался и вновь сказал
Наш прозорливый кардинал:
– Хорошее предзнаменование
В начале воинской кампании,
Что наши воины бессмертны.
Хотя скромны и неприметны.
С таким блистательным талантом
Пора уже им в лейтенанты.

Как это было, знаю я; узнай и ты:
Плащи небесно-голубого цвета
И серебром прошитые кресты.
Как будто небо двинулось в поход.
И жаль мне тех, кто не увидел это.
С восторгом провожает их народ.
Они уверены, что будут побеждать

И, если нужно, смогут жизнь свою отдать
За свою Францию, за короля.
Героями считают их не зря.
Любовью к Родине сердца открыты.
Стучат по мостовой копыта.
Литавров рёв, бой барабанов.
В поход уходят сорок д'Артаньянов.
И машет им рукой сам кардинал,
Задумался и радостно сказал:
– Как хорошо сегодня начат день:
Литавры, барабаны: трень, брень, трень
И на войну отправлен д'Артаньян.
Теперь эта проблема у англичан.

Глава 39. БАСТИОН

Под стенами мятежной Ла-Рошели
Не соловьиные, но пулевые трели.
Атаки Ла-Рошели срывает бастион:
Всё время либо с тыла, либо с флангов он.
Между атак, в затишье, беседуют друзья:
– Атаками простыми эту крепость взять нельзя.
– Нам неизвестны наших командиров планы.
И перспективы выглядят весьма туманно.
Не менее туманны и наши перспективы.
И ла Треваль нам улыбается стыдливо.
– Закончена курьерская кампания.
Кому под хвост потери и старания?
Хотели мира – кровью полита дорога.
– Выходит, что не поняли мы Бога.
– Погибло столько прекрасной молодёжи.
С судьбой мы спорили – себе дороже.
– Как быть нам дальше, нужно обсудить.
Возможно, что нам не позволят жить.
– И может разрешиться всё само собой,
Ведь каждый день, рискуя жизнью, ходим в бой.
– Да, это всё понятно, согласен я с тобой.
– Не можем говорить мы здесь без опасений:
Шпионы кардинала всюду, нет сомнений.
– А если мы на время захватим бастион?

Окажется ли там святейшества шпион?
– Достаточно безумная идея.
Страх перед смертью он не одолеет.
– Нас пятеро, и все мы д'Артаньяны,
И хоронить ещё нас рано!

Для гарнизона в бастионе
Французы словно на ладони:
Все построения видны,
Манёвры кажутся смешны.
– Смотрите, мушкетёры к нам идут.
– Забавно, что они забыли тут?
– Быть может, их перестрелять?
– Нет, интересно всё же знать:
У них совсем свихнулись командиры?
– А может, это просто дезертиры?
– Да, на атаку это не похоже,
Такого не было и быть не может:
Пятёркой против гарнизона,
Ведь в этом вовсе нет резона.
– Так что: огонь по ним не открываем?
– Сейчас войдут, и всё у них узнаем.

– С чем вы пожаловали к нам?
У нас здесь нет прекрасных дам.
Вы перепутали дорогу?
А здесь солдаты, и нас много.
– Имеем к вам простое предложение:
Оставьте это помещение.
– Хи-хи, ха-ха!
Какая чепуха!
Нет, точно вы совсем с ума сошли.
А мы то думали: зачем сюда пришли.
Вяжите этих сумасшедших,
В бреду безумия пришедших.
– Ну что ж, вы сами всё решили:
Себя на смерть приговорили.
Не любим мы таких ответов.
Огонь! С двух рук из пистолетов.

Осталось вас полгарнизона.
Ещё не поняли резона?

Теперь узнайте шпагу мушкетёра,
Не знает наш клинок в бою позора.

– Ну, вот и всё. Захвачен бастион.
Тот побеждает, кто отвагой окрылён.
И численность врага значений не имеет:
Тот победитель, кто стяжать победу смеет.

– Теперь мы можем говорить спокойно.
Нас не подслушает никто, кроме покойных.

– Одно могу с определённостью сказать:
Нельзя нам по отдельности бывать.

Если держаться будем рядом,
С любым мы справимся отрядом.

– И к нам подкравшийся подсыл
Охолодит стараний пыл.

– Чем мы займёмся, господа,
Когда закончится война?

– Я думаю, служить и дальше буду,
Пока известности и славы не добуду.

– До высших званий я хочу дойти,
Другого нет солдатского пути.

– Похоже, с вами мы расстанемся тогда.
И я желаю вам удачи, господа.

Какая ждёт нас каждого дорога?
Жаль, не спросить о том у Бога.

– Давайте де Порту об этом спросим.
В себе он дар провидца носит.

Не только лишь в бою отважен,
Узнать про будущее даже

Он может, если напряжётся,
И с уст его тогда польётся

То, что не сможем разобрать.
Откуда нам всё это знать?

– Я тоже не всегда могу понять, что вижу,
Когда в видении грядущее предвижу.

Но если вам угодно знать,
Могу немного рассказать.

Сказали вы и сами о кампании:
Война наперекор всем ожиданиям.

За гуманизм французской королевы
Погибших список у Парижа первый.
Оставшимся в живых непросто уцелеть.
Неосмотрительны не будем впредь.
– И может ли судьба нам предложить,
Без битв до старости дожить?
Желание пропало к службе.
– Зато мы закалились в дружбе.
– Порту, что скажете как кабалист?
Грядущее для вас – открытый лист.
– Что с вами будет, рассказали сами.
Добавлю я о тех, кто будет с вами:
Племянника Буссона сын аббат Буссон
Пожизненно под стражу будет заключён.
Годами будет рыть тоннель к спасению
И даст начало новым приключениям:
Наш клад в другие руки перейдёт.
Владелец новый с врагами счёт сведёт.

Наш ле Монте в далёкой нам стране
Авторитет заслужит на войне.
А внук его, поэт баталий,
С высоких гор увидит дали.
Умрёт от пули на дуэли,
А не от старости в постели.

Наш Шарль д'Артаньян де Бас,
Не удивлю рассказом вас,
Достигнет чина генерала.
Казалось бы, уже немало,
Атаку сам возглавит он
И будет пулей умерщвлён.

Теперь и о себе я расскажу:
После войны со службы ухожу.
Чтобы достатка достигнуть поскорей,
Займусь делами богатеньких людей.
У нас в роду не только кабалисты,
Успешные нотариусы, финансисты.
Куплю себе роскошный дом
И наплюю потомство в нём.

А наши новички, похоже, дружат.
Ну что ж, пусть королю послужат.

– Смотрите-ка, кто к нам идёт,
Ползвода к нам сюда ведёт.
– Мы видели и пострашнее рожи,
А этот на эсквайра похожий,
«Хорошенькую» корчит он мордашку,
Уже на мушке эта пташка,
Плохую он игру играет,
Конечно, сам об этом знает.
– Так, говорите, он эсквайр?
Пожалуй, в рифму будет: «Файр!»

И залп уменьшил те ползвода,
Смёл заодно того уroda.
Ещё два залпа без ответа:
Оставшихся смело до ветра.

– Зачем команда на английском?
– Я пошутил. Они ведь были близко.

– Смотрите, снова к нам идут,
С собой и пушку волокут.
Теперь толпа побольше втрое.
Понятно, что теперь они герои.
С чего начнут? Артподготовка.
Видна военная сноровка.
Довольно метко бьют по стенам.
– Да, канонир у них отменный.

Ядро ударило вблизи бойницы.
Вовнутрь начала стена крениться.
Порту метнулся к ней, подставил спину,
Напрягся, наружу стену опрокинул.
С ужасным грохотом обрушилась стена,
И подбегающих расплющила она.
Бежали остальные от кошмара,
Растолковав, что это Божья кара.
Пока наш Ахиллес боролся со стеной,
Он как-то погруженно разговаривал с собой:

«Германский Аненербо, Гитлер,
НКВД у Сталина, как хитро».
Арми спросил: «Какую марку стали
Вы только что сейчас мне называли?
Послышалось; германской».
– Да хоть и итальянской.
Какую вам ещё и марку стали?
Я в этом ничего не понимаю.
Не мог такого я сказать.
Откуда мне про марки стали знать?
– Жаль, ла Фера до этой схватки не дожил.
Он всё бы досконально о стали разъяснил.
Боюсь, что сильно взрывом де Порту прибило.
– И я боюсь, когда штурвал в руках дебилов.
Во время шторма меченое рыло,
Урвав штурвал, вдруг жалобно заныло,
Что надо разобраться, как этим управлять,
На море шторм, куда нам надо направлять.
Так смена капитана и была за тем,
Чтобы корабль пошёл на дно совсем.
И начал он такое дерзко вытворять,
Что умудрился полкоманды растерять.
Корабль с курса сбил,
Что взять с него – дебил.
Но жизнь ему оставили затем,
Чтоб понял, сколько от него проблем
И сколько горя людям от него,
И чтобы совесть мучила его.
А он и рад, жирует, ест и пьёт.
В его сознании ни горя, ни забот.
– Похоже, сильно вас ударило по голове:
Такого вы сейчас наговорили мне.
Как ощущаете себя сейчас?
Противник атакует снова нас.
Вы сможете к бойнице встать с мушкетом?
– Зачем спросили мушкетёра вы об этом?
– Так метко и жестоко нас канонир бомбит:
Решил, что с бастиона уйти уговорит.
– Похоже, что у нас проблемы:
Нам ядрами ломают стены.
И к нам идут не меньше роты.

– Так уважают нас? Да, что ты.
– И де Порту похоже, что контужен.
Нам бастион ещё надолго нужен?
– Мы здесь достаточно побыли,
Врагов немало перебили.
Пора уже и возвращаться,
Чтоб глупо с жизнью не расстаться.
Какие будут мнения?
– Мнение одно:
Смерть глупая не доблесть.
– Значит, решено.
– Каков наш план эвакуации?
– Всего один я вижу в этой ситуации.
– И в чём он?
– В быстрой передислокации.

Поскольку бастион не нужен больше нам,
Мы подготовим противнику обман.
Пусть те, что в звании покойники,
Кто были самомнения поклонники,
Всерьёз обороняют бастион.
Теперь как будто стал им нужен он.
На них наденем наши шляпы мушкетёров,
Расставим у бойниц блистательных актёров.
И пусть они ещё немного повоюют.
Приняв за нас, пускай их атакуют.
– И для чего всевышний даровал нам ноги
В том случае, когда не ждём подмоги?
– Так что, мы так и побежим?
– Нет, мы же честью дорожим:
Уйдём степенно и размеренно
Манёвром быстрым и проверенным.
– Я бегать не люблю. Пойдём с прохладцей.
Враги нескоро смогут догадаться.
– Кошмар! Мы с обнажённой головой.
– Зато живыми возвращаемся домой.

Потом другие битвы были
И впрочем, многое ещё,
Совсем не многие дожили,
Чтоб называться старичьё.

Глава 40. СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА

Пакет, что я доставил Бэкингему,
Не устранил военную проблему.
А я, как мне и предсказали.
Отправился в чужие дали.
Опасно жить, где я опальным стал.
И дальний путь к Граалю меня звал.
Итак, в могучую Россию.
Я юный воин, не мессия.
Военный опыт сразу показал
И командирские регалии стяжал.

Война смоленская. Я в командирах.
Вокруг меня стрельцы в своих мундирах,
Пищали, палаши, тяжёлые секиры.
Немного дальше суетятся канониры.
Я научил стрельцов без промаху стрелять
И конные атаки умело отбивать.
В смертельном плотном сабельном бою
Приемы пользоваться, которые люблю.
В затишьях между битв не тратил время даром
И посвящал заботу молодым и старым:
Бойцам давал уроки фехтования
И требовал от них упорного старания.
Чтоб лёгкими, как перья, казались им мечи,
Концом клинка гасили пламя, не задев свечи.
Из-за моих успехов слух пошёл,
Что будто я Грааль нашёл.
И будто потому всегда победа наша,
Что я носил с собой в атаку эту чашу.
И пули не летят в моих бойцов.
И саблями рубить не могут удальцов.

Люблю воинственное племя,
На них не жалко тратить время.
Всё то, что в смуту потеряли,
Назад себе отвоевали.
Ну, хватит, шляхтичи, скандалить,
Пора вам гонор свой убавить.
Не ваши были эти земли,
Пора забыть про них и Кремль.

Но странный вырос под поляками народ:
Не русский, не поляк, вообще наоборот.
Упрямы невозможно и постоянно врут.
Я слышал, шляхтичи их быдлами зовут.
Ведут себя коварно, как османы.
Все договоры с ними лишь обманы.
Других в своих же кознях обвиняют.
Османскую доктрину применяют:
«Кто если без обмана победил,
Тот, значит, доблести не проявил».
Кто научил их врать всё время?
Вот неприкаянное племя.
Пообещают жизнь за сдачу,
На самом деле будет всё иначе:
Через ворота их впустили.
Они всех тут же перебили.
Вы скажете, что это подлость,
Они – что воинская доблесть.

Победы наши шли каскадом,
И все бойцы, конечно, были рады.
Фортуна на войне не блещет постоянством:
Вчерашнюю победу решив отметить пьянством,
Имели утром страшное похмелье.
Противник предложил другое зелье.
Там, где вчера был пир победы,
Ручьём кровавым наши беды.

Когда противник наше войско разгромил
И наших ратников почти всех перебил,
И с поражением те, кто остался,
Израненный ретировался,
Тогда и я, всегда удалый,
А всё-таки попал в опалу.
И в том как раз и виноват,
Что целыми привёл солдат.

Они дрались весьма умело,
Сам их учил, как делать дело.
И не во благо обернулось, а во зло,
Что в совершенстве знал своё я ремесло.
В героях те, кто положил солдат,
А я у них как раз в обратном виноват.

Глава 41. КАВКАЗ

И вот я здесь, в селении Кавказа.
Учу детей, пишу свои рассказы:

«Вдруг потемнело, словно вечер.
Примчался к нам задира ветер.
Хватал деревья и трепал за кроны,
Как будто хочет отобрать корону,
Сейчас сломает, оторвёт им ветки.
И в ужасе согнулись деревья-малолетки.
И что-то белое с дождём швыряет вниз.
Понятно стало: невозможен компромисс.
Но вот уже ласкает нежно облака,
И шум его доносится издалека.
Похоже, что закончен спор.
Туман обнял вершины гор,
Из зелени ползёт змеей по склону,
Подобно ненасытному дракону,
Он будто разевает пасть.
Да явно хочет он напасть.
Гору он хочет лапами схватить,
Когтями уцепиться и тащить.
Отсюда унести её с собой.
А рядом прячется дракон другой.
Гора стоит, как мощный бастион.
За ней в засаде затаился он.
Коварно будет нападать.
Ах нет, решил он улетать
В простор безбрежный, над горами,
Который называем небесами».

Я миром этим упоён,
И душу мне ласкает он.
Народу русскому я благодарен за приют,
Ему и посвятил и жизнь свою, и труд.
Узнал я душу этого народа:
Долготерпение его природа.
Я понял смысл трёх слов единокровных
И чаяний священных всенародных:
Они есть слово, правда и закон.

И свят народ, поскольку богоносец он.
И мне открылся смысл фразы:
Вначале было слово, и слово было Бог.
Я просветлел и понял сразу
То, чего раньше я понять не мог.

Но не сбылась моя мечта,
За ней я шёл через года.
Повсюду чашу я искал,
Но так её и не достал.
В чём, Боже, я так провинился,
Что сколько к чаше ни стремился,
Судьба моя лишь только битвы,
И бесполезны все молитвы.
К тебе в душе их устремлял:
Вокруг звенит клинков металл.

Скажи мне, что не понял я?
Измаялась душа моя.

И небо снова помрачнело.
Я понял и взглянул несмело.

Гигантской молнией порвало небо.
Повеял аромат: так пахнет только хлебом.
Хлеб – символ нашего Христа.
Вдруг появилась тень креста.

С небес раздался голос Бога:
– Трудна была твоя дорога.
Но выбор сделан был тобой.
И на земле ты был герой.

– О Боже, я всегда искал
Ту чашу, что зовут Грааль.
И ради этого готов был биться.
Чтоб Божьей правдой просветиться.
И в поисках Грааля понял:
Сосуд, что полностью заполнен,
Конечно, это твой завет.
Себе такой я дал ответ.

И он хранит всех тех от бед,
Кто за тобой идёт вослед.
Апостолы, твои ученики,
Не для того, чтоб прятать в тайники,
По капле мудрость собирали
И этот клад «Грааль» назвали.
Достичь Грааля в мире этом –
Стать озарённым Божьим светом.

– Ты говоришь, Грааль искал.
Дороги кровью поливал.
Забыл Учителя пример?
Не применял таких я мер.
Страдал я сам от адской боли,
Не лил ничьей ни капли крови,
А расплатился лишь своей
И спас от гибели людей.
– Очнитесь, люди, и побойтесь: Богу больно,
Страдает от грехов он наших, вольных и невольных!
Нет пользы, что вы молитесь усердно,
Когда, как прежде, вы жестокосердны.

– Так истово Грааль искал,
Что сам почти Граалем стал.
Хоть создан был подобным Богу,
Грешил по жизненной дороге.
И сам ты выбирал свой путь,
Коня пришпорив, ветер в грудь.

Пред Отче, альфа и омега,
Я обелить белее снега
Всех покаянных обещал.
Сражался ты, кровь проливал,
Но не для зла, а ради жизни.
И не был ты в пути капризен.
Трудом и верностью своей
Ты привлекал к себе людей.
Испытан ты в трудах довольно,
Теперь усни и спи спокойно.
К творцу уже твоя дорога.
Грааль есть озарение от Бога.

Глава 42. НЕ ХМУРЬТЕСЬ, ШЕВАЛЬЕ

– Смотрите, тренер наш затих
В противоречиях своих.
– Нет, он нашёл дорогу к Богу.
Его я знал, хоть и немного,
Но явно праведник был он,
С прощеньем и упокоён.
– Мы отнесём его к погосту,
Но со священником непросто:
Француз не нашей веры был.
Его отец в католики крестил.
– Не помню, чтоб нас вместе хоронили.
– Вот незадача: мы же с ним дружили.

– Француз наш был не православным,
Зато в боях и в жизни славным.
За нашу землю воевал,
Уроки детям он давал.
Побольше бы католиков таких.
Служил добру он словно за двоих.
Он почитания достоин –
Средь наших будет захоронен.

– А жаль, что наш француз почил.
Мальчишек нам недоучил.
Кто пацанов обучит шпаге?
– Так есть вожак для всей ватаги,
Который с ним был мальчуган,
Сынок Лемонтов, Артанян.
– А что такое имя-то чудное?
Зовите вы его Артёмкой, что ли.

Усоп отец. Грустит сынишка:
Понятно – горе у мальчишки.
Но быть в унынии – путь не его.
Другой характер у него.
Ведь он воспитан как герой:
Такая в жизни будет роль.

Уже закончился и дождь.
Один остался я; так что ж.

И перестал быть вечер душным.
И будто бы кнутом пастушьим,
Рапирой яростно хлестнул:
«Уи! Ангард! Алле!»
Ладонью ободряюще взмахнул:
«Не хмурьтесь, шевалье!»

А. Л. Малороссиянов

г. Красноярск

Ликвидатор катастрофы на Чернобыльской АЭС. Награжден орденом Мужества.

Александр Леонидович родился в г. Норильске. Окончил автодорожный факультет Красноярского политехнического института. Он был одним из первых командированных из Красноярска на работы по ликвидации аварии.

В Красноярске работал в СМУ-6 «Сибхимстроя» инженером производственно-технического отдела, также имел звание лейтенанта танковых войск. СМУ-6 занималось строительством ответственных стратегических объектов Красмаша, завода ХМЗ, завода «Сибсталь», который должен был выпускать уникальную сталь для ракет.

Александр Леонидович – спокойный и уверенный в себе человек, выполнивший свой долг перед Родиной. Он честно пережил, перечувствовал, разделил горе, страдания людей Чернобыльской зоны.

ВОСПОМИНАНИЯ

В июне 1986 года к нам, коллективу управления, обратились с призывом поработать в Чернобыле. Да, нам были обещаны большие льготы и даже нашим внукам. Мы знали о воздействии радиации, но за нами была вся страна, наука, защита.

«Хорошо вооружён тот, кто предупреждён». Мы трое: я, Шалыгин Александр Михайлович и Чернов Юрий Александрович – дали согласие. Летели за свои деньги до Борисполя. Там нас никто не встретил, было уже 11 часов вечера. Спросили милиционера, как добраться, показали свои командировки. Он посоветовал доехать автобусом до поста ГАИ второго круга автодороги, ведущей в Киев. Затем от поста поехать на попутках до бетонного завода в городе Вышгороде. А там, сказал нам страж порядка, миксеры возят бетон в Чернобыль и нас довезут.

Стояла тихая украинская ночь, так красочно описанная у Гоголя. И мы через два часа были в Вышгороде, где много миксеров загружались бетоном. Через КПП едем в Чернобыль.

Миксер повернул на Припять, мы пешком пошли по городу искать штаб строительства. Восемь утра, и мы у штаба. Ждём. Только в 9 утра появились ликвидаторы в спецодежде с лепестками-масками на лицах. А мы ходим в своих костюмах, со своей домашней колбаской и пирожками.

К штабу подъезжает генерал Евгений Васильевич Рыгалов, и мы узнаём, что должны были быть встречены в Борисполе и для нас была заказана гостиница. К сожалению, нестыковок было много.

Наконец, мы определяемся жить в Тетереве, 120 километров от станции, бывший пионерский лагерь «Солнечный». Работы определили у разрушенного блока. Полмесяца работали с солдатами-срочниками, потом их откомандировали. Нельзя таких молодых «жечь» радиацией... Мы разбирали завалы и повреждённые конструкции, образовавшиеся от взрыва, снимали заражённый грунт, заливали бетоном землю, чтобы уменьшить радиационный фон.

Дальше началось строительство объекта «Укрытие». Для нас была определена предельная доза 0,5 рентген, но скоро ввели режим секретности, а норму увеличили до одного рентгена. Просто терялся контроль над дозами. 1 августа 1986 года закончилась моя командировка, но на смену нам не прибыли ликвидаторы из города Жёлтые Воды, и мы ещё работали неделю даже без дозиметров. И было такое, что при записи полученной радиации снижали показания. Сейчас чернобыльское облучение сказывается на здоровье. Чувствую изменения погоды, воздействие магнитных полей, мучают головные боли, особенно при перемене погоды.

Курить, пить – ни-ни. Хорошая помощница мне жена. Живём в любви и согласии. Радуют два внука и две внучки.

Все чернобыльцы не бездарно прожили время своей жизни.

Они были нужны в нужном месте в нужное время, исполнили свой долг перед страной и народом.

Александр Леонидович живёт интересами страны, города. Ему важны события в мире, у него собственное мнение о политике, о жизни, о настоящем и будущем!

В. А. Михайлов

г. Красноярск

Владимир Алексеевич Михайлов – участник ликвидации аварии на ЧАЭС. Работал с 10 декабря 1986 г. по 10 апреля 1987 г. в составе полка химической и радиационной защиты. Награжден орденом Мужества. В настоящее время возглавляет правление общества инвалидов Союз «Чернобыль». Занимается активной общественной деятельностью. Стихи пишет со студенческих лет.

Не претендую я на гениальность,
Но склонен думать – есть оригинальность
В моих, пусть неказистых, всё-таки стихах.
Я в них порою убегаю, как монах
Отшельником уходит в скит таёжный,
Чтоб мир понять большой и сложный.
Люблю стихи! И в этом моя слабость.
Люблю их музыку, пьянящую в них сладость.
Люблю их мужество и их призыв, способный
Поднять на бой. Люблю их голос ровный
И плавный и задумчивый слегка...
Люблю в них буйность озорного ездока,
Когда со строчек ветер бьёт в лицо!
Люблю за то, что не терпели подлецов!
Люблю есенинскую грусть
И Маяковского за слово «людогусь».
Люблю и пушкинскую бешеную младость,
Сквозящую в его стихах, и блеск и радость!

Жалею, кто стихов не понимает,
Не понимаю тех, кто отвергает.

Пусть в дни спрессуются года,
Пусть будет жизнь как выстрел,
Но жить! И жить всегда!
И постоянно мыслить!

ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

Дел непчатых вон груды ждут,
А мне не спится: «Зачем живу?
Зачем живу я и жить мне сколь?
Люблю кого-то, дышу и ем?
Зачем всё это? Какая цель?»
«Обмен веществ всё. Всё биоцепь.
И ты звено. Не рвись. Держись.
Вон за тобой уже другая жизнь.
Всё очень просто, как дважды два.
Родился, пожил, и все слова».
Но почему-то, как серпантин,
Вопрос свисает: «Зачем он жил?»

Спасибо Вам, спасибо Вам, спасибо.
За то, что Вы по-чеховски красивы.
Спасибо Вам за то, что Вы живёте,
За то, что людям доброту несёте.
Спасибо Вам за честность и за дружбу,
За то, что Вы так людям очень нужны.
Спасибо Вам за искренность, за нежность,
За вечер тот, за голубую снежность...
Спасибо Вам, спасибо Вам, спасибо
За то, что Вы по-чеховски красивы.
Спасибо Вам за всё, за всё на свете,
Спасибо Вам за то, что я Вас встретил...

СТИХ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЕЙ

Я Вас люблю, поверьте, люблю Вас всей душой!
Вы ангел мой хранитель, Вы добрый гений мой!
Люблю Вас среди бала, в кругу друзей,
Люблю, когда Вы дома встречаете гостей.
Люблю, когда романсы поёте при свечах,
А волосы искрятся и вьются на плечах.
Люблю, когда в театре сидите Вы со мной,
Люблю, когда мы вместе гуляем под луной.
Люблю в библиотеке средь тишины и книг...

Люблю Вас ежечасно, люблю Вас каждый миг!
Люблю Вас всю до капли, до кончиков ресниц,
И описать всё это не хватит мне страниц.

Впуская Новый год в распахнутые двери
И старый провожая, не кляня,
Я буду жить и буду верить,
Что счастье не оставит и меня...

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Снег, что белой ватой укутал дома,
Пахнет чуточку мятой, как весною трава.
Он сегодня особенно под ногой захрустит,
На минутку задумайся, пять минут погрузи.

Всё былое и прошлое потихоньку открой
И листов пожелтевших чуть коснись ты рукой.
Осторожно и бережно посмотри ещё раз:
Всё, что было там пережито, не вернётся назад.

Но в снежинках мохнатых, в их кружении
Возрождение, возрождение, возрождение...

Приснился сон.
Был глуп он и смешон.
Нелеп, как всё,
Что нам является во сне.
Приснилось, будто ты
Пришла ко мне.

Я последний солдат империи,
Я последний мустанг из прерий,
Я последний, верящий в рифму,
Я фрегат, налетевший на рифы.

Паруса мои рваные в клочья
От натуги, от ветра, и прочь я...
Только рифы, кинжалом точно,
Под обшивкой, под килем – прочно.

Напрягаюсь, все жилы вздуты,
Разорвать пытаюсь я путы
Повседневностей серых прозу.
Мне б на волю, в прерии, в грозы!

Чтобы ветер в лицо озоном,
Чтоб по телу кожа ознобом,
Чтобы кровь закипала в жилах,
Чтобы чувствовать телом, что жив я!

Я последний солдат империи
Я последний мустанг из прерий.
И мой маршал давно на пенсии,
И у ковбоев другие песни...

ДРУЗЬЯМ, ПО ОСЕНИ УШЕДШИМ

Они были моими друзьями.

Один, Родченко Валерий Павлович, – летчик-истребитель, полковник. За плечами служба от Прибалтики до Курил, две чеченские войны, шрамы на теле и в душе. Он легким росчерком пера мог написать и стих, и пейзаж...

Другой, Кузнецов Аркадий Владимирович, – советский инженер, в голове куча идей и предложений, но они были не востребовааны. Зато потребовался он сам, как офицер запаса. В том, в 86 году... И он не увильнул, не спрятался за справки и за блат... И там хватанул до первой группы.

Они ушли с разницей в два года, но оба осенью и оба скоропостижно.

Один на руках жены, другой просто шёл на дачу...

Друзья уходят... В никуда...
В период листопада.
Уходят раз и навсегда,
Как будто надо...

Уходят резко, как в бою,
Не вскинув руки.
Друзей избавив и родню
Смотреть на муки...
С любимых рук, включив форсаж
И задыхаясь,
Один на небо дал вираж,
Не приземляясь.
И с высоты, крылом качнув,
За облаками
Мгновенно скрылся, нам кивнув:
«Навеки с вами»
Другой привычно, не спеша,
Шел не в атаку,
А за кустом уж та ждала,
С косой... Собака.
И падая, как будто в лоб
Попал осколок,
Он матюгнулся: «Ах ты, чтоб...»
Как век недолог...
Упал ничком. Щекой прильнул
К траве колючей.
Как будто просто бы уснул.
Дурацкий случай...
Простите, други, не успел
Плечо подставить.
Теперь уж, видно, мой удел
Стаканы ставить.
И за помин души испить.
А было время...
Мы умудрялись с вами жить,
Плевав на бремя.
На бремя лет, болезней, бед.
И пусть штормило,
Но в жизни оставляли след!
И вот сломило...
Жаль, много каждый не успел,
Гоня печали...
Недолюбил и не допел,
А так мечтали...
Друзья уходят. В никуда.

Опять не спится...
Уходят раз и навсегда
И только лица...

Я сегодня не усну долго,
Будет в окна мне стучать полночь,
Будут мысли напозать снова,
Буду мучиться, искать слово.

Ветры выйдут погулять в поле
Запоют, заголосят. После
Будет вторить в унисон вьюга.
Одиноко. Рядом нет друга.

Звёзд не видно, небо всё в тучах.
От тебя и до меня – случай.
От тебя и до меня – вёрсты.
Нам бы встретиться с тобой просто.

Может, время помощь даст в этом,
А пока гудят одни ветры,
А пока стучит в окно полночь,
Одиночество, тоска, горечь.

N.N.

Розовые, синие и молочный цвет.
Все туманы призраки, феерия, бред.
Из туманов строишь ты чудные дворцы,
Но в воздушных замках не живут творцы.
В синей дымке видятся синие мечты,
У дворцов воздушных лёгкие мосты.
Строишь в одиночестве ночи напролёт,
А под утро ветер замки разнесёт.
С детской шаловливостью озорной Эол
Разломает сказку и умчится в дол.
Разнесёт, развеет весь туман, весь сон,
И сотрётся в памяти вечер, снег и Он.

Явилась, словно из тумана.
Ушла. А в памяти осталось.
Осталось, врезалось, вросло.
Пусть это глупо. Пусть смешно.
Пусть говорят, что я наивен,
Что в жизни ничего не видел.
Пусть твердят: «Сентиментальность!»
И уверяют, что отсталость
Хранить случайных встреч тепло.
Мол, это было, но давно.
Сейчас уже другое время,
Не надо чувств, они не греют.
А я твержу: «Три дня – поэма!»
А я страдаю, словно Демон.
И вспоминая, улыбаюсь,
Какой наивной мне казалось
Твоё желание в закате лета
Попить берёзового сока где-то.
Всё это было, было, было.
Держу в ладонях. Ты забыла.
Забылось, затянулось, заросло.
И желтым листопадом замело...

ПОЖЕЛАНИЯ ЖЕНЩИНАМ К 8 МАРТА

Желаем вам, чтоб каждый день
Встречали вы с надеждой,
А если неудачи тень
Придёт бураном снежным,
Пусть в этот миг и в этот час
Вас не покинут силы.
Пусть будет добрым ум у вас,
А сердце будет милым.
Желаем вам от всей души
Жить без семейной драмы,
Чтоб дети были хороши
И даже лучше мамы.
Пусть ваши руки сотворят
Уют, очаг домашний,

Сердца пусть мир в нём сохранят
От ссор и бед вчерашних.
Желаем вам, чтоб мысли те,
Что не дают вам спать,
Чтоб воплощались. Пусть не все,
Из десяти хоть пять.
И пусть те пять пусть снова спать
Не будут вам давать.
Что ж! Значит, можно ожидать
Открытия опять!
Желаем вам, чтоб на пути
Нелёгком и тернистом
Вам не пришлось одним идти,
Чтоб был союзник близко.
Пусть каждый бой, в который вы
Подниметесь сурово
С надеждой, с верою в крови,
Не будет Ватерлоо.
Желаем вам средь суеты,
Среди мирских забот,
Чтоб не забыли песен вы
Студенческих широт.
И среди музыки, стихов,
Среди красивых фраз,
Среди мужей и женихов
Вы вспоминайте нас!

Руки холодные, от мороза красные
Поднесу к губам и осыплю ласками.
Руки отопрею, отопрею ль душу
В северный мороз, в ледяную стужу?
Встрепенётся ль сердце, застучит ли гулко?
Иль в душе холодной не затронут струнку
Поцелуи нежные в бледные ланиты?
За снегами белыми та любовь забыта...
Может, где-то мается, мёрзнет на дорогах.
Отогреть не пустишь, лада-недотрога.
Отвернёшься холодно, не покажешь вида,
А снега по-прежнему с неба «идут, идут»...

Мне б иметь немного, малую надежду,
Что когда-то будет, станет всё как прежде...

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Принимаю письма.
Присылайте письма.
С смыслом и без смысла,
Только письма, письма.

Принимаю длинные,
Словно песнь былинную,
С мыслями весомыми,
С юмором особенным.

Принимаю краткие,
По две, по три строчки:
«Обнимаю крепко и...»
Затем три точки.

Принимаю разное:
Письма, поздравления.
Ощуцаю радость
И благоговение.

Отвечаю искренно,
Чуждый равнодушию,
Высылаю искорки
Доброты бездушию.
Треплет в исступлении
Ветер объявление:
«Принимаю письма,
Присылайте письма...»

Я долго не могу
Сидеть на одном месте,
Я долго не могу
В покое пребывать.
Вчера ещё в Москве,
Сегодня уже в Бресте,
А завтра буду где,

Не стоит и гадать.
Я просто не могу
Быть долго в остановке.
Мне ветер новых мест,
Как кровь, необходим.
Я долго не могу
В домашней обстановке,
Мне новый воздух нужен,
Мне старый словно дым.
Наверно, где-то там
В каком-нибудь колене
Мой предок был казак
Или авантюрист.
Наверно, он сумел
В каком-то одном гене
Послать мне жажду слышать
На реях ветра свист.
Наверно, он и сам,
Сроднившись с ятаганом,
Любил, чтоб вольный ветер
Его космы трепал.
Наверно, вниз по Волге
Ходил он за кафтаном,
А может, даже дальше
И в Персии бывал.
И я его потомок
По крови и по духу,
И я противник ярый
Цепей и всяких пут.
Я рвусь, чтобы увидеть,
А не судить по слухам,
Какие там сирены
Так сладостно поют.
И снова меня манит
Увидеть новый берег,
И снова меня тянет
На бак, а не на ют.
И я опять уеду,
Скоплю вот только денег,
Туда, где эти стервы
Так сладостно поют.

В. И. Семёнов

г. Красноярск

Валерий Иванович Семёнов работал на ликвидации аварии на ЧАЭС в 1988 г. До этого – на заводе «Красмаш», там награжден медалью «За добросовестный труд». За черныбыльский подвиг награжден медалью «За спасение погибавших». Инвалид. Стихи стал писать в марте 2009 г. в госпитале ВОВ. Занимается активной общественной деятельностью.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ ДЛЯ ДУШИ!

Добрый день иль вечер, утро!
Не могу сейчас сказать!
Только всё равно душевно
Вас приветствую опять!
Всё приходит и уходит,
Все мгновенья коротки!
Что же душу так тревожит?
Дорогой мой, объясни!
Мы не можем всё услышать,
Мы не можем всё понять!
Только жаль, конечно, очень,
Не могу я вас обнять!
Настроенья лишь мгновенья
Перемелются в груди!
Только я прошу сегодня,
Если что – меня прости!
Что так сердцу беспокойно?
Я не вижу ваших глаз?
И в душе всё что-то больно?
Повторяю много раз!!!
Это всё слова, слова!
Намудрил наверняка!
Не суди уж очень строго
И прости меня! *Пока!!!*

17.07.2014

ВДОХНОВЕНИЕ

О вдохновение мое,
Оно идет ко мне от Бога
И, к сожалению, ой-ё-ё,
Успею записать совсем немного.
Где стрессы те,
Души чудесные мгновенья?
Чтоб мысли были о тебе
И вылились в стихотворенья.
Где рай, где ад и где любовь?
Всепобеждающее чудо.
Любить, творить, а значит – жить!
И сотворить нам чудо.
Тебе я должен петь!
И наплевать на все невзгоды.
Пусть проходят наши годы;
Может быть, не попадем мы в рай,
Должны мы петь, ты так и знай.

Май 2011 г.

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ

Ах ты женщина моя,
Как же я люблю тебя!
Но уходят мои годы,
Голова как снег бела.
Поглядим в глаза друг другу,
Юность милая моя!
Без секретов не живу.
Вот лечу я по авто[страде]
Вот лечу я на авто
И сижу стихи пишу.
Вот спасибо, не забыла!
Не забыла, что любила.
Воспоминания мои,
Как в той роще соловьи.
Так близки твои морщинки,
Глаза карие, сединки.
Не забыла ты меня,
Юность милая моя!

01.08.2009

ПРИЗНАНИЕ

Ах ты юная любовь,
Вспоминаю вновь и вновь,
Раньше были далеки,
А теперь уж старики.

Я потихонько доживаю,
Близко к сердцу принимаю
Твою грусть и твою боль,
Назови ты мне пароль.
«Не болеть и не стареть,
Хорошо бы не сидеть»!

О былом я вновь мечтал.
Думаю, совсем уж сдал.

А мораль такова:
Сила духа мне нужна.

01.08.2009

НАВАЖДЕНИЕ

В снегу по пояс белые берёзки,
Дрожат на холоде они,
Притихшие, друг к другу прижимаясь.
Вот так проходит наша жизнь...

На Бога мы не можем обижаться,
А к милому плечу прижаться
Теперь, увы, не суждено!
Видно, так судьбой дано!

Голос твой роднее всех родных,
Смех твой сердце бередит.
Слушал бы его часами,
Но между нами расстоянья.

Знакомый номер наберу,
И тихонечко вздохну.
Одно мне утешенье,
От вас мне уваженье.

Мне серебра и золота не надо,
А голос твой моя награда!

12.08.2009

ДЕТЯМ!

Всё старее, всё мудрее,
Только толку нету с нас.
Снова жизни поучиться.
Может, правда повторится
Что-нибудь, когда-нибудь?
Я скажу себе: «Забудь»!

«Не мечтай и не страдай,
Хоть себя не забывай».
Лучше детям ты скажи:
«Тяжки жизни этажи...»

Все ошибки соберёте,
Если в толк вы не возьмёте.
На ошибках наших *вы*
Научиться бы должны!

1 августа 2009 г.

Я ВО ПСКОВЕ

(Вступление – А. С. Пушкин)

*Я вам пишу, чего же боле,
Что я могу ещё сказать?
Теперь я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.*

За то, что долго писем нет,
За то, что написал не свой куплет.
И то, что был я к вам привязлив,
Когда на улице вы зябли.

«В гостиницу идти и собираться», –
Сказал себе я и пошел
Старинной улицей по Пскову.

Хотя бы ржавую подкову
Стены у древней я нашёл.
Тогда и в вашей стороне
Прошло тепло в моей душе.

Увы, остался я отвергнут,
Пришлось уехать в ту же ночь.
С тоской в душе неправомерной,
Как будто Псков сказал мне: прочь!

Ноябрь 1973 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЭТЕССЕ ЕКАТЕРИНЕ ДРЫЧКОВОЙ

Вы наставник, жизнью умудрённый.
Ветрами лет и солнцем опалённый.
От сердца идущие слова,
Ведут по жизни вас всегда.

Я, наверно, дилетант!
А где вообще-то мой талант?
Но доброта души от вас
И дух мой окрылённый.
Вашей мудрости
Хоть чуточку достойный.

На колени я встаю,
Голову к таланту
Вашему склоняю.
Я вас люблю,
И всем об этом говорю.

13.03.2010

Я из сердца вынимаю
Красоту своей души.
Я люблю и принимаю,
Всё поймёшь, наверно, ты.

ДОКТОРУ НАТАЛИ

I

Натали вы, Натали!
Вы мне сердце извлекли!
Мою душу увели!
А вернуть забыли,
Всё в лекарство обернули.

Но остались в сердце раны,
На душе большие шрамы.
Что мне делать? Как мне быть?
Не смогу я вас забыть!

И с такою вот душою,
Сердцем, раненным тобою,
Сколько мне ещё прожить?
Может, с год ещё тужить!

Но не в силах умереть,
Не увидев вас очами,
Не обняв душу плечами.
Тосковать не дело нам,
Потому уходим в храм!!!

II

Ах вы доктор Натали!
Ничего вы не смогли...
Я сильнее разболелся
И в болезнях весь погряз.
И ещё в любви увяз.

Сердце рвётся от тоски,
Я остался без души
Сумасшедший Валери!

*Госпиталь ВОВ,
март 2009 г.*

НАЗИМОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Ах ты одноклассница,
Сладкие уста.
Ах ты красавица,
Недотрога у меня.
Не коснуться мне, конечно,
Алых твоих губ.
Что ж ты сердце тронула
Что случилось вдруг?
Худенькие плечи,
Тонкое лицо.
Какие мои речи?
Возомнил ты что?

Но влюбляться нам, наверно,
Уж никто не запретит.
И ты думаешь, что верно
Я душой к тебе прилип.

Время полночь, время три.
О чём ты думаешь – молчи:

Сегодня жизнью наслаждайся,
Пока нектар душистый пьёшь.
Сегодня, как всегда, влюбляйся,
А завтра, может быть, уйдёшь.

03.08.2012

ВОЗВРАЩЕНИЕ С РЫБАЛКИ В ТУМАНЕ

Енисейские туманы,
Непроглядная ты тьма.
Заблудились, заплутались,
Ты спаси нас, синь-тайга.

Огонёк мелькает красный,
Где же, где же ты, село?
Кармакула, острый камень,
Распороть готов нам дно.

Берег левый, берег правый,
Ничего нам не понять.
До земли скорей добраться
И родную бы обнять.

Эх, Назимово село,
Волю ветром унесло.
Одна тень осталась!
От моей усталости!

02.08.2012

В МОЕЙ ПАМЯТИ ЧЕРНОБЫЛЬ

Жизнь мою торопит...
В моей памяти Чернобыль.

Моё сердце содрогнулось...
Окунувшись в этот ад.
Моя воля встрепенулась,
Нет теперь пути назад.

Все предсказывали сны...
Видел годы впереди,
Всё вернулось роком.
Было мне уроком.

Звонок еще не прозвенел,
Свою песню не допел.
Может, скоро допою
Трелью соловьиною,
Песней лебединою...

Но я должен устоять.
Нужно Бога умолять
Отпустить мои грехи,
Хоть малы иль велики.
Сколько мне ещё прожить,
Успею ли я их отмолить?

Люби, страдай, терпи,
Друзей на помощь призови.
В кулак всю волю собери,
Жить ты заново начни!

Вам долги свои прощаю
И, как Христос,
Грехи всем отпускаю.

Март 2011 г.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ах, эта поздняя любовь
Волнует сердце вновь...
Сознание туманом уплывает.
И, словно зимний сад,
И зимний снегопад
Нас с тобою вместе укрывает!!!

Замерзли чувства вдруг,
А ты спаси, мой друг,
Ладони отогрей дыханием...
И сердце оживёт,
И вновь придёт любовь,
Вернется вдруг мое сознание!!!

Вернётся к нам любовь,
Почувствуем мы вновь
Лучей весенних придыханье!!!

И зацветёт наш сад.
Укроет тенью нас.
Найдем взаимопониманье...
Мы все без слов поймём,
Останемся вдвоем
До последнего дыханья!!!

Рисунок В. А. Михайлова

ПРОЗА

СЛУЧАЙ В ТАЙГЕ

Этот случай произошёл в начале пятидесятих годов. Сибирь ещё в древние времена славилась пушным зверем. В царские времена меха поставляли царскому двору. Купцы торговали с соседними государствами, особенно с Европой. Большим спросом пользовались шкурки соболя, их называли мягким золотом, а также ценились шкурки белки, лисы.

Мои родственники все занимались таёжным промыслом ещё с царских времён и продолжали этот промысел в советское время, только всё уже сдавали государству. Охотники имели свои охотничьи угодья в тайге. Содержали их в надлежащем порядке. В начале осени чистили путики от упавшего сухостоя, приводились в порядок кулёмы, ремонтировались охотничьи избушки. Готовили капканы, заранее в начале осени очищали их от технического запаха, а перед установкой на звериную тропу их тщательно натирали хвоей, чтобы зверь не почувствовал запах человека. Если угодья были на другом берегу Енисея, то сначала, в конце сентября – в начале октября, перевозили охотничьи припасы, продукты и всё необходимое снаряжение на лодке через реку. И всё перетаскивалось в ближайшую к реке избушку, а потом уже в дальние избушки.

И вот однажды моя родная тётя Настя с мужем дядей Фёдей Овчинниковым переносили продукты – полные, тяжёлые рюкзаки. Шли довольно долго, устали и решили отдохнуть. Сняли рюкзаки, присели на валёжину, перекусили, чем Бог послал. Тётя Настя говорит: «Фёдор, нужно засветло успеть дойти до избушки, давай пойдём». Дядя Фёдя говорит: «Ты иди тогда потихоньку, а я ещё посижу, покурю и догоню тебя». Он помог надеть ей рюкзак и присел снова на валёжину. Тётя Настя пошла и сначала как-то не обратила внимания, сколько прошло времени, а когда подумала об этом, то решила: пойду медленнее, скоро Фёдор догонит. Но что-то стала тревожиться, что не слышно, что он идёт. Уж не случилось ли что с ним? А у дяди Фёдора, как говорили в деревне, иногда пошаливало сердце. Она сняла рюкзак, зарядила ружьё, оба ствола. Патронташ всегда надет на пояс. Там и патроны с дробью на уток или рябчиков, а также с картечью – это уже на глухаря или зайца, и, конечно, патроны, заряженные пулями простыми свинцовыми или разрывными (жаканами). Все заряды распределены в строгом порядке в случае какой-то непредвиденной ситуации, чтобы не спутать заряд. Ружьё надела на одно плечо, для быстрого приготовления к выстрелу, и заторопилась обратно.

Подходя к тому месту, где оставался дядя Фёдор, ещё издали, сквозь просвет между веток и кустов заметила, что что-то не так

у валёжины. Тётя Настя стала продвигаться осторожно, бесшумно, как делают бывалые охотники. И ей открылась такая картина: дядя Фёдор сидит на валёжине, наклонился вперёд и спит, а сзади стоит медведь на задних лапах и с любопытством рассматривает спящего. Тётя Настя сняла ружьё, тихо взвела курки, с криком бросилась вперёд, и в этот момент выстрелила из обоих стволов вверх. Медведь рывкнул негромко, прыгнул с тропы и побежал, ломая тонкий сухостой и кусты.

Дядя Фёдор вскочил и кричит: «Мать, что случилось? Почему ты здесь оказалась и почему ты стреляешь?» Тётя Настя говорит: «Надо идти, а ты спишь и не чувствуешь, что над тобой медведь навис. Вот я его и испугала, и прогнала выстрелом».

Дядя Федя надел рюкзак, и они заторопились: нужно было успеть засветло дойти до охотничьей избушки. В тайге охотник должен быть всегда с ружьем, причём заряженным. Даже если он отходит недалеко от избушки или от реки в лес. Тайга дикая, необжитая, и кроме медведя водятся в сибирской тайге очень свирепые звери – россомахи, да и встреча с волками не сулит ничего хорошего.

07.01.2014

ПОДЗЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

Впереди седьмое ноября, несколько праздничных дней. До посёлка Орешный едем на автобусе несколько часов. Потом пять километров пешком. Справа от дороги – пологий склон невысокой, покрытой смешанным лесом горы; слева от дороги – ровное заснеженное поле. Наконец останавливаемся около небольшого провала на склоне горы. Снимаем рюкзаки, надеваем кто каску с фонарём (это бывалые спелеологи), кто просто ремешок на шапку с прикреплённым ручным фонариком или вообще фонарик в руке (это новички-дилетанты). Спускаемся между валунов в еле освещённый фонариками грот. В левую сторону потолок опускается вниз, а пол поднимается вверх и буквально метров через десять смыкается с потолком. Здесь мы оставляем лишние вещи, продукты, подготавливаем транспортники – это узкие рюкзаки, чтобы удобнее протаскивать их в узкие щели. Перекусываем сухим пайком и начинаем выход в глубь пещеры. Впереди опытные ребята, следом – новички. С собой верёвки, запасные батарейки и сухой паёк. Первый выход рассчитан примерно на десять часов. Часть группы остаётся в первом гроте. Под ногами в основном влажная глина. Свет фонарей выхватывает причудливые формы валунов,

на стенах — движущиеся уродливые тени. Вот безобразная голова кабана, а там медведь стоит на задних лапах, голова бизона. И качающиеся тени от впереди идущих дополняют сказочную картину. Просматривается беловатого цвета змея — это начинается каменистый зал с солевыми натёками по стенам. Кое-где с потолка свисают белые, жёлтые или серые сосульки, разной формы и величины — это сталактиты. А от пола навстречу растут сталагмиты, тоже разных форм и оттенков. Проходим узкие коридоры необыкновенной высоты. Фонари не высвечивают потолок, сворачивать в другие коридоры нельзя, запросто можно заблудиться или оступиться в провал. Дорогу отмечаем реперами — это бумажные небольшие листочки одного цвета, чтобы по ним ориентироваться при возвращении обратно, и их при этом собираем.

Коридор, по которому мы идём всё время, ведёт вниз. Лавируя между валунов различной формы и величины, упираемся в глухую стену. Но опытные ребята знают, что есть ход дальше. Наконец находим его в виде щели под каменным карнизом. Первый протискивается с трудом через узкую щель. Полным товарищам приходится хуже. Им уже помогают, кто пролез первый, и сзади подталкивают. И вот открывается огромный белый зал, который назван «Тронный зал». Красота неопишуемая, необычной формы белые потёки, сталактиты и сталагмиты. Огромный бело-жёлтый натёк по стене очень напоминает трон. Гигантская спинка, опускаясь от потолка вниз, образует сиденье. Сразу приходит ощущение подземного царства с гигантского роста жителями.

Рассматривая подземные красоты, мы расходимся по залу и незаметно для себя открываем всё новые и новые чудесные виды, но соблюдение дисциплины — это первая заповедь спелеолога. Нам приказывают вернуться к трону. Знающие ребята пещеру расставляют свечи по таким местам, где, кажется, горят то жёлтые, то красные фонари или совершенно белые сосульки. Мы выключаем свои фонари, и при свете свечей сказочная картина воспринимается во много раз острее, поневоле от впечатлений мурашки бегут по спине. Передохнув, начинаем движение дальше. От маршрута нельзя отклоняться, встречаются провалы и щели, сужающиеся вниз. При падении в такую щель уже невозможно не только самому выбраться (если останешься жив), даже с помощью товарищей вытащить человека очень трудно.

Пещера образует три этажа, мы идём по нижнему. То сужаясь, то расширяясь, подземный коридор приводит нас к маленькому гроту. Пол глиняный, но стены и потолок каменные, бурого цвета. Стены сужаются, потолок нависает, давит на сознание. Обходим угол стены и оказываемся перед огромным провалом. Он неширокий, метров

десять вверх, но сужается книзу и на глубине метров в двадцати находится озеро. Обе стены каменные. По стене с нашей стороны методом скалолазания надо пройти над озером. Опытные ребята навешивают страховочные верёвки, и один уходит вперёд, другой остаётся с нами. Новичков обвязывают грудной обвязкой, и мы так по одному по стене переходим на другую сторону провала. Камни мокрые, по стенам сочится вода.

Продвигаемся дальше, за каждым поворотом всё новые чудеса и неожиданные виды. Приходится протискиваться опять в очень узкий лаз, и попадаем в огромный, просто гигантский зал. Пол весь завален глыбами камней очень правильной формы параллелепипеда или куба, высотой в человеческий рост и значительно выше. Между ними нет проходов, приходится карабкаться наверх и двигаться по верху этих камней. У них настолько правильная форма, что поневоле думаешь, что это рукотворное изготовление блоков. Этот грот называется «камера хранения» или «грот чемоданов».

Потолок теряется где-то в вышине, и нам не удаётся его рассмотреть. Путешествуем уже много часов, и кое у кого гаснут фонарики. У кого шахтёрские каски с аккумулятором, свет горит хорошо. Отдыхаем и поворачиваем обратно. Так как подойдёт контрольное время и нас пойдут искать оставшиеся в первом гроте у входа в пещеру ребята.

Первый выход прошёл удачно и, слава богу, без происшествий. У кого хорошие шахтёрские фонари, идут впереди и сзади, а новички – между ними. Идти в таком свете очень тяжело, так как тени перекрывают тропу. Часто запинаемся, кое-кто падает, но увиденное настолько впечатлило, что не замечаешь боли от ушибов. Возвращаемся, правда, просрочив контрольное время на пару часов. Уставшие, но очень довольные увиденным, едим, что Бог послал, и укладываемся спать. Первый выход прошёл удачно и, слава богу, без происшествий.

А в это время пошла вторая группа осматривать и исследовать пещеру. Постепенно новые экспедиции открывали новые коридоры на других этажах, заносили на карту. Нанесли общей протяжённостью тринадцать километров. Обследование велось несколько лет.

25.12.2013

Я СПАС СОСЕДСКУЮ ДЕВЧОНКУ

Население села Назимово ловило брёвна, что несло по реке, на дрова. И их не всегда вытаскивали на берег. Иногда плот из десяти брёвен и более просто привязывали за вбитый лом в берег – брёвна, по сути, находились на воде. Мы целыми жаркими днями болтались у реки, купались, рыбачили, а также бегали по брёвнам. Бегать нужно было так быстро, чтобы бревно не успевало утонуть или крутнуться под ногой, устраивали догонялки по брёвнам. Конечно, случалось, что кто-то поскользнётся и упадёт между брёвен. Были и ушибы, и синяки, и мокрая одежда, также споры, кто голит или кто быстрее пробежит по брёвнам.

Кидали камни в реку, кто дальше, или бросали бутылку в воду, кто первый метко попадёт и разобьёт её. А потом сами же резали ноги об торчащие осколки над доннышком от разбитой бутылки. А самой азартной игрой было, когда камнями «пекли блины на воде».

Находишь плоский камень, берёшь его в руку так, чтобы указательный палец был на ребре камня, а с боков зажимаешь с одной стороны большим пальцем и тремя – с другой. Нагибаешься у кромки воды как можно ниже и с силой кидаешь эту плиточку вдоль поверхности воды, при этом указательный палец создаёт сильное вращение плиточки: чем сильнее вращается камешек, тем лучше он прыгает по воде. Эти касания назывались блины. Иногда получалось до пятнадцати касаний, а под конец плиточка просто скользила по воде.

Учились сами плавать, сначала около берега по-собачьи, постепенно тренировались и уже уплывали на глубину, подальше от берега. Или вообще ныряли с лодки: поставим её на якорь и прыгаем в воду – кто головой вниз, кто ногами, а кто камешком, ноги прижимаешь к себе – и бултых в воду, снова вылезаем на лодку, и так пока не надоест. А то ещё уйдём в верхний конец села и плывём вниз по течению. Кто выдержит доплыть до конца села, а оно у нас больше двух километров.

А когда мы бегали по брёвнам, они, бывало, расходились, и кто-нибудь падал в воду между ними. Иногда между брёвен был большой промежуток и там плескались те, кто не умел плавать, особенно девчонки. Но когда проходил теплоход, то этот плот сильно трепало волнами, и не дай бог было оказаться между брёвен. Могло просто задавить или можно было упасть и захлебнуться.

Однажды соседская девочка Галя лет десяти (она была умственно отсталая, хотя делала всю работу по хозяйству) пришла по воду, набрала вёдра, поставила их на берегу и стала плескаться в луже между

брёвен. А я недалеко рыбачил с удочками. В это время проходил теплоход вверх по реке. При этом всегда создаются большие волны. Я вижу, что Галя вообще не видит, какая опасность надвигается. Я прыгнул между брёвен в эту лужу. Сначала вода уходит от берега, её утягивают винты теплохода, при этом ближнее бревно к берегу остаётся на мели, а другие тащит водой на глубину.

Но когда идёт обратная волна, брёвна поднимает и тащит на берег, а иногда ещё и вдоль берега. Мне уже двенадцать лет, я физически сильный и развитый парень. Я обхватил её за талию и приподнял, чтобы переставить через бревно на берег. В это время меня сильно бьёт бревном, которое сначала оттянуло на глубину. Я стою боком, ноги широко расставлены, и я удерживаюсь на ногах, может, ещё потому, что мой вес оказался вдвое больше с Галей на руках, но мне сильно царапает ногу, и ещё получаю ушиб бедра. А вторая волна снова утягивает брёвна от берега, и в это время я выталкиваю девчонку на берег за первое бревно. Она запинаясь, падает и плачет – видно, сильно испугалась, но это уже на сухом месте.

Я знаю, что ругать её бесполезно, беру её вёдра, иду по берегу, поднимаюсь на угор и там уже передаю ей вёдра с водой. Галя ходила в школу в первый класс три года, научилась писать очень красиво слова и цифры, но не понимала их значения и не научилась читать, и мать больше не посылала её в школу.

24.01.2014

ЛЕДОХОД НА ЕНИСЕЕ 1956 ГОДА

Ледоход на Енисее всегда был мощный, по-настоящему могучий. До постройки гидростанции и заполнения моря лёд промерзал до семи-десяти сантиметров толщиной и даже больше в лютые зимы. Мороз стоял сорок три, сорок семь градусов, а в шестьдесят первом году я был в деревне Сергеево у бабушки на зимних каникулах и на телеграфном столбе термометр показывал минус 62 градуса мороза. В такой мороз воробьи на лету замерзали. Воздух был совершенно неподвижен, и вдруг раздавался выстрел – это лопались стволы тополей от мороза.

Чаще всего ледоход был в конце апреля, в начале мая – с колебаниями в два-три дня в ту или другую сторону. Все с нетерпением ждали начала ледохода. Люди прямо следили за поведением реки. И когда лёд трогался, мужики выходили на угор, дети, конечно, крутились здесь же, и начиналась канонада. Все, кто имел даже хоть какое-то ружьишко, палили в воздух и по очереди, и вместе залпом. Салютовали и приветствовали ледоход, только и слышно было в разговорах, что лёд тронулся. Друг другу рассказывали, кто что видел необычного.

Бывало, лёд делает подвижку и опять останавливается на два-три дня. А потом снова начинает двигаться, да так разойдётся, что уже и не останавливается. И все наблюдают за ледоходом, кажется, что дома никто не остаётся. Школьники бросают в этот день уроки, даже служащие выползают из своих контор. С оглушительным треском

ломаются гигантские поля, наплзают друг на друга и с грохотом рушатся. Остров Белый и Еловый находятся ниже села Назимово. Ледовые огромные плиты упирались в острова, лезли на берег и как могучие плуги вспахивали берег и склоны угоров, иногда их выталкивало наверх, и они ломали деревья.

Около села очень широкая река, мы видим, как гигантские поля раскалываются, грохот стоит как от пушечных выстрелов. Вот льдину с серой грязной поверхностью выталкивает на пока ещё мощное поле. Белый цвет сверху постепенно переходит в синеватый, потом в зелёный, и наконец показывается нижняя часть совершенно изумрудного цвета. Нельзя оторвать глаз от такой красоты. А грохот и хаос всё нарастают, заполняя собой всё пространство. Напирание достигает такой силы, что огромные куски площадью по несколько десятков метров лезут одна на другую медленно, но неудержимо, становятся вертикально, и вдруг обрушиваются с дикой силой на другие огромные льдины. В районе острова Еловый Енисей суживается в два раза и там создаётся гигантский затор. Лёд напирает, наплзает на ещё не строившиеся площади, создаётся и нарастает плотина. Уровень воды начинает быстро подниматься, поднимая и всю массу льда. Лёд раздвигает берега, наплзает на склоны берега, льдины лезут на верх угора и, уже ломая изгороди огородов, с тяжёлым уханьем и вздохом рушатся в переулках и огородах. Вот отрывается огромная льдина от основного поля, и её начинает крутить, как чудовищный жёрнов. Одной стороной она трётся о горы льда, намятые на берегу, другую её сторону давит основное поле и вращает. Не выдержав такого давления, она ломается, и одна часть поднимается горой у береговой линии, другая её часть обрушивается на основное поле. Мужчины опять поднимают стрельбу, а дети с любопытством и некоторым испугом наблюдают эту картину. Я прошу соседа, дядю Мишу Попова, дать мне стрелнуть – и ура, он заряжает оба ствола, даёт мне ружьё, сам придерживает меня со спины, так как от выстрела сильная отдача в плечо. Вот и я посылаю привет ледоходу. Иногда ледоход ломает стайки и бани, которые близко построены к склону. Когда прорывает плотину около острова Еловый, движение льда несколько ускоряется.

И слышен только постоянный шум от трущихся льдин, которые несёт река, о ледовые горы, созданные вдоль всего берега. И такая картина простирается вдаль, на сколько хватает взгляда человека.

Но ещё не один сюрприз преподносит река: то увидишь бегущую по льдинам лису, то откуда ни возьмись появится собака и, пока лёд идёт большой сплошной массой, им удаётся спастись. Смотришь – на льду то крыша от бани, то какая-нибудь покосившаяся избушка.

Все опасаются наводнения, когда ниже Ворогово лёд застревает в Осиновском пороге. Вода начинает подниматься. Посередине села есть место, его называют ручей. Там всегда стекает с высоких мест талая вода в Енисей. В этом месте очень низкий берег, который переходит в улицу. И дальше, за огородами, – колхозные дворы. Вода неумолимо заливает это низкое место, разделяя село на две части. Постепенно прибывая, начинает подтапливать улицу. Дети с верхнего конца улицы не ходят в школу несколько дней, пока вода не спадёт. Но слава богу, примерно через неделю затор прорывает, и река медленно возвращается в своё русло. Дня через три-четыре по реке плывут разрозненные глыбы льда, небольшие поля льдин и вся поверхность реки закрыта крошевом и мелким льдом. На берегу ледовые горы и плотины, что построила река. Хозяева непрошенных гостей в виде льдин в переулках и огородах ломают их и крошат, чтобы они быстрее растаяли.

Всё постепенно успокаивается, и жизнь в селе входит в своё обычное русло. Но ещё нет-нет, да вспоминают люди о ледоходе и делятся впечатлениями.

При встрече школьников села Назимово в 2009 году и в 2012 году мы разговаривали с одноклассниками, которые живут в посёлке, по поводу поведения реки и ледохода. Выводы, конечно, неутешительные.

Во-первых, река сильно обмелела и стала зарастать травой, так как из Красноярского моря выносит эту траву и она распространяется вдоль берегов. А слабый ледоход не очищает русло реки должным образом. Ледоходы стали совсем не те, что были до постройки гидростанций. Если Енисей замерзает до Казачинского порога, да и зима более-менее морозная, то ледоход существенный. Но нет уже той мощи, да и толщина льда не та, и значит, масса значительно меньше и река замерзает не до истока, разделенная гидростанциями на три части. И подтопления стали в основном в районе Ворогово и Зотино. А в 2013 году, при первых морозах в двадцать градусов не ниже тридцати, ледостав еле-еле поднялся до Назимово. Потом, при декабрьской оттепели, лёд ушёл до Ярцево, а это больше сотни километров.

Когда это было видано, чтобы лёд шёл среди зимы.

Пострадал, видно, климат Сибири от гидростанций и морей, что созданы на Енисее и на Ангаре. При морозах пятидесятих годов, когда бывало минус 50 градусов и ниже, воробьи на лету замерзали. Теперь птичкам, слава богу, более комфортно зимой, а лета стали более холодные, весна – часто затяжная. И вроде кончается климат, называемый резко континентальным.

Так что влияние человека на природу сказывается пагубно!

25.01.2014

ВСЁ РАДОСТНОЕ И СЧАСТЛИВОЕ ТАК НЕОЖИДАННО КОНЧАЕТСЯ!

Над тобой солнце, безоблачное небо, и ты радуешься жизни, друзьям, событиям. И вот закрываешь, счастливый, глаза, не замечаешь, что от яркого солнца только маленький лучик тебя освещает и несёт тебе счастье бытия. И пока у тебя глаза закрыты, от радостного ощущения начинаешь чувствовать какой-то приятный холодок, который пока принимаешь на подсознательном уровне.

Но он всё усиливается, и это ощущение начинает тревожить. Через минуту-другую ты открываешь глаза и ещё не понимаешь, что произошло! А тучи сгустились, навалилась тьма, и твоя память, твой образ, ещё витает в счастливых облаках.

И вдруг ты осознаёшь эту тьму!..

Тебя охватывает если не ужас, то тревога или страх, и ты не понимаешь, откуда вдруг это взялось и что случилось. Но медленно и верно приходит осознание навалившегося события, этой тьмы, этого давящего обстоятельства! Но нужно понять и начать бороться с тьмой или с тёмными силами. И скорее всего, нужно победить или сделать вид, что ты их игнорировал и просто не видишь, даже не замечаешь!

И это тоже может быть победой!

24.06.2014

НАШ МАРШРУТ: КРАСНОЯРСК – ст. МАНА

И вот группа собралась. В основном мы жили в общежитии, хотя не было у нас в то время «сотиков» и даже стационарных телефонов, а всё равно общались очень хорошо.

Продукты закуплены, рюкзаки уложены, спички упакованы на случай непогоды в виде затяжного дождя. Билеты на поезд Красноярск – Абакан в кармане. И в 19:00 мы уже в поезде. Постепенно возбуждение и суматоха отъезда улеглись, город остался позади. Мелькают пригороды, некоторые посёлки, придорожные станции, полустанки, на которых поезд и не останавливается вовсе.

Постояли на железнодорожном узле Уяр. Здесь состав всегда перестраивали, а нам нетерпелось скорее доехать до станции Мана. Протащились по гулкому и тёмному туннелю. Тусклые лампочки на стенах туннеля создавали видимость и чувство нашего внеземного пребывания. В вагонах почему-то в то время отключали основной

свет, и наши тени по стенам вагонов мелькали какими-то призраками, искажая действительность до неузнаваемости. Было ощущение появления потусторонней силы. Через двадцать минут поезд вылетает из туннеля и катит по берегу реки – так уложена железная дорога. Зрелище завораживает. Справа поблёскивает при свете луны река, отливая серой свинцовой тяжестью, и ни огонька. По реке, параллельно составу, бежит бриллиантовая лунная дорожка, и мерцание на водной глади кажется вечным, и нельзя налюбоваться этими живыми светлячками. Кругом глухая тайга вдоль железнодорожной ветки Абакан – Тайшет.

Развели и нанесли на карту план местности, где должна была проходить железная дорога в 1942 году, землепроходцы-геологи Кошурников, Стафато, Журавлёв. Они погибли от голода и мороза. Их плотник вмёрз в лёд Маны. На льду было два члена экспедиции, замёрзших насмерть. У них кончились продукты. Зима захватила в дикой тайге, уже не было патронов, чтобы добыть дичь, кончились спички. Решили не продираться через дебри, а плыть в конце пути по реке, но истощённые и без специальной зимней экипировки не выдержали наступающей зимы и морозов. Один член экипажа умер, когда они передвигались по тайге. Карту нашли у одного из погибших, а описание, хорошо запакованное от дождя и снега, – на последней стоянке, привязанное к дереву. В честь героев были названы станции по железнодорожной ветке Абакан – Тайшет: Кошурниково, Стафато, Журавлёво.

Когда мы плывём по реке и за много километров слышим приближение поезда, идущего недалеко от воды, особенно на поворотах реки, а значит, и дороги, то кажется, что это поезд-призрак летит навстречу прямо по водной глади.

Но вот поворот заканчивается, и он грохочет своей миллионной тяжестью, обдавая нас своим металлическим теплом. Мы машем руками, и всегда машинисты приветствуют нас продолжительными гудками.

Погрохотали по одному мосту, через некоторое время опять грохот, – это поезд снова перешел на другой берег реки по другому железнодорожному мосту. Наконец, станция Мана – это пятьсот километров от Красноярска. И мы выгружаемся в ночь, в темноту. Время час ночи. Около нашего вагона платформы нет, и мы спрыгиваем на насыпь, рискуя подвернуть ногу. Оставшиеся в тамбуре подают рюкзаки. Поезд стоит всего две минуты, мешкать нельзя. Да в суматохе боимся, чтобы что-нибудь не оставить в вагоне. Но, слава богу, вроде всё нормально. Все у насыпи, и рюкзаки на месте. Надели рюкзаки и шагнули в неизвестность. Вдалеке светится еле видимая лампочка, пытаемся выйти на тропинку, чтобы идти к станции. Тут же на нас,

таких свеженьких городских жителей с диким писком и нудным гудением, налетели полчища комаров. На станции есть вокзал с тусклой лампочкой на фасаде. На ночь вокзал закрывают. На другой стороне рек – посёлок Выезжий Лог, в котором снимали фильм «Хозяин тайги».

8 марта 2015г

ЗАЙЦЫ

Нашим любимым маршрутом была станция Красноярск – станция Мана. Мы часто ездили компанией как туристы до станции Мана, потом шли пешим ходом тридцать километров до Большого Манского порога. Жили там несколько дней, потом сплавлялись по реке Мана на байдарках до Красноярска. А когда наступал август, то этим же маршрутом отправлялись в тайгу за дикоросами: ягодой черники, брусникой, кедровым орехом. И частенько почему-то не хватало денег для покупки билетов, а то и вовсе в карманах было пусто.

Вот тогда-то мы и становились «зайцами». У нас были сделаны ключи для открывания замков вагонных дверей, и приходилось перебегать из вагона в вагон или прятаться в туалете.

Были и такие хитрости: залезали на третью полку, отодвигали немного матрасы, что лежали там на хранении во время маршрута, и ложились за них.

Конечно, мы не пользовались этим в массовом порядке и девочек благородно снабжали билетами, а вот ребята, двое или трое, становились зайцами.

Иногда честно признавались, что на компанию из десяти-тринадцати человек у нас недостаёт нескольких билетов, и упрашивали контролёров не высаживать нас с поезда, а позволить доехать до нужной станции. И контролеры сжаливались над нами, не высаживали.

Иногда на каком-нибудь полустанке перебегали из вагона, куда подходил контроль, в вагон, где контроль уже прошёл. Сочинялись и легенды, что заблудились в лесу и не вышли вовремя к поезду, а часть группы, что шла вперёд к станции, не дождавшись нас, уехала и увезла наши билеты.

Доходило до того, что человек прятался в вещевой ящик, находившийся под сиденьем. И по условному стуку, когда контроль уходил в другой вагон, ему давали знать, что можно вылезать из ящика.

Был и очень комичный случай. Возвращались мы из тайги, где набрали много ягоды черники в Красноярск. И уж очень дотошные

попались контролёры – две женщины. Они нашли одного за матрацами, ещё одного – в туалете. А ещё один товарищ, согнувшись в три погибели, лежал в вещевом ящике. Уже ребята договорились, что доедет до станции Злобино и контролёры простят безбилетников.

А сидящий в ящике почему-то решил, что контролёры ушли, и поднял сиденье. Показалась кудлатая голова, грязные руки и при виде контролёра широко раскрытые глаза, очень удивлённое выражение лица. Но надо было видеть и глаза контролёра, тоже большие от удивления. И все, кто сидел на противоположном сиденье, покатались со смеху при виде этой картины. Друг не выдержал своего согнутого положения и раньше времени стал вылезать из ящика.

Вот так иногда мы становимся зайцами.

8 марта 2015 г.

Рисунок В. А. Михайлова

Б. И. Слундов

г. Омск

Борис Иванович Слундов родился в 1943 году в городе Ачинске Красноярского края.

В 1960 году окончил 10 классов в городе Татарске Новосибирской области. В этом же году поступил в Осинниковский горный техникум и окончил его в 1963 году. После окончания техникума был направлен в Красноярское геологическое управление в Ивановскую экспедицию города Канска.

В ноябре 1963 года призван в ряды Советской Армии. В 1966 году, после службы в армии, работал в городе Омске геологом в разных организациях. С 1972 года – в тресте инженерно-строительных изысканий ОАО «ОмскТИСИЗ», заочно окончил Томский политехнический институт. В период с 1982 по 1986 год преподавал военное дело в строительном училище.

В конце августа 1986 года призван на военные сборы по ликвидации аварии на ЧАЭС в качестве начальника связи Сибирского полка сроком 110 дней. После Чернобыля вновь устроился в ОАО «ОмскТИСИЗ» в качестве начальника геологической партии.

В 1997 году ушёл на пенсию. Стихи начал писать в 30 лет на разные темы, для души. К сожалению, сборника стихов не имеет, но в будущем, если ничто не помешает, попытается его создать.

*Не спеша и спеша шли в атаки,
И «ура!» не кричали.
Нам совсем не до драки –
Груз смертельный и пыль убирали*

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ

Взрыв! И облако поплыло,
Заражая всё кругом.
От реактора фонило,
Он пылал внутри огнем.
Блок пожарные спасая,
С огнём боролись до утра.
Ожоги и облученья получая,
Стояли насмерть, до конца.
Вас с запаса призывали,
Чтоб чудовище унять.
По войскам приказ отдали –
Химзащитой помогать.

«Лепестки», ломы, лопаты –
Арсенал наш боевой.
Трактора, КамАЗы, «баты» –
Авангард передовой.

Офицеры и солдаты,
Долг исполнили вы свой.
На лучи в х/б бушлатах
Шли в невидимый вам бой.
Воевать не воевали,
Как участники войны,
Но здоровье потеряли
Вы, Отечества Сыны!

Рыжий лес, грязь убирали,
Пыль с невидимым врагом,
Вас частицы облучали,
Когда фон стоял кругом.
Заросли холмы, курганы,
Поливают их дожди,
Там, в могилах, МАЗы, краны,
Их рентгены подвели.

Хоть за вас всегда горою
Жёны, мамы и врачи,
Достают сердца порою
Эти злейшие лучи.
Офицеры и сержанты,
Рядовые, прапора...
Вы сегодня элегантны.
Помянём друзей, пора.

ВЫ ПОДВИГ СОВЕРШИЛИ

В расцвете сил вы были,
Детей и жён любили,
Работали, учились,
Влюблялись и женились...
И вдруг беда случилась,
Халатность проявилась:
Четвёртый блок взорвался,
Огонь наружу рвался.

Дежурные бригады,
Пожарные отряды
К утру всё потушили,
Ожоги, облученья смертельны получили.
Масштабна катастрофа!
В тревоге вся Европа,
Россия, Беларусь
И Киевская Русь.
В Чернобыль вас призвали,
В войсках приказ отдали
Совместно помогать,
Землю, людей спасать.
В х/б и при погонах
Служили в разных зонах,
И в разные года
К вам пришла беда.
Обломки с крыш бросали,
Лес Рыжий убирали...
От фона и от пыли
Здоровье посадили.
Вы подвиг совершили!
Реактор заглушили,
Отечества Сыны
Огромнейшей страны.
Немало лет прошло...
И жизнью унесло...
Но в памяти всегда
Чернобыль ваш... беда.

ОМСКИМ ЧЕРНОБЫЛЬЦАМ И ДРУГИМ ПОСТРАДАВШИМ ОТ ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вы у «Ангела» стоите,
При медалях, орденах,
И о чем-то говорите.
Скорбь на лицах и в словах.
Двадцать восемь лет прошло...
Как трагедия случилась,
Много жизнью унесло...
Сотни тысяч облучилось.

Враг летучий, нещадящий
С преисподней вылетал,
С жерла ада исходящий,
Всей планете угрожал.
Вас в Чернобыль призывали
Человечество спасать...
Лепестки, ломы раздали
С врагом молча воевать.
Почву с грязью убирали,
Пыль, обломки с крыш АЭС,
Саркофаг сооружали,
Сплошь валили Рыжий лес.
Бетон с железом и свинец
Заткнули горло монстра,
Вы победили, наконец,
Досталось всё непросто.
Сегодня в день скорбящий
Дань памяти отдать...
Собрался люд молящий,
Чтоб катастроф не знать.
Вы у «Ангела» стоите,
При медалях, орденах.
Помолитесь, попросите
Защищать вас днем и в снах.

ВETERANAM BOЙНЫ И ТРУДА

В летопись нашей страны
Вошли навсегда и навечно
Вы, ветераны труда и войны,
Родине службу неся безупречно.
Строили ГРЭС, на шахтах трудились,
Подобных в истории не было эр,
Чтоб в пятилетках окрепли, сплотились
В прочный Союз СССР.
Мирную поступь прервали фашисты,
Огромное горе в стране!
Летом в июне напали нацисты,
Людей и сельня сжигая в огне.
Потом и кровью Победу ковали.
Ближних, родных и друзей навсегда

В смертной священной войне потеряли,
Терялись без вести вы иногда.
Страны Европы от рабства спасая,
Гибли вдали от России родной
Русский, казах, табунщик с Алтая,
Горец с Кавказа, калмык – брат степной.
Музыку бомб и рёв канонады,
Треск пулемётов, разрывы гранат –
Всё испытали, прошли все преграды!
Наградой был в 45-м парад.
Фашистские стяги на площадь бросали,
Под дробь барабанов печатая шаг.
Мир удивили и всем доказали:
В единстве республик советский солдат.
Никто и ничто не забыто,
Ваш подвиг во внуках живёт,
Живёт в обелисках и плитах,
На верность Отчизне зовет!

ПОЛК СИБИРСКИЙ СО МНОЙ

В Соколах, Черемошне
Полк сибирский стоял,
Далеко и не очень
В зонах разных бывал.

Время память хранит,
Благодарен судьбе...
Жаль, «косая» шалит,
Приглашая к себе

Привет:

Лучше боль, чем покой,
Доктора нас спасают,
Талисман – ангел мой,
Воля жить помогает.

Год за годом летят,
Голова серебрится,
Что-то нервы шалят,
И ночами не спится.

У меня есть друзья,
А они все как братья,
Нас сроднила земля
На чернобыльской вахте.

Припев:

Лучше боль, чем покой,
Доктора нас спасают,
Талисман – ангел мой,
Воля жить помогает.

Мне не нужен покой,
Да поможет терпенье,
Полк сибирский со мной
Иногда в сновиденьях...

Время память хранит,
Благодарен судьбе...
Жаль, «косая» шалит,
Приглашая к себе.

Припев:

Лучше боль, чем покой,
Доктора нас спасают,
Талисман – ангел мой,
Воля жить помогает.

ВАШ ДУХ НЕ СЛОМЛЕН

Чернобыльцам посвящается

Призвали вас военкоматы,
Землю, людей, АЭС спасать,
В полку вам выдали лопаты
И «лепестки» – от пыли защищать.

В Орджоникидзе, Черемошне
Сибирский полк квартировал,
Приказы свыше выполнялись точно,
Он в разных зонах побывал.

Песком, свинцом развал «глушили»,
Пожарным, лётчикам хвала и честь,
Краны на крышу трубы уложили,
Реактор «не плюётся»! Радостная весть!

Дезактивация вам Припяти досталась,
Дороги поливались, деревья и дома,
С поверхности земля повсюду убиралась,
В могильники свозили, заражена она.

Валили Рыжий лес солдаты,
Обломки... с крыш бросали,
Сибиряки, надежные ребята,
Порой по дому тосковали...

Машинный зал замуровали,
Фрагменты от реактора фонили.
Проектировщики Укрытием назвали,
В могильниках заразу хоронили.

Разнорабочие, бульдозеристы,
Водители машин, строители,
Электросварщики, дозиметристы
Вы! Человечества спасители!

Ваш дух не сломен от болячек,
Со временем лишь серебрится голова,
Здоровья вам желаю и удачи!
Не падать духом никогда!!!

2016 г.

И. В. Усевич

г. Красноярск

Иван Викторович Усевич (26.10.1950–28.06.1996) – выпускник Волховского военного училища. Участвовал в строительстве Ленинградской и Игналинской АЭС. Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в качестве заместителя командира роты с апреля по октябрь 1987 года 169 дней отработал на третьем и четвертом блоках и 18 дней на территории расположения в/ч № 55237. Получил дозу облучения 13,7 бэр. Инвалид II группы. Отмечен многочисленными грамотами и благодарностями, награждён именными часами с надписью «Старшему лейтенанту Усевичу И. В. За мужество и героизм на ЧАЭС».

Рисунок В. П. Родченко

ПОЭМА⁶

Нелегко писать поэмы не поэту, а врачу.
Освещает пресса тему, я своё сказать хочу.
С болью в сердце эти строки, чем измерить эту боль?
Горе дня и слёз потоки не утешит алкоголь.
Не придуман тот дозиметр,
 Что измерит крик души,
 Не охватит, не обнимет..
 А душа кричит – пиши!

Милая, родная Припять,
Наша боль и наша быль,
Кто осмелился рассыпать
Эту дьявольскую пыль?

Нет, ничто не предвещало
Этой дьявольской беды,
Ночь короткая дремала,
Спали теплые пруды.
 Спали взрослые и дети,
 Лишь реактор не дремал,
 Он как раз в мгновенья эти
 Свою силу набирал.

Опровергнув все расчёты,
Выбрал он такой момент,
Чтоб в апрельскую субботу
Прекратить эксперимент.
 Килотонны, мегаватты
 Разнесли четвёртый блок.
 Наплевать на все затраты
 И на райский уголок,

Где мы все спокойно спали,
Где Полесская земля
Ни про «микро», ни про «мили»
Даже думать не могла.
 Вдруг зашкалили рентгены
 Всех приборов у людей,
 А в артерии и в вены
 Хлынул чёрный ток смертей.

⁶ Эта поэма – коллективное творчество роты воинской части № 20171 под редакцией И. В. Усевича.

Всё пронзают, словно вату,
Смертоносные лучи,
А пожарные ребята
В ночь метнулись из ночи.
 Шквал огня уже на крыше,
 Битум лижет сапоги.
 Долг героя смерти выше,
 Нет, иначе не могли!
Мы всегда должны кому-то,
Наша совесть, наша честь
Заставляет почему-то
В пекло, в ад крошечный лезть.
 Белоконь, Гумаров, Правик,
 Ходымчук и Шашенок.
Жизнь – игра без всяких правил:
Кто поднялся, а кто слез,
Кому выстоять в сражении,
На щите иль со щитом?
Лучевое поражение
Ведь не сразу, а потом...
 Ждёт незримая расплата,
 Затаённая беда,
 Мирный, но коварный атом,
 Больше пользы иль вреда?
Город спит, ещё не знает
Полной меры той беды,
А реактор погибает,
Просит: «Пить! Воды! Воды!»
 Разлетелся блока остров,
 Над ЧАЭС вершится суд.
 Город думает, что просто
 Там учения идут.
Лишь врачам предельно ясно –
Рвота, слабость неспроста.
Новая болезнь опасна,
Новая беда остра.
 Слишком грозные симптомы, против лома нет приёма,
 Нет надежных средств пока.
 Терапия вся забита, не кончается поток.
Жизнь спокойная забыта – атом целится в висок!

С ног валится Печерица,
Замотались доктора.
Все в бою, покой лишь снится,
Будь то няня иль сестра.
 Мы все в шоке и в тревоге,
 Мучает один вопрос –
 Слишком горькие итоги,
 Что случилось, что стряслось?
Очень уж беспечен город,
Дети в школах и в садах.
Только лишь потоки «скорых»
Вызывают жуть и страх.
 Дышим все спокойно йодом
 И глотаем грязь и пыль.
 Респираторы не в моде...
 Поражён лишь Чернобыль.
На базарах у вокзала
Разнаряженный народ
Преспokoйно валит валом,
Как всегда, в субботу прёт.
 Отменились в Киев рейсы,
 Лишь спецрейс не отменён.
 Только все сошли мы с рейсов:
 Что же это? Явь иль сон?
Нет покоя ни минуты, знаем – радиация.
Верим свято – оставляем
Город только на три дня.
Уже дышит Первомаем украинская земля.
 Мы скромны до наивности,
 Собрали вещи нужные,
 И ждём, как Божьей милости,
 С утра, почти до ужина.
Такое небо чистое,
Гроза не ожидается.
Энергия лучистая
Над нами издевается.
 Без запаха, незримая
 Она неосязаема,
 Беда неукротимая.
 Что ждём? Что выжидаем мы?

Разлился на километры
Нескончаемый поток,
Разнеслось быстрее ветра:
«Атом целится в висок».

Ночь, заботы и тревоги,
Всем сегодня не до сна.
Все погибнем без подмоги,
И тогда «прощай, весна!»
Тревожный голос радио,
Не радуют известия,
И не известен радиус
Постигнувшего бедствия.

Иванково, Полесское,
Все пункты отступления.
Есть аргументы веские
Не в пользу промедления.
Начеку, не дремлют ЖЭКи,
Ждут тревожного звонка.
Разлилась событием века
Из автобусов река.

Заревом ЧАЭС тревожным
Мир сегодня потрясён.
Неужели? Невозможно!
Мирный атом вдруг взбешён?
Зазвонило Забугорье,
Разнесло по миру слух,
Наплевав на это горе,
Что реактор не потух.

Что в руинах даже Киев,
Испарился Чернобыль,
Что, такие и сякие,
Сеем в Штатах «шашен пыль».
«Мы заглушим ваш реактор,
Но взамен – Афганистан
Отдаёте по контракту,
Оторвёте от соцстран.

Мы не купим ваше мясо,
Ваши сыр и колбасу».
И берут билеты в кассах
Прочь от русских в небеса.

Улетели интуристы,
Запылённые ЧАЭС.
Киев моем чисто-чисто,
Чтобы фон и тот исчез.
Даже горе-патриоты
Всем известной нации
Киев кинули в два счёта
Прочь от радиации.
Штурмом заняли Одессу,
Отряхнули грязь и пыль,
Просто так, для интереса,
Все собрались в Израиль.
Заботы, беды прошлые,
Обиды, склоки мелкие,
Суды с делами прошлыми –
Всё кажется безделками.
Как часто мы, порвав с мечтой,
За мелкое хватаемся
И незаметно, буднично
В мещанство погружаемся.
Хрусталь, ковры и золото,
А где иные ценности?
Душа твоя расколота
И погибает в бедности.
Дворы уже заполнены
Толпой людской без радости,
Глядим глазами скромными,
В душе темно и гадостно.
В торжественном молчании
Автобус за автобусом
Спокойно занимаем мы,
Хлебнув чуть-чуть для тонуса.
Растерянно-притихшие,
Взволнованно-скорбящие,
К сиденьям приникшие,
Бежим от настоящего.
По нитям незримым
Всё в жизни связано.
В беде неразделимы мы,
Уже всё этим сказано.

Уходят нити прошлого,
За прошлое цепляемся,
И ничего хорошего
Теперь не ожидается.

Разорвано, растеряно,
Разрушено, разбросано,
А мы ногами босыми
По лезвиям и к терниям.

Прощай, любимый город наш,
Лазурно-прометеевский.
Как много ты теперь отдашь,
Чтобы пройти аллеями
С цветущими каштанами
И алыми рябинами.

Нас разобрали бабоньки
В свои домишки сельские.
Спасибо вам за хлеб и соль
И теплоту душевную.
Что утолили нашу боль
Вы добротой волшебною.

Мы заново рождаемся,
Нас раскрывают заново,
И каждый обнажается
Делами и изъясными.

События экстремальные –
Вы индикатор честности,
Зовут дороги дальние
По заражённой местности.

Спроси себя: «Где нужен я?» –
И сам найдешь ответ.
Тебе подскажут и друзья.
Твой друг и партбилет.

Рассеются, забудутся,
Залезут в щели чистые.
Другие честно трудятся
Кристалльные, лучистые.

В них изотопы редкие
С рождения заложены.
Годами и разведкою
Проверить только можно их.

Они не распадаются
Под бурей и невзгодами.
Солдатами рождаются
И с гордостью народною!
Сны станут былью, а пока опять,
Чтоб миллионы горя не узнали,
Идут вперед и смогут устоять,
Как их отцы в сороковых стояли...

Чернобыль, 1987

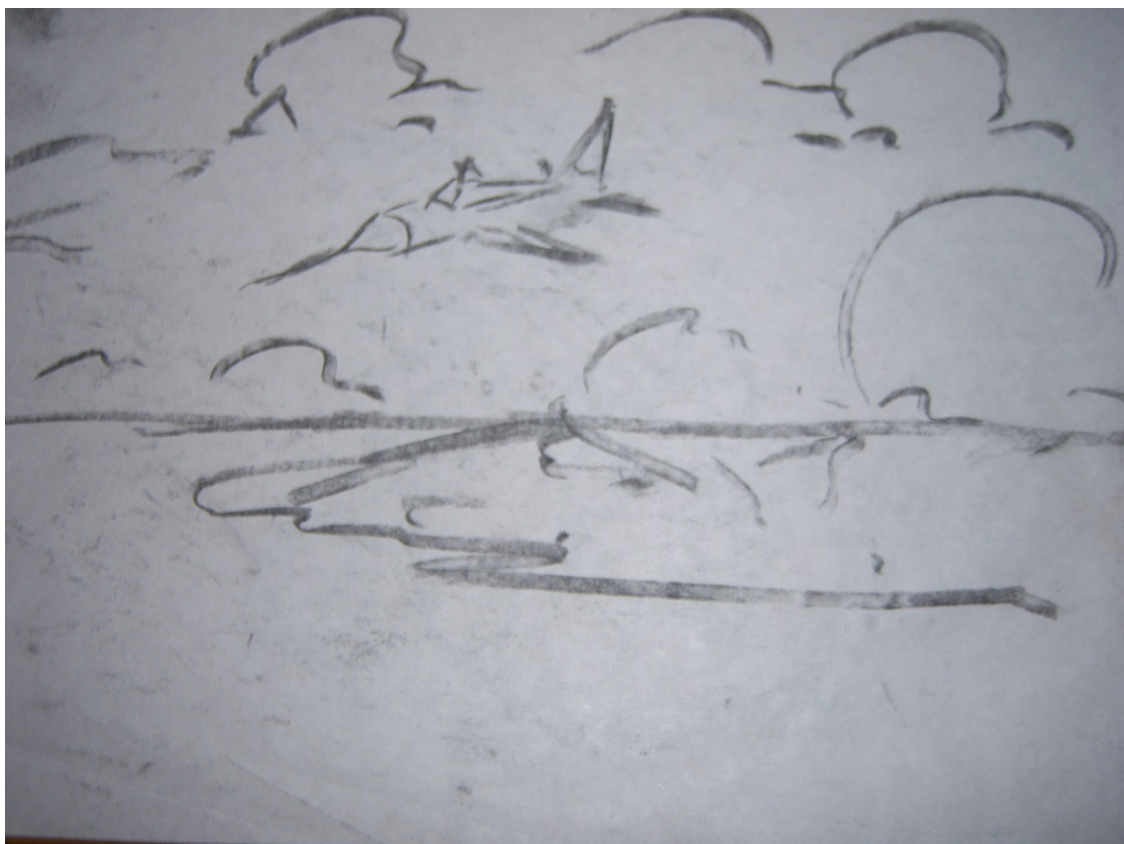

Рисунок В. П. Родченко

ГЕРОИ СРЕДИ НАС

А. В. Лазулько

г. Красноярск

Ликвидатор-чернобылец. Находился в зоне с 14 июня по 30 декабря 1988 г. в составе воинской части. Был командиром взвода, выполнял работы в машинном зале и на территории вокруг станции. Награжден медалью «За спасение погибавших». Лучший друг Александра Васильевича – Владимир Гаврилович Шурыгин, член Союза писателей, в двадцатилетие чернобыльской катастрофы посвятил этому подвигу стихотворение.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПОДВИГ

*И другу Саше Лазулько
Стихи я эти посвящаю,
Желаю, чтоб жилось легко
И в жизни друг беды не чаял.*

Не каждому вручают ордена,
Не каждый может подвиг совершить,
Но Родина у нас всегда одна,
В ней суждено нам умирать и жить.
Приятель есть хороший у меня,
Он любит лес, грибы, рыбалку
И зорьку наступающего дня,
Проявит вовремя сноровку и смекалку.
Чернобыль был для всех большой бедой,
И Боже упаси такому повториться.
Боролись с ней и молодой, и пожилой,
Заставили беду Отваге покориться.
Не по приказу, принуждению
В Чернобыле был приятель мой,
И не по щучьему веленью

Вступил он со стихией в бой.
Сашок, пусть подвиг ты не совершил,
Как Талалихин и Гагарин,
Но ты реактор укротил,
Простой мужик – российский парень.
Ты, как и многие другие,
Стихию эту укрощал
Не за награды дорогие,
А долг гражданский отдавал.
И Родина отважных не забыла
За их отличные и стойкие дела.
Награды им высокие вручила.
На новый Подвиг вдохновение дала.
Не каждому вручают ордена,
Не каждый может подвиг совершить,
Но Родина у нас всегда одна,
В ней суждено нам умирать и жить.

В. Г. Шурыгин

Н. А. Шотов

г. Красноярск

Ликвидатор катастрофы на Чернобыльской АЭС. Участник боевых действий на Даманском. Награжден орденом Мужества, медалью «Памятный знак» и юбилейной медалью «65 лет победы ВОВ 1941–1945 гг.».

В Союз «Чернобыль» приходит Николай Алексеевич Шотов. Он приветлив, лицо доброе, улыбается. Ходит с «третьей ногой» – тросточкой. С трудом снимает полушубок – грыжа позвоночника. Рассказывает.

Боготольский район на Чулыме – его родина. Родился в многодетной семье. Было семь сыновей. С 1968 по 1970 год – военная служба. Участник Даманских событий в 1969 году. В Верхоудинском полку служил танкистом. Как известно, кто воевал на Даманском, приравнен к участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 года. О даманских событиях напоминают награды: медаль «Памятный знак» и юбилейная медаль «65 лет Победы ВОВ 1941–1945 гг.». Вспоминая погибших товарищей, говорит: памятник им воздвигнут на Даманском.

Вторая горячая точка Николая Алексеевича – Чернобыль. Призвал военкомат: надо якобы лететь на переподготовку. Не знали, что летим в Чернобыль. Нас троих сразу на реактор работать поставили. Тогда с вертолётов мешки с песком бросали прямо на реактор. А мы делали бетонные опоры, резали шпалы для подпора. Всё это на отметке +25 метров. Всюду радиоактивная пыль. Затем перевели на нулевую отметку. Большой фон радиации. Говорят, что радиация не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха. У нас при работе чётко ощущался металлический привкус во рту, а на коже возникает чувство, что ты находишься на ярком солнце, даже когда небо затянуто облаками. Потом возникает сухость во рту и кашель.

Дозиметристы старались обговорить радиационную обстановку и указывали дорожки, где лучше ходить. Но трудно во время работы соблюдать указанное, более безопасное. Жили в самом г. Чернобыле, где дезактивации пока не было. Показания дозиметра-накопителя за месяц и суточного дозиметра явно записывали с уменьшением. Было такое. Иначе не успевали бы людей менять. Его мучают болезни. Не может переносить жару, духоту. Мучают головные боли и грыжа позвоночника.

Чувствителен к метеоизменениям в погоде, ему плохо в панельном доме, лучше в деревянном, который он строит уже несколько лет.

Приходится лечиться в больницах. Но как убрать радиацию, поражающую сосуды, нервы, мозг, все органы.

Семья – жена, сын – поддерживает его вниманием и заботой. Две внучки и два внука – деду отрада.

Говорят, что лучшее лекарство – хорошая жена, и Галина Васильевна оправдывает эту народную мудрость.

За участие в ликвидации Чернобыльской катастрофы награжден медалью «За спасение погибавших».

По сложности и масштабам происшедшего Чернобыльская авария беспрецедентна, и только массовый героизм участников ликвидации последствий аварии, ежедневный слаженный труд позволили преодолеть разбушевавшуюся стихию.

И в этом была доля героического труда Николая Алексеевича Шотова.

Ст. прапорщик Р. Г. Яруллин
Ст. лейтенант А. И. Строльский

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПРИЗЫВ

Здесь птицы не поют,
Дома хозяев ждут.
И мы в короткий срок
Бетон уложим тут.
Беда встряхнула всю планету,
Над Чернобылем грозный дым,
И нам нужна одна победа –
Одна на всех –
Мы за ценой не постоим!
Одна на всех –
Мы за ценой не постоим!

Привет:
ЧАЭС зовёт на подвиг –
Забудь покой и сон.
Угроза вьётся над землёю,
Идёт на штурм особый наш район,
Идёт на штурм особый наш район.

С Кавказа и Орла
Страна нас позвала,
Чтоб жизнь в районе возродить –
Такие, брат, дела!
Идут машины днём и ночью,
Четвёртый блок мы укротим,
Ведь наш Союз и твёрд, и прочен,
Что атом будет мирным и земным.

Припев:

Деревни все пусты.
Не слышно детворы –
Народ доверил нам вернуть
Покой родной страны.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим:
Какой ценой досталась нам ПОБЕДА, –
Чернобыль будет цветущим и родным,
Чернобыль будет цветущим и родным.

В. М. Моторин

13-Й РАЙОН

Миг, и упал вертолёт.
Десять секунд до земли
Был их последний полёт,
Сделали всё, что могли!
Четверо в адском огне...
В жизни и в службе – друзья.
Верить не хочется мне,
Но не запомнить нельзя.
Что они думали «там» о земле?
Может быть, вспомнилась мать?
Может быть, загрустили глаза?
Этого нам не узнать.
Нам до конца не понять,
Как никогда не забыть:
Трудно надежду терять,
Смерть принимая, чтоб жить!

6 октября 1986 г.
г. Чернобыль

Рисунок В. А. Михайлова

**СТИХИ И ПЕСНИ,
НАПИСАННЫЕ НЕИЗВЕСТНЫМИ УЧАСТНИКАМИ
ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ
НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС**

Чернобыль – безутешное горе вдов.
Чернобыль – это нынешний ядерный век.
Чернобыль – заложником стал человек.
Чернобыль – это смерть саркофагом укрыта.
Чернобыль – здесь никто и ничто не забыто.

Который год беда Чернобыля
Живёт в сердцах людей.
Звенит земля от стронция
И смертью стелется над ней.

Невидимая и без запаха,
На ощупь не возьмёшь её,
Но двадцать тысяч за четыре года
Отдали жизни за неё.

Атомная станция Чернобыля,
За Рыжим лесом ты стоишь,
Твой блок четвёртый, в саркофаг одетый,
Теперь бедою не грозишь!
И сколько патриотов – истинных людей –
Увидела земля на Украине.
ЧАЭС, недаром мирно ты стоишь!
Мы смертоносный атом победим.

Нам вспоминаются Япония
И Хиросимы ад земной.
Так неужели боль подобная
Ещё над нашей страной?

Звонят церковные колокола,
Их звон несётся над землёй,
И призывает человечество
Задуматься над атомной войной.

ЧЕТВЁРТЫЙ БЛОК

На полгода, до второго,
Но, увы, не в Комарово,
Не бродить у скал прибрежных.
А к Чернобыльской АЭС,
Нас со всей страны собрали.
От семей поотрывали
Для работы аварийные ЧАЭС.

В Чернобыле много вишен,
Детский голос тут не слышен.
Груши спелые висят.
Жизнь испортил взрыв на блоке,
Но поверьте, что в те сроки
Нас поставила страна.
Блок четвёртый похороним,
Либо всем нам – грош цена.
Радиация заразна.
Не увидишь её сразу,
Хоть смотри в четыре глаза.
Ну, а что она творит –
Припять мёртвая стоит.
Порошила лес и поле,
Вся страна хлебнула горя.
Блок четвёртый, с ним мы спорим,
Сколько он испортил крови,
Сколько жизней он скосил.

Пока кровь течёт по жилам,
Побороть его должны мы,
Пока миксер быстро мчится,
Обгоняемый частицей.
Это ведь не бред, а быль,
И своим, быть может, детям,
На вопросы все ответим.
Мы хотим, чтоб не узнали
Люди новый Чернобыль.
В «Сказочном» лагере
Душная южная майская ночь:
Воздух спрессован, дышать невмочь,

Стоят вплотную кровать к кровати –
Их по десять в любой палате...
Коллеги – медички в тяжёлом сне:
Кто-то вздыхает, а кто-то стонет...
Не спится, кажется, только мне –
Очень душно в таком «притоне»!
У окна справа – моя кровать,
Но маловато и в этом толку,
Окна закрыты: «Нельзя открывать!»
И кажется ночь долгой-долгой...
Нет кислорода в пространстве таком...
Промаявшись ночь до рассвета,
Я створку окна открываю тайком,
Презрев повеленье запретов!
Отрадную свежесть я жадно вдыхаю,
Осознавая: она плохая,
С коварною примесью альфа-бета,
В которых ни вкуса, ни запаха, цвета...
А воздух струится... Он свеж и прохладен.
Дыханье соседок спокойнее стало.
Они, бедолаги, умаялись за день,
А дел впереди – немало...

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ БЫЛИННАЯ 1986–1987

Грешили мы – не много и не мало,
Как люди – ели-пили, жили-были.
Не ведали ни страха, ни тревог,
Пока не очутились в Чернобыле.
Ещё получит мужество Стальных
Свои награды, фильмы и сказанья,
Но мы грешны не больше остальных.
За что же нам такое наказание?
Изрыт Чернобыль вдоль и поперёк,
Рентгеном соль и хлеб пропитаны.
Мы молча взяли все под козырёк
Не из геройства – просто так воспитаны.
Бедя случилась, надо пережить.
Работать. Не выдумывать от скуки,

Что там совсем да невозможно жить,
Что люди косяками мрут, как мухи.
Там водку, говорят, рекою льют,
(Она, мол, от рентгенов защищает).
Не верьте! Брежут. Водку не дают.
Пьём минералку – так и вместо чая.
В мороз и в грязь – так много дней подряд –
Всё подняли и отстояли,
А кто здесь не был, пусть не говорят,
Что пота и геройства не встречали.
Один за всех и все за одного
Варили, резали, ломали, ковыряли.
Нам жёны скажут, ежели чего,
Что мы нашли и что мы потеряли.
Устал, измучился ты. Главное – держи
Хвост пистолетом и горюй не шибко,
Что делать, раз такая жизнь,
Чтоб за чужие отвечать ошибки.
Ещё раз выпьем мы с тобою и споём.
Глядим вперёд – какие наши годы?
Да мы ещё, ребята, поживём,
Назло чертям, рентгенам и невгодам!

Редеем строй чернобыльцев России,
Защитников земли, родной страны,
Уходят парни – чаще от бессилья,
Их души – равнодушьем сожжены.
Как трудно жить сегодня одиночкам,
Чиновникам законность доказать,
Поставить в переписках с ними точку,
Заслуженных наград полжизни ждать.
Но наш Союз сегодня на параде:
Мы научились в спорах побеждать.
Не только ради денег, жизни ради.
Заставили сплочённость уважать.
Здоровья вам, чернобыльцы России,
Славяне, братья, от меня – привет.
Живите дружно и счастливо,
Живите много-много лет!

МАТЬ-МАЧЕХА

Когда нас радиация косила,
Была ты с нами ласкова, страна,
Героями встречала мать – Россия:
«Чернобыльцы, наденьте ордена!»
С годами в мире всё перевернулось,
И инвалидам стала грош цена.
Как мачеха, от нас ты отвернулась –
Остались только боль и ордена.

Припев:

Тебе судьбу мою вершить,
Тебе одной меня судить,
Команда молодости нашей,
Команда, без которой нам не жить.

Патриотизм редет и седеет,
И в чёрных рамках наши имена.
Минфин ворчит: «Для тех, кто уцелеет,
Почётны нищета и ордена».
Выходит, чтобы жить в любви и мире,
Нужны и катастрофы, и война?
Тогда нас позовёт набат в эфире:
«Чернобыльцы, наденьте ордена».

САРКОФАГ

Отвернувшись от Рыжего леса,
Изучая тревогу и страх,
В центре зоны, над раной ЧАЭСа,
Замер серый, как слон, саркофаг.
Было время приказов жестоких,
Под лучи заставляющих лезть,
Всем на зависть, в рекордные сроки,
Всем на горе построен он здесь.
В саркофаг бы запрятать трусость,
В саркофаг бы запрятать подлость
И крутых командиров тупость,
И прогнившую к чёрту Совесть.
Да ещё заодно бы жадность
Запихнуть бы туда – и ладно,
И продажных за пятак –

Всех упрятать в саркофаг.
Смолкли траурно-бравые звуки,
И понятно теперь уже всем:
Саркофаг – мавзоль науки,
Это выкидыш наших проблем.
Здесь не скрыть, кто есть кто, не старайся,
Здесь без фальши – хотя не хоти.
Саркофаг, ты нам лгать не пытайся,
Ты насквозь наши души свети.
В саркофаг не запрягать гордость
Тех, кто честно работал дело
Не за рубль, не за чин, не за орден,
А по совести – честно и смело.
И улыбки ребят хороших
В саркофаге не захоронишь,
Тех, кто шёл за просто так,
Тех не спрячешь в саркофаг.
Жизнь моя не кончается на этом.
Я буду жить и радоваться дням,
Следовать во всём судьбы заветам,
Что суждено – ни капли не отдам.
Жизнь люблю, хотя и очень трудно,
Чернобыль не остался в стороне.
Здоровье, душу исковеркал, но
Всем «чернобыльцам» не легче, чем и мне.
Мы вместе верные однополчане,
Трудились – ликвидаторы беды.
Сражались, чтоб ионы замолчали,
Смогли напиться из Славутича воды,
Красавец Киев – гордость Украины,
Спокойно жил бы, радуя гостей,
Не превратились города в руины,
В сводках не было б тех страшных новостей.
Беда земли не сразу отступает...
Город Припять погибает навсегда...
Но жизнь над смертью побеждает –
Славутич новый вырос за года.
И люди там наперекор стихии
Живут, рожают, любят, как и все,
Мечтают о земном насущном рае.
Благодарные нам, не дрогнувшим в беде.

КОЛОКОЛА ЧЕРНОБЫЛЯ

...Весна, неспаханное поле.
Засеет зёрнами беды.
И, подчинясь верховной воле,
Наивно зацветут сады.
В обнимку с проволокой колючей –
Нелепо, неуместно, странно,
Как эхо дней благополучья...
Но стонет сердце, ноет рана.
Кошунственно светла весна!
Бездушно веселы капли!
А нас опять лишает сна
Жестокий колокол апреля.

БОЛЬ

Много вёсен пролетело...
Не смолк Чернобыльский набат.
Болит душа... но в ней ли дело,
Что всё весомей боль утрат?

Мы шар земной тогда спасли,
Пусть высочайшею ценой,
Чернобыль болью отстояли
Всем миром, всей страной.
В одном строю тогда стояли
И академик, и солдат...
Мы помним! Сколь ни разделяли б
Нас боли чёрных скорбных дат.
Мы шли сквозь атомов зарницы,
Преодолевая боль и страх...
Святым чернобыльским страницам
Не превратиться в тлен и прах.

ПРОЩАНИЕ

Закрыт навеки саркофаг.
А силы тают понемногу...

Я ухожу – да будет так!
Вы остаётесь – слава богу!
Те ночи, дни и вечера
Остались в памяти навечно,
Когда у адского костра
Стеной стояли наши плечи.
А мы в костюмчиках х/б
В пролом реактора шагали,
Смеясь в лицо своей судьбе.
На что мы шли – мы твёрдо знали.
Но мне порою свет не мил:
Мы стали притчей во языцех!
А из светящихся могил
Моим друзьям не воротиться...
Закрит навеки саркофаг,
А силы тают понемногу.
Я ухожу. Да будет так!
Вы остаётесь – слава богу!

Удалите мне, доктор, мозги...
Воспалённую память больную...
Побелели от боли виски,
От потерь бесконечных тоскую.
Ком земли, не испачкал руки.
Дробь глухая по крышке забила...
Хоронили тебя земляки,
А в сторонке мать жалобно выла...
Проклиная Чернобыля час,
День, когда ты шагнул от порога,
Согрешивший, возможно, не раз
Честный парень, не веривший в Бога.
Как кричала она, как звала,
Как желала к тебе прикоснуться,
Дать для жизни немного тепла
И от страшного сна вдруг проснуться...
Мы уходим от боли своей,
Всё на свете живым оставляя.
Ждём любимых, родных, матерей
На пороге беспечного рая...

УХОДИМ МЫ

Уходим мы. Уходим понемногу
В мир тишины. А нам бы жить да жить!
Сегодня вот, в последнюю дорогу
Пришли тебя, товарищ, проводить.

В стране слышны повсюду стоны.
С бедой венчались в горький час.
Пронзили нас, как и тебя, нейтроны,
Но только раньше многих ты угас.

Ушёл из жизни, догорев, как свечка,
Не полюбив, угас ты на лету.
Не выйдешь ты весною на крылечко
Взглянуть, как сад полощется в цвету,

И как сияет небо голубое,
И как играет красками заря...
Судьбу свою мы, разделив с тобою,
Прожили эту жизнь, поверь, не зря.

Мы Родину с тобой спасали вместе.
И пусть не все сумели нас понять,
Ты знай: о нашем подвиге и чести
Потомки будут песни сочинять.

Уходим мы. Уходим понемногу
В мир тишины. А нам бы жить да жить...
Сегодня вот в последнюю дорогу
Пришли тебя, товарищ, проводить...

А. Сгадов

РЫЖИЙ ЛИСТ

Рыжий лист – монумент тем солдатам,
Кто апрели другим отстоял.
Рыжий лист из чернобыльской дали
Занесли нам ветра перемен.
Рыжий лист – вместо звонов медалей
И за подвиг солдатский в обмен.

Шли, как в бой, добровольцы России,
Боевой выполняя приказ.
Ваша жизнь стала песен короче,
Песен тех, что поются лишь раз.
Рыжий лист – это память надежде
И молитва на все времена
Вам живым: не живите, как прежде,
Смерть людей – это чья-то вина.
Знаю я, что весенней порой
Принесут к обелиску цветы
Вам, друзья, настоящим героям,
Чьи солдатские души честны.
Я теперь и за внуков спокоен,
Если памятник подвигу есть –
Рыжий лист – здесь покойся воин,
И живёт наша совесть и честь.
И живёт наша совесть и честь.

ВАША СОВЕСТЬ

Обычно мы не говорили...
Но вот приходит вдруг беда,
Как вы тогда бы поступили?
Сидели б дома, пили чай?
И ждали новостей в газетах?
Твердили, как бы невзначай,
Что нас, мол, не коснётся это?
Что радиация – пустяк
И что реактор всё ж заглушат...
А там, на полных скоростях
Сирены надрывали душу.
Собрались мы со всей страны,
И очень быстры были сборы.
Здесь новый счёт мы повели –
Нам было не до разговоров.
И лица мокрые... В пыли...
И пальцы от лопат немели,
Мы душу рвали, сердце жгли,
Чтобы достичь конечной цели.
Да просто слов не хватит нам,
Чтоб описать ребят работу –

Здесь каждый мерил себя сам
По самому большому счёту.
Мы долг исполнили сполна.
Хотя рентгены мы хватали,
Но блекнут как-то ордена.
Как всё же мало их нам дали...

СТЕНА МОЛЧАНИЯ

1

Нас вспоминают лишь в апреле,
А в остальные дни – молчат.
О том, что было, еле-еле
Не все эфиры говорят.
Кому-то выгодно молчанье
О тех событиях лихих.
Кому-то на руку отчаянье
Моих братьев боевых.
Чернобыль – грозная отметка,
Зарубка памяти моей,
Моя злобившая соседка
Тревожных и печальных дней.
Уходят в вечность батальоны,
Полки в сырой земле лежат.
Мы стали ротой похоронной,
Своих теряющей ребят.
Нельзя привыкнуть к смерти друга,
Без седины друзей терять.
Какая боль, какая мука
О каждой смерти узнавать.
Как будто сердце обокрали,
Как будто разум обожгли,
Как будто часть души забрали,
С собою к звёздам унесли.

2

Без орденов и без медалей...
Великий подвиг – без наград.
Полжизни ту награду ждали,
Дождутся многие едва ли,
Как будто жизнью виноват.

3

Да! Виноваты, что с тобою
Мы научились выживать,
С больной, седою головою
Свои болезни побеждать.
Да! Виноваты, задержались
В весенней светлой суете.
Не все, но многие остались
Пожить без злобы, в доброте.
Да! Виноваты! Как безбожно
Мы любим жизнь, что нам дана...
С годами так неосторожно
Остатки жизни пьём до дна.
Да! Виноваты! Но напрасно
Своим защитникам страна
Даёт понять, диктуя властно,
Что наша сила не нужна.

4

За нами прошлого дорога
И тяжкий грех моей страны,
Любовь, пришедшая от Бога,
Несёт свой крест чужой вины.
Прикрыв собой людские жизни,
Весь мир и Рыжие леса,
Твои защитники, Отчизна,
Уйдут однажды в небеса.
Но журавлиный клин тревожный
Напомнит будущим годам:
Живите, люди, осторожней,
Храните солнца светлый храм!
Напомнят вешние капли,
Как подвиг совершить сумели,
Возможно, даже сгоряча...

ТРАВА НЕЗАБВЕНИЯ

Чёрная, чёрная, чёрная БЫЛЬ.
Атом взбесился, нет сладу!
Облако смерти: дым и пыль

Землю берут в осаду.
Воздух отравлен, гибель несут
Травы, цветы, деревья!
Неужто это и есть Страшный суд?
Мёртвое царство – деревни.
Ставни крест-накрест, пустые дома,
Люди со страху сходят с ума!..
Пламя клокочет, страшен распад,
Смертью насыщен дым.
Это ужасней, чем сто Хиросим!
Это крошечный ад!
Энергия зла, кто её укротит?
Мы пленники все на столетья!
И даже камень могильный – гранит
Над облучённым, поверьте,
Поныне опасность для жизни хранит.
Пусть знают об этом дети.
Чёрная, чёрная, чёрная
Быль – кара за все прегрешенья?
Горькое зелье: полынь – чернобыль –
Трава забывенья.

Апрель 1996 г.

АТОМНЫЕ СОЛДАТЫ

Ночь, весна, цветёт Полесье.
Уголок здесь – Божий дар!
Вдруг взметнулся в поднебесье
Страшный атомный пожар.
Чьи ошибки, чьи просчёты,
Почему случился сбой?
Там пожарные расчёты
Повели последний бой.
С вертолёта на реактор,
Чтоб обломки собирал,
Опустили мини-трактор,
Он не выдержал и встал.
И пошли туда солдаты.
Стала Высь как пьедестал.
В ход пустив ломы, лопаты,

Где не выдержал металл.
И «ура» там не кричали,
В штыковую не ходили,
«Грязь» руками собирали
И в могильник хоронили.
В этой адской круговерти
Офицеры и солдаты
Облучались «белой смертью»,
Побеждая «мирный атом».
Годы шли, идёт борьба
С нездоровьем, что дал атом.
Распорядилась так судьба,
Стал ты «атомным солдатом».
Тяжело даются строфы –
Забывает нас Отчизна,
И вспахала катастрофа,
Словно плугом, наши жизни...

26 АПРЕЛЯ

Такой не знали мы беды.
Подумать страшно: с нами ль было?
Лес – не сколотишь и гробы,
Не то чтоб в ясли на перила!
А рядом Брянск и Беларусь,
И с той войны ещё курганы,
И вновь в украинском лесу
Землянки роют «партизаны».
Наш взвод на крыше! Всё бегом!
Лопатой смерть сгребаем в кучи,
Чтоб след Чернобыля потом
Не сжёг детей дождём из тучи.
Чтоб «мирный атом» не разнёс
Беду по миру – мы долбили
Бетон, не зная, что про нас
«Семь ангелов уж вострубили»...
И до сих пор он в голове,
Тот трубный рёв, и днём, и ночью.
То предъявляет нам АЭС
В рентгенах счёт, жестокий очень.

С больничной койкой мы родня.
Теперь уж точно – не солдаты...
Тебя помянут и меня
В канун лишь проклятой той даты.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ НАБАТ

В тот год почернели деревья
И лес не оделся листвой,
Пустые дома и деревни
Пугали своей тишиной.
И только Чернобыльский ветер,
Как коршун, кружил над землей,
Бросая губительный пепел
На луг, не покрытый травой.
Вы молча надели шинели,
Забывая про страх,
На чёрный реактор надели
Бетонно-стальной саркофаг.
Да, пули вокруг не свистели,
Но страшен невидимый враг.
Иные до срока седили,
Другим не вернуться назад.
О тех, чей дозиметр зашкалил,
Расскажут, наверное, сыны.
История всех их поставит
В шеренгу героев войны.
В войне неизвестной, суровой
Редел ликвидаторов строй,
Они умирали, чтоб снова
Деревья оделись листвой.

ЛЮДЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ

В украинский город малоизвестный
Пришла нежданно беда,
Оборвав на полуноте звонкие песни,
Жестокая, как всегда.
Тенью прокралась она к порогам,

Росою на землю легла.
Наделать она могла очень много
Людям горя и зла.
Но только народ, видно, особый,
Душа у всех одна –
Вздрогнул в тревоге один Чернобыль,
Откликнулась вся страна!
Сюда поехали не по приказу,
И даже не долг послал.
Для всех и для каждого как-то сразу
Весь город набатом стал
Открылись сердца, распахнулись все двери,
Давая тёплый приют.
Не выразить словом, ничем не измерить,
Какие здесь люди живут.
Как хочется мне, чтобы все на планете
Вот так же за руки взялись,
Чтоб спали спокойно и мамы, и дети,
Счастливой была наша жизнь.

33 РЕНТГЕНА

33 рентгена. 33 рентгена,
Я стою у взлётной полосы.
Мне сегодня море по колено,
Я достал свинцовые трусы.
Только два билета, только два билета,
Ты любую цену назови.
Для кого-то просто: выброс изотопа,
Для меня же – проводы любви.
Очень много люда, очень много люда,
Я стою, стараюсь не дышать.
Это просто счастье – лётная погода,
А не то б пришлось бежать.
Просим город Киев, рынок мандаринов –
Ну кому теперь они нужны?
Деньги – это деньги, если ты мужчина,
А не просто кепка и штаны.
Вот уже посадка, вот уже посадка.
И дрожит на старте самолёт.
Наше расставанье протекает гладко,

Вряд ли я вернуся через год.
Вот уже я дома, вот уже я дома,
Всё равно мне в жизни не везёт:
Не успел сойти я с трапа самолёта,
Узнаю, что Красноярск трясёт.

ГОРБУН

Слёзы в глазах горбуна.
Всегда они печальны.
Зачем горбатость дана
Навек изначально.

Приснился однажды сон.
Средь ангелов вроде он.
Стоит, их вопрошая:
«Зачем мне судьба такая!?»

Станный ему ответ:
«Ты мог пройти целый свет,
Сжигая огнём и мечом
Людей, не повинных ни в чём!»

ЭПИЗОД

В нашем «королевстве»
Пенсионерам повсеместно
Маловата пенсий плата.
Нужна ещё зарплата.
Вот компьютер, как работать?
Это главная забота.
Научи меня, подруга,
Для меня всё это трудно.
«Все мы выучим тотчас,
Приезжай, ну, хоть сейчас».
Все она мне объясняет.
Мышка по полю гуляет,
А глаза мои вразбежку,
Цифры, буквы вперемешку.

Объясняет чётко, внятно,
Говорит: «Козе понятно».
Всё понятно, но не мне,
Голова моя во сне.
Вдруг экранчик наш погас.
Оля говорит: «Сейчас
Всё исправлю, но, увы,
Ногой дёрнула всё ты!»
Она вежливость забыла,
Говорит мне: «Ты кобыла».
Отвечаю второпях:
«У вас всё тут на соплях».
Снова учимся работать.
Моя главная забота.
Научиться надо нам,
Как профессионалам!

Рисунок В. А. Михайлова

САРКОФАГ

Отвернувшись от Рыжего леса,
Излучая тревогу и страх,
В сердце зоны над раной ЧАЭСа
Замер серый, как слон, саркофаг.

Было время приказов жестоких,
Под лучи заставляющих лезть.
Всем на зависть, в рекордные сроки,
Всем на горе построен он здесь.

В Саркофаг бы запрятать трусость,
В Саркофаг бы запрятать подлость,
И крутых командиров тупость,
И прогнившую к черту совесть.
А ещё заодно и жадность
Запихнуть бы туда – и ладно.
И продажных за пятак –
Всех упрятать в Саркофаг.

Смолкли траурно-бравые звуки,
И понятно теперь уже всем:
Саркофаг – мавзоль науки –
Это выкидыш наших проблем.

Здесь не скрыть, кто есть кто, не старайся.
Здесь без фальши, хотя не хоти.
Саркофаг, ты нам лгать не пытайся.
Ты насквозь наши души свети!

В Саркофаг не запрятать смелость.
В Саркофаг не запрятать гордость
Тех, кто честно работал дело
Не за рубль, не за чин, не за орден.
И улыбки ребят хороших
В Саркофаге не захоронишь.
Тех, кто шел «за просто так»,
Тех не спрятать в Саркофаг.

ИРПЕНСКИЙ ВАЛЬС

Отряд ликвидаторов бравых
Закинут в Ирпень на постой
Лихие гусарские нравы
Нарушили местный покой.
Электрогитара играет,
В пивные бокалы глядим,
А «зонные» денежки тают,
Когда в ресторане сидим.
Машинами возим бутылки,
Не «Фанту», не «Пепси», не квас,
И медики чешут затылки –
Никто не болеет за нас.
И нежно гитара играет,
От жизни подарков не ждём.
А «зонные» денежки тают,
Когда по Озёрной идём.
Не знаем, что станется завтра,
Удачи какой поворот.
Здесь служба идет месяц – за три,
Здоровье же месяц – за год.
Над прудом гитара играет,
Всю ночь у костра мы сидим,
А силы всё тают и тают,
Когда над отчетом сидим.

А после ночного концерта,
Когда недовольны собой,
Гвардейцы научного центра
К разводу плетутся гурьбой.
Шагаем с тобой по Озёрной,
Опять нам не спать до утра.
Скорее поехать бы в Зону –
Здоровье поправить пора.

ПЕСНЯ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СВИДАНИИ ЛУЧШЕГО ДЕСАНТНИКА НАУЧНОГО ЦЕНТРА С САМОЙ КРАСИВОЙ ДЕВУШКОЙ ЧАЭС

Мы встретились на улице безлюдной,
Две слабые чернобыльские души.
Тут шевельнулось что-то обоюдно,
И стало вместе нам совсем не скучно.
Твои усы не скроет респиратор,
Твой взгляд меня насквозь пронзает метко,
Ты самый зоркий в мире ликвидатор.
Как жалко, что аварии так редки.
Ты был в зелёном. Вежлив, но без лести,
А я была, как девственница, в белом.
Ты предложил мне прогуляться вместе,
А я тотчас же согласилась смело.
Твои слова не глушит респиратор,
И ощущаю я себя кокеткой,
Ты самый лучший в мире ликвидатор.
Как жалко, что аварии так редки.
Я вся дрожала, словно кисть сирени.
Мне впору было отключить защиту.
Хотела я, чтоб встал ты на колени,
Но ты сказал, что все, мол, шито-крыто.
Меня целуешь через респиратор,
И я тебе почти уже соседка.
Ты самый нежный в мире ликвидатор.
Как жалко, что аварии так редко.
Ты мне даёшь чернобыльские розы,
Но аромата я не ощущаю.
Ужасна в Зоне жизнь! Сплошные слёзы!
Ах! Как здесь джентльменов не хватает!
Опять тебе мешает респиратор,
И комары стучатся к нам в беседку.
Ты самый шустрый в мире ликвидатор.
Как жалко, что аварии так редки.
Не слышно утром петухов окрестных,
В Чернобыле им жить, конечно, трудно.
Ах, как хотела б я быть завтра вместе
С тобой, на этой улице безлюдной.

Ты, наконец, снимаешь респиратор,
На нем автограф ставишь напоследок.
Прощай, мой милый, славный ликвидатор.
Как жалко, что аварии так редки!

ЗОНА

Забытый колодец, безлюдной деревни хранитель,
Некошенный, серый, под солнцем стареющий луг,
И купол вдали золотится, святая обитель,
И город пустой, перед ним возникающий вдруг,
И странные люди, одетые не по сезону,
И всё, что ты видишь вокруг, называется Зоной.

Зона...

На всей планете ты пока еще одна,
На сотню лет ты на забор обречена.
Здесь совесть каждого тобой облучена,
И биография с тобой обручена.
Ты как наглядное пособие беды...
В грядущем веке расцветут твои сады...
Терпеть и ждать – уж такова твоя судьба.
Терпи и жди, не прекращается борьба.
И странные люди, под яростный звон механизмов,
С хозяином Зоны отчаянно схватку ведут.
Здесь деньги не в счет, но, в отличие от коммунизма,
Здесь право на отдых отвергнуто правом на труд.
А той колокольни уже не услышим мы звона,
Немая молитва плывёт над квадратами Зоны...

Зона...

Ты как суровое чистилище людей,
Ты как хранилище загубленных идей.
Ты – цепь ошибок, поражений и побед,
Ты как защита от грозящих миру бед.
Ты – человеческой трагедии музей,
Ты – факт истории, как римский Колизей.
Хранить и верить – такова твоя судьба.
Храни и верь, не прекращается борьба.

РОМАНС О ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ПРИНЦЕССАХ

Вот приезжает перспективная зазноба
Одна, в столицу ликвидаторов – Чернобыль.
Гражданка едет, зная наперёд,
Что Зона – как гарем наоборот.
 И возникают интересные процессы:
 В ней пробуждается капризная принцесса.
 И несмотря на то, что дел невпроворот,
 Живет вся Зона, как гарем наоборот.
Идут в штанцах, павлинами ступая,
Как на балу у принца из Китая,
А партизаны рядом водят хоровод.
Ведь Зона – это как гарем наоборот.
 И комплименты слушать не устали,
 Хотя и нет у них давно на теле талий.
 У кавалеров слов амурных полон рот,
 Ведь Зона – это как гарем наоборот.
И сладострастия снимаются завесы,
Ведь дома были все давно, а тут – принцессы,
И фаворитов на постах – двенадцать рот,
Ведь Зона – это как гарем наоборот.
 Шикарной встречи ожиданием томимы...
 Ах! Если вы без «жигулей» – извольте мимо.
 Ведь у принцессы женихов – хоть целый взвод,
 Ведь Зона – это как гарем наоборот.
А кавалеры всё несут деликатесы,
Их уплетают толстощёкие принцессы,
Потом желудки дома лечат целый год,
Ведь Зона – это ресторан наоборот.
 Но наступает финиш поздно или рано...
 И вот принцессы превращаются в гражданок.
 Когда ж рванет автобус от ворот,
 Для них закончится гарем наоборот.
И без оркестра, митингов и прессы
Провинция встречает экс-принцессу.
И в одиночестве не раз всплакнет зазноба,
Душой и телом вспоминая свой Чернобыль.

МЕДИЦИНСКОЕ ТАНГО

*Перед едой дважды вымой руки и тщательно прополощи рот.
Перед сном перетряхни постельные принадлежности.*

Медицинские советы ликвидатору

Я дважды ручки не помыл,
Совет врачебный позабыл.
И рот я не прополоскал –
Ко мне нуклидик внутрь попал.

Он дом построил в животе,
И, хоть условия не те,
Он стал хозяйством обрастать,
Под огород кишки копать.

Я как-то лег под утро спать,
Забыл перетряхнуть кровать,
В меня вползла во время сна
Сама нуклидиха – жена.

Сыграли свадебку они,
Пошли медовенькие дни,
В печонке строят погребок,
А в отпуск ездят на лобок.

И наплодили нуклидят,
А те – во все глаза глядят,
Хоть что живое где-то есть –
Всё норовят схватить и съесть.

И организм мой стал сдавать:
Я не могу ни есть, ни спать,
Но доктор честь мне оказал:
В Зелёный мыс на СИЧ послал.

Там посмотрели мне нутро,
А их там – как в час пик в метро.
Еще чуть-чуть, и я, боюсь,
Грибочком атомным взорвусь.

Но мне сказали: «Не робей!
Побольше красненького пей,
И водкой рот не обижай.
К себе за стол друзей сажай!»

Я дважды рот прополоскал
И водку целый день глотал,
Но облегченья нету мне,
Не знаю я, по чьей вине.

Но доктор снова дал совет:
«Здесь клизма только даст эффект»!
В кишки ведро раствора влил
И всех нуклидов растворил.

Для соблюдения чистоты
Пошли мы с доктором в кусты...
И всё, что жить мешало мне,
Захоронил на глубине.

Теперь совсем стерильный я.
Хочу вам высказать, друзья:
Уж коли хочешь быть здоров —
Чти указания докторов!

ЧЕГО В ЧЕРНОБЫЛЕ НЕЛЬЗЯ

На припятский песочек
Прилечь бы на часочек
И ласковым загаром покрыть радикулит,
Но ведь нельзя же, люди,
Не то потом вам будет
Из бронзы скромный бюстик для кладбища отлит.

Принев

Среди городов самых разных
Чернобыль — скажу вам, друзья —
Столица житейских соблазнов,

Которым поддаться нельзя.
Растет на дармовщину
Шикарная малина,
Но слюни подотрите – для ягод не сезон,
Не то конец настанет,
И с колокольни грянет
В честь Вашей панихиды малиновый трезвон.

Припев

Захочется в охотку
Принять стаканчик водки,
Но в нашей Зоне трезвость – здесь только соки пьют.
Кордоны здесь лихие,
Условия плохие –
И выговор объявят, и водку разобьют.

Припев

А если вдруг на фото
Прорежется охота,
То снимок уникальный вам сделать не дадут:
Объявят вас шпионом,
Враз выпихнут из Зоны,
Бумагу вслед напишут и плёнку отберут.

Припев

А если вы с брюнеткой
У розовой беседки
Условились о встрече, то я скажу вам так:
Здесь где-то вирус СПИДа
Живет среди нуклидов,
А значит, на свидание идти нельзя никак.

Припев

Ночные променады,
Открытые наряды
И сексоприключения, коль по ночам не спишь...
На эти развлечения,

Для вашего спасения,
На всё покажет Зона огромный кукиш!

Припев

ПАРТИЗАНСКАЯ

Мы те, кто в сводках именуются «войска»,
Нас год назад сюда пригнали эшелоны,
Для нас до станции дорога не близка:
Не в «жигулях» сюда мы едем, а колонной

Народ прозвал нас очень хлётко – «партизаны»,
Мы составляем в Зоне свой, особый класс,
На дни рожденья пьем боржоми и нарзаны,
Поскольку нет в меню шампанского у нас.

Нам в Зоне чистенькой работы не дают,
Кому – стихи, кому – сухая проза.
Одним и премии, и слава, и уют,
А нам воды подчас напиться не привозят.

Нас кормят так, что нам не до потех.
Спасибо всем из военторга за заботу.
Но совесть чистой остаётся и у тех,
Кто презирает грязную работу.

Глаза сжигает пот, вокруг не вижу ничего,
А вспоминаю дом – и сразу катится слеза.
Не из-за денег там пашу, а для того,
Чтоб я спокойно сыну мог смотреть в глаза.

И хоть шальная здесь денюга, как на шабашке,
Я без заначки всё готов отдать жене,
И все эмоции в смиренной рубашке.
А по ночам порой кошмары снятся мне.

В костях у нас немало стронция набралось,
Певать на то, что в щитовидках йод...
Ну, а в душе – окаменелая усталость
И жажда встречи с теми, кто нас ждет.

ПРИПЯТЬ

Припять родная, милый наш город –
Строек высоты, мощность турбин.
Речки прохлады, стайки сосёнок,
Свечи каштанов, гроздь рябин.

Ты как сестра мне объятья раскрыла,
Тёплым приветом светили огни,
Двух сыновей я тебе подарила,
В Припяти стали парнями они.

Нынче тебя знает каждый прохожий,
Общее горе общей судьбы.
Ты для меня стала вдвое дороже
После случившейся грозной беды.

Мы возвратимся, пустим турбины,
Силу былую вольем в провода,
Розами алыми город обнимем,
Чтоб не расстаться уже никогда.

Трудности мы на лопатки уложим,
Жить тебе, Припять, в счастливой судьбе,
А молодёжь пригласим чуть попозже,
Пусть припятчан они дарят тебе!

В ту ночь оператор рыбёшку ловил,
Вдруг огненный смерч тишину разбудил.
Нескоро там сосны еще подрастут,
А город подумал (3 РАЗА):
Ученья идут.

Салютом смертельным пальнул до небес
Четвертый реактор любимой АЭС.
Не скоро детишки у нас подрастут,
А город подумал (3 РАЗА):
Ученья идут.

Разбросаны ГВЭЛы, дымится графит,
Как факел огромный, реактор горит.
Уж первыми пали СИУР и СИУТ,

А город подумал (3 РАЗА):

Ученья идут.

В машзале лежат посреди тишины
Обычные парни великой страны.
Светло и торжественно смотрит на них
Над Припятью небо, лучистое небо,
Смертельное небо, пока на двоих.

Пожарников смелых сомкнулись ряды,
Не зная всей меры той грозной беды.

Герои погибнут, герои умрут,

А город подумал (3 РАЗА):

Ученья идут.

ЗНАК БЕДЫ

Конечно, непривычно, когда не видно женщин,
И очень неуютно без маленьких детей...

Я никогда не видел, какой Чернобыль прежде,
Зато прекрасно знаю, какой же он теперь.

Пустые классы, лестница и детский сад не светится,
И болью отзывается закрытое окно.
Закрыты учреждения, и жизнь едва ли теплится,
Как будто видишь старое и страшное кино.

А в кадре треугольник – «ОПАСНО! РАДИАЦИЯ!»
Обочина заражена, безмолвен Рыжий лес,
Лишь скромные герои ведут дезактивацию,
Дела творят прекраснее всех сказочных чудес.

Кипит работа жаркая, и бой грохочет яростный
За каждую черешню, за милый нежный край.
Земля моя любимая! Ну, потерпи, пожалуйста!
Придем к тебе на помощь мы! Ты только не страдай!

Собрались силы мощные и я, частица малая,
Но с каждой каплей море становится сильней.
Страна пришла на помощь земле своей украинской
От горного Кавказа до каменных степей.

Я знаю, придёт время – откроются все двери
И жители вернутся к семейным очагам.
Чернобыль – символ мужества. Чернобыль – символ веры.
Чернобыль – символ дружбы, скреплённой на года.

Прошу: взгляните, люди. Как велика ответственность
За судьбы поколений, детей наших покой.
Чернобыль есть и Челленджер – необходимо взвесить всё
До ядерных ударов, безумства звёздных войн.

ТЕМ, КТО ПРИШЕЛ НА СМЕНУ

Вот и настала пора нам прощаться,
Сказать «до свиданья!» коллегам, друзьям.
Чернобыль, тебе мы отдали все силы,
Выполнив ратный свой долг до конца.
 В тесном сплочении особого круга,
 В трудных условиях, как на войне,
 Поняли здесь ещё раз, что без друга,
 Без воинской дружбы – тяжко вдвойне.
Жили сплочённо и не унывали,
Горе и радость – на всех пополам,
Трудностей быта мы не замечали.
За помощь, поддержку – спасибо друзьям.
 Чтоб расцвели и Чернобыль, и Припять,
 Чтобы заполнил их гул детворы,
 За это мы отдали жизни частицу.
 Так же, уверен, поступите вы.

ПРОЩАЙ, ЧЕРНОБЫЛЬ

Судьба военная – не мама,
Бросает вдоль и поперёк.
Случилась коль такая драма –
Наш путь к Чернобылю пролёг.
 Чернобыль – городишко тихий –
 Потряс собой весь шар земной,
 Принес стране немало лиха,
 Не обойдя нас стороной.

Мы в ходе долгого полета,
Округу стали озирать,
А выходя из вертолета,
Старались даже не дышать.
 И с подозрением глядели
 На каждый камень, каждый куст...
 Чернобыль, словно в чёрном теле,
 Был мрачен, тих, зловещ и пуст.
Лишь только мокрая дорога
Вдаль лентой чёрной пролегла,
С ветвей обильных яблок много
В свои обочины взяла.
 Закрыты ставни, окна слепы,
 С весны свет жизни в них потух,
 Не в силах сон порвать нелепый
 Забытый, брошенный петух.
Здесь нет суббот и воскресений,
Здесь нет свободных вечеров,
В цепи единой здесь мы звенья:
Побольше дел, поменьше слов.
 Здесь все в пути и все в дороге
 Не избегают мрачных мест.
 Уж протоптали наши ноги
 Тропинки прямо на ЧАЭС.
Незримый стронций мы глотали
Среди чернобыльской земли,
В себя рентгены набирали –
На что мы шли – к тому пришли.
 И вот приходит час расчетов
 И суетливой беготни.
 Нам всем домой скорей охота.
 Взгрустнув мы вспомним эти дни.
В прямом и переносном смысле
Чернобыль крепко в нас вошёл,
Но мы не ныли и не кисли,
Здесь каждый сам себя нашёл.
 Прощай, Чернобыль «лучезарный»,
 Прощай, четвёртый чёртов блок,
 Прощай, наш краткий труд ударный,
 Трудились каждый – кто как мог.

ВСЕМ ЖЁНАМ ЛИКВИДАТОРОВ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС ПОСВЯЩАЕТСЯ

От меня до тебя – всего два часа полета,
От меня до тебя – тропка в несколько рентген.
От меня до тебя – необычная работа,
Излученье многих кровель и свечение грозных стен.

Знаю я: у тебя волноваться есть причины,
Всем известно: Чернобыль – не курорт, не рай земной,
Но на то я и рождён, чтобы быть во всём мужчиной,
Чтобы ты, любовь моя, хоть иногда гордилась мной.

Мама, ты, ребёнок наш – ничего дороже нету...
Только, чёрт меня возьми, кто же это, коль не я
От нуклидов отскребёт обожжённую планету?
В чьих руках скорей остынет опаленная земля?

Пробежусь с ДН-5 по «Катюше» мимоходом,
И на «Маше» постою от одной до трех минут,
К «Свет-Наталье» подойду освинцованным уродом,
Те, кто были здесь однажды, те меня вполне поймут.

Плод усилий многих рук – улучшение обстановки:
Всё короче и тупей беспощадный штык-рентген.
Приближается к концу срок моей командировки,
Долг исполнив, я немедленно возвращусь в твой нежный плен.

Героизм на войне понимаю –
Быть *героем* в бою очень надо.
Но когда *героизм* – расплата
За беспечность, за незнание,
За работу спустя рукава –
Тут идея себя подменяет.
Смерть *героев* всегда выбирает,
Только лучше б виновных брала.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Детей не видно в городе – их нет,
Они все вывезены в безопасные районы,
Поэтому пустуют школы, детские сады
И не слышать велосипедных звонков перезвоны.
Здесь не увидишь весёлых парней,
В нарядной одежде девушек милых,
Стариков и старух на скамейках у ворот –
Тех, кто когда-то вели пересуды.
Конец апреля принес несчастье –
Взорвался четвертый энергоблок,
По округу расползлась радиация –
Даже подумать об этом никто не мог.
Страна узнала о несчастье,
Каждого задела чужая беда,
Посыпались взносы на счет 904,
И добровольцы стали проситься сюда.
Первым добровольцам пришлось труднее –
Им всё с нуля пришлось начинать:
Делать проекты, расчёты, схемы,
Температуру в реакторе понижать.
Дозик – дозиметристов здесь так величают –
Десять минут – и от реактора долой.
За этот срок так много надо сделать,
Чтоб труд не напрасен был твой.
Каждый старался как можно больше сделать,
Здесь на объект – как в атаку шли,
Чтоб с каждым броском как можно больше
У радиации отвоевать земли.
Вот уже сентябрь к концу подходит,
На днях могильник будет завершён.
В нём мирный атом будет смирным,
И для людей безвредным будет он.
Была в Чернобыле высокая радиация,
Всё живое должно погибнуть вокруг,
Но по утрам, как обычно, в 4:15
Слышу я, как поёт петух.
Он поёт чуть охрипшим голосом –
Видно тоже досталось дружку.
Кто увидит его – остановится,

Посылая привет петуху.
А вчера я увидела зайца –
К вертолётчикам он прибежал,
Под машину присел и замер –
От собаки большой убежал.
Долго будет держаться в памяти
ЧАЭС и жизнь, прошедшая в ней:
Те перебежки от стен до бункера
И сплоченность тех разных парней.
Разных только лишь по характеру,
А в работе – как твёрдый сплав,
Что не гнётся и не ломается,
На геройскую вахту встав.

БЫЛИННАЯ

Грешили мы не много и не мало,
Как люди – ели, пили, жили-были,
Не ведали ни страха, ни тревог,
Пока не очутились в Чернобыле.
Еще получит мужество стальных
Свои награды, фильмы и сказанья.
Хоть мы грешны не больше остальных,
За что же нам такое наказание?
Изрыт Чернобыль вдоль и поперёк,
Рентгеном хлеб и соль пропитаны.
Мы молча взяли все под козырек,
Не из геройства – просто так воспитаны.
Бедя случилась, надо пережить,
Работать, не выдумывать со скуки,
Что там, мол, невозможно жить,
Что люди косяками мрут, как мухи.
Там водку, говорят, рекою льют:
Она, мол, от рентгенов защищает.
Не верьте! Брешут, водку не дают.
Пьём минералку – так и вместо чая.
В мороз и в грязь, так много дней подряд
В срок подняли и отстояли,
А кто здесь не был – пусть не говорят,
Что пота и геройства не встречали.

Один за всех и все за одного
Варили, резали, ломали, ковыряли.
Нам жёны скажут, ежели чего,
Что мы нашли и что мы потеряли.
Устал, измучился ты, главное – держи
Хвост пистолетом и горюй не шибко.
Что делать, раз такая наша жизнь,
Чтоб за чужие отвечать ошибки.
Еще раз выпьем мы с тобою и споём,
Глядим вперёд – какие наши годы!
Да мы ещё, ребята, проживём!
Назло чертям, рентгенам и невзгодам!

Весна вставала на крыло,
Наряд готовила венчальный
Для жизни бурной, беспечальной,
Взмывала к небесам светло,
Стрелой неслась навстречу лету...
Но поседела в ночь одну,
И скорбно траурную ленту
Вплетала в белую фату.
Простилась с теми, кто с бедою
На узкой встретился тропе,
Невеста юная вдовою
Вдруг стала,
Но своей судьбе
Глазами ясными, как небо
Бесстрашно глянула в глаза,
И на худые всходы хлеба
Не пала чистая слеза.
Застыли в нежном сердце слёзы
В потоке напряжённых дней,
И клокотали тупо грозы
Без светлых проливных дождей.
Но люди строили плотину
Из нерушимых крепких плеч,
Собой остановив лавину.
От горя землю убережь
Они пришли по долгу чести,

Оставив прежние дела.
А где-то в тихом грустном месте
Трава седая проросла
Тягучей материнской болью
Из сердца плачущей земли...
Над затаившейся бедою
В высоком небе журавли
Летят к родным своим болотам
По зову инстинктивных сил.
А здесь внизу кипит работа,
И вместе все, и всяк один
На этом ратном поле воин,
И для сомнений нет причин.
Здесь даже юноша достоин
Встать в строй отважных –
В строй мужчин.

По нашей жизни торным шляхом
Пролег апрельский черный дым,
Весна, отравленная страхом,
И май, родившийся седым.
Та ночь, расколота взрывом
На «до» и «после» навсегда.
Здоровым, любящим, счастливым
Нам слово горькое – «беда»
На сердце выколола прочно.
Десятки тягостных невзгод
Закольцевала в круг порочный,
Втолкнула в жуткий хоровод
Утрат, поступков, слов, событий
Не сотни – тысячи людей,
И главное, среди открытий,
И светлое среди идей
Подверглись травле и нападкам
И изнутри, и со сторон.
Поднадоевший всем порядком
Европы оголтелый стон
Волной эфира режет уши:
Ах, апокалипсис – Чернобыль!
Ах, надо запретить АЭС!

Но ведь небезызвестный Нобель
Не зря короновал прогресс.
А ну вас всех! Не плюйте в души
Тем, кто, прикрывшись «лепестком»,
Без громких слов и малодушья
Шагал к реактору в пролом,
Собою землю прикрывая.
Эй, обыватель! Поклонись
Им до земли, у них такая,
Как у тебя почти что жизнь —
Короткая и дорогая,
Но жизнь, исполненная смысла.
А ты с вокзалов возле касс,
Когда мы выезжаем с Мыса,
Отборной бранью кроешь нас,
И, дёру дав от военкома,
Об этом с гордостью кричишь.
Мы там, а ты укрылся дома
И вместе с совестью, храпишь.
Да чёрт с тобой, спокойной ночи,
Других ведь миллионы есть,
Хороших несравненно больше,
И потому мы нынче здесь.
Та ночь прошла водоразделом
По нашей жизни и судьбе,
Кто долг оплачивает делом,
Кто ищет выгоды себе,
Дерьмо всплывает на поверхность...
О, свежий ветер перемен,
Подуй на наших дел безбрежность
И скверну смой с бетонных стен,
Политых благородной кровью
Друзей, товарищей моих.
Пусть жертва их стучится болью
В сердца оставшихся в живых.
А мы рвачей и бюрократов
Не вправе допускать туда,
Где страшный, хоть и мирный, атом
Посредством жизни и труда
В железо и бетон закован,
Как распоясавшийся враг.

Пусть станет долг для всех законом,
А знаменитый Саркофаг
Пусть уникальным будет вечно,
Одним на всей большой земле.
Недопустима здесь беспечность,
Не то заблудится во мгле
Земля слепая, во Вселенной
Средь звезд свой не отыщет путь.
Планета наша! Будь нетленна!
И только мирным атом будь!
... По нашей жизни чёрным шляхом
Пролег апрельский чёрный дым,
Весна, отравленная страхом,
И май, родившийся седым....

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Чернобыль вышел из контроля,
Всю Зону взрывом разнесло,
Плитой бетонной завалило,
Водой активной залило.
Для ликвидации последствий
Событий припятских лихих
На нашей фирме отобрали
Бригаду мальчиков шальных.
Их для постоя разместили,
В гинекологию загнав,
В простые робы обрядили,
На грудь кассеты привязав.
А дальше началась работа:
Развал, машзал и Рыжий лес...
Меж труб с дозиметром ныряли,
Метались сталкеры ЧАЭС.
В пролом ползём мы под трубою,
Лицо потеет в «лепестке»,
И телекамеру толкаем
К свинцовой куче вдалеке.
А рядом – комната глухая,
В ней термопары на стене,
Температура здесь такая,

Что ноги преют в сапоге.
Активность быстро нарастает,
И пот с лица смывает фон...
А оператор всё снимает,
Лишь мат не пишет в микрофон.
Чуть что – откапывать не станут:
Активность слишком высока.
В Москву отправят телеграмму:
«Родня, не жди домой сына!»
Труды и пот наш не пропали...
Оценен в бэрах каждый шаг.
Нам общим памятником станет
Великолепный Саркофаг.

ГРУЗИН В КИЕВЕ

33 рентгена, 33 рентгена...
Я стою у взлетной полосы.
Мне уже сегодня море по колено –
Я достал свинцовые трусы.
Два билета только, два билета только,
Ты любую цену назови.
Для кого-то просто выброс изотопов,
Для меня же провода любви.
Очень много йода, очень много йода...
Я стою, стараюсь не дышать.
Это просто счастье – лётная погода,
А не то б пришлось пешком бежать.
Бросил Киев, ранок, бросил мандарины:
Ну кому они теперь нужны?!
Деньги – это деньги, если ты мужчина,
А не просто кепка и штаны.
Вот уже посадка, вот уже посадка,
И дрожит на старте самолет.
Наше расставанье протекает жарко –
Вряд ли я вернусь и через год.
Вот уже и дома, вот уже я дома.
Всё равно мне в жизни не везет:
Не успел отъехать от аэродрома –
Узнаю, что Грузию трясет.

НЕ КОМАРОВО

Не на месяц до второго
И, увы, не в Комарово,
Не бродить у скал прибрежных,
А у припятских чудес,
Нас со всей страны собрали,
От семей поотрывали
На экскурсию в Чернобыль
И, конечно, в Рыжий лес.
Не на месяц до второго
И, увы, не в Комарово.
На экскурсию в Чернобыль
И, конечно, в Рыжий лес.
Вся Европа кроет матом
Наш спокойный мирный атом –
Расщепился, раздробился
И со станции сбежал.
Жизнь испортил взрыв от блока,
Но поверьте, что до срока
Блок четвёртый похороним,
А не то нам грош цена.
Не на месяц до второго
И, увы, не в Комарово...
Блок четвёртый похороним,
А не то нам грош цена.
Такой маленький, зараза,
Хоть смотри в четыре глаза,
Не старайся – не увидишь,
Ну а что он натворил:
Порешил леса и поле,
Вся страна хлебнула горя,
Сколько он испортил крови,
Сколько жизней загубил.
Победить его должны мы,
Пока кровь течёт по жилам,
Пока дух мужицкий крепок.
Это всё не бред, а быль.
И когда-то своим детям
На вопросы все ответим.
Я хочу, чтоб не узнали

Люди новый Чернобыль.
Не на месяц до второго
И, увы, не в Комарово...
Я хочу, чтоб не узнали
Люди новый Чернобыль!

О ЧЕРНОБЫЛЕ

То, друзья, не сказка – это был:
Есть на свете город Чернобыль.
От рентгенов здесь звенит сосновый лес,
Пыль звенит, нет в мире звонче мест.
Но собрался здесь такой народ –
Им не надо лозунгов «Вперёд!»,
И не ждут здесь окончания смен,
Им не важно, сколько здесь рентген.
Этим людям в пояс поклонюсь.
Только почему же гложет грусть?!
Только на глазах моих слеза,
Только не сказать: «Туда нельзя».
Не свети, сосновый лес,
Здесь опять работает ЧАЭС
И реактор спрятан за стеной.
Но один вопрос: «Какой ценой?»

Солнца диск упал за горизонт,
Ночь свои чернила разливала.
Этот свет не ловим мы, как сон,
Лишь дозиметры его считают.
Пожелтевший лес и жёлтый знак –
На обочину сходить не стоит,
Выгоревший первомайский флаг
Из окна безлюдного свисает.
Зреют груши, яблони и сливы,
Чтоб упасть в поднявшийся сорняк.
Тракторов опять не слышат нивы,
И замки, замки на всех дверях.
Гул моторов через Копачи,
Вот он – поворот направо.

Впереди поднялись две трубы –
Этих грустных мест былая слава.
Но сюда без дела не ходи –
Свила смерть гнездо в четвёртом блоке,
Радиоактивные лучи
Освещают здешние дороги.
Но теперь ничто не изменить.
Уповаю лишь на респиратор,
Мирный атом мы сумеем укротить,
Только стоит это многовато.
Что такое «двадцать пять рентген»?
Что такое «стронций», «дезий», «йод»?
Всё узнаем это мы потом,
А сейчас приказ у нас – вперёд!

ГЕРОЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ

В украинский город малоизвестный
Пришла нагаданно беда,
Оборвав все звонкие песни.
Жестокая, как всегда.
Тенью прокралась она к порогам,
Росою на землю легла.
Наделать она могла очень много
Людям горя и зла.
Но только народ видно особый –
Душа у всех одна:
Вздрогнул в тревоге один Чернобыль –
Откликнулась вся страна.
Сюда приезжали не по приказу,
Их даже не долг послал,
Для всех и для каждого как-то сразу
Весь город братом стал.
Открылись сердца, распахнулись все двери,
Давая тепло и приют.
Не выразить словом, ничем не измерить
Какие здесь люди живут.
Как хочется мне, чтобы все на планете
Вот так же за руки взялись,
Чтоб спали спокойно и мамы, и дети,
Счастливой была наша жизнь!

Сюда собрался разный люд:
Кто хочет денег, а кто славы,
Но в большинстве сюда идут,
Кто проповедует другие идеалы.
Да, все мы люди, все хотим мы жить,
Любить и верить, ждать и ошибаться,
Но ведь когда-то надо нужным быть
И за живое дело крепко взяться.
Нас много в Зоне, очень много,
Но тем не менее для всех работа есть,
Которой хватит ох как нам надолго,
Что, видимо, и даже лет не счесть.

ГЕРОЯМ-ЛИКВИДАТОРАМ

По радио спокойный голос,
Спокойный голос из Кремля:
«Товарищи! Мы возродим Чернобыль!
Встает на помощь вся страна».
Так часто на Руси бывало...
Обняв детей, жену и мать,
Забыв про сон, по зову сердца
Четвёртый блок шли закрывать.
Минута – смена, снова смена,
Нельзя секунды потерять.
Вперёд, чтобы турбина пела,
И пахарь землю мог копать
Руководителя, забывшего про совесть,
Бежавшего, схватив жену, хрусталь, кровать,
Как трус, как заяц – то не новость,
Его не стоит больше вспоминать.
Запомним тех, кто на пожаре
Бежал к огню, глотая дым,
Кто знал – возможна гибель,
Но долг свой не считал иным.
Запомним тех, кто гнал каскады,
На крыше был, щиты стропил,
Запомним тех, кто был на кранах,
Свинец грузил, бетон возил.

Гордиться может сыновьями
Страна моя и мой народ!
И в этот день, гордясь сынами,
Земля поклон героям шлет!

Лезь в телогрейку, сапоги и шапку,
ДП на грудь, датчик вместо шашки!
Ударим шаг по улочкам щербатым,
Мы из ДК, разведчики, солдаты.
Рвануло пламя на четвёртом блоке...
«Звенят» леса, поля, дома, дороги...
Хоть в происшедшем мы не виноваты,
Но мы в ДК, а значит, мы солдаты.
Заправившись в столовой пшенной кашей,
Бежим на «Катю», «Машу» и «Наташу».
Не маньяки мы вовсе, не фанаты:
В дозслужбе мы, и, стало быть, солдаты!
Работаем – такое наше дело,
Как говорится, Родина велела.
Сгораем мы и дышим через вату,
Мы в Чернобыле, стало быть – солдаты.
Придет пора – заменят нас на вахте,
Как водится – мы по стакану трахнем,
Махнём рукой опустошённым хатам...
Пусть в дембеле, но всё же мы солдаты.
Пройдут года, и вспомним мы когда-то,
Как здесь в ночи разбушевался атом,
Как мало спали и ругались матом,
Как с той поры мы числимся в солдатах.

МЕСТЬ ПРИРОДЫ

Не сплывёт беда водою
Ни по воле, ни по прихоти.
Затянуло всё бедою,
Как вода весенней Припяти.
По Днепру несёт беду
В города и по селениям.
Наяву, а не в бреду
Страх вселяет населению.

То не сказка – жизни быль:
Сеет смерть трава былинная –
Древний город Чернобыль
Смерть несёт над Украиною.
Не война, а хаты брошены,
Кошки ходят одичалые,
На полях хлеба не скошены
Осыпаются печальные.
Мстит природа человеку
За насилие над ней,
За поля, леса и реки,
Загрязнение морей.
Ты прости, земля родная,
Зла не помни на детей...
В синем небе кружит стая,
Стая белых журавлей...

ПЕСНЯ О ГРАНИТНЫХ ПЛИТАХ

Плит немало на кладбище новых,
Нервы всмятку, как к сердцу наган.
Вижу черное слово – «Чернобыль»,
Рядом – алое слово «Афган».
Мы победу купили в кредит,
Погрешив – торговаться не стоит.
А рублей золотые дожди
Отольются венками из хвои.
Ордена мародерам дают
Под серебряный звон премиальных,
Будто каждому в душу плюют,
Кто не слышал тех залпов прощальных.
Тот, кто раньше стоял у руля,
Тот теперь уже недосыгаем:
Пенсионная книжка – броня,
От судилища оберегает.
В ресторанах гульба до упаду,
Наслажденья любой ценой.
Все мы, словно продукты распада
Дочернобыльской эры иной.
Дай нам, Бог, хоть немного везенья,
Хоть не верим в тебя, защити.

Защити от осколков деленья,
Что готовят нам финиш пути.
Успокоят остывшие щёки
Руки матери, друга ль, жены...
Из опавших плодов давят соки,
Ну, а дети – они рождены.
Растекается спирт по стаканам,
Несмотря на запретный указ,
За Чернобыль, за горы Афгана
Пусть до дна выпьет каждый из нас.
...Приводите детей к этим плитам,
К облучённым, сожжённым, убитым,
Не молчите, мол, вы ни при чём,
И не лгите, за что и почём...

ПЕСНЯ О ЛОЗУНГАХ, ИЛИ СУД В ЧЕРНОБЫЛЕ

Жить в лозунге удобно, как в шезлонге,
Не надо думать – лозунг сам неглуп.
Тебя остудит лозунг в лето злое,
Зимой – согреет жарко, как тулуп.
Покроет лозунг плешь, заменит дело,
Во тьме посветит, приукрасит суть,
Удачный лозунг путь укажет смело,
Плохой ли, верный – но надёжный путь.
И если он шагает в ногу с веком,
И согласован правильно фасон,
Вполне заменит лозунг человека,
В момент его погрузит в нужный сон.
А если человек, шагая в спячке,
Споткнётся и поклажу разобьёт,
Накажут лишь его, а лозунг спрячут,
Чтоб не мешал другим храпеть и впредь.
Я изучил всю Зону досконально,
Мотался и смотрел по сторонам.
И столько всяких лозунгов банальных,
Смешных и грустных реют тут и там.
Пустая деревня, смех ликвидаторов:
«Мирный атом – в кожную хату!»
Шоссе на Чернобыль, вид на природу:

«Братский привет зарубежным народам!»
Там, где созданы все механизмы:
«Чернобильська АЭС працює на комунізм!»
Город Припять, не помню даты:
«Хай буде атом робітником, а не солдатом!»
И целая стая
Иных хаев...
А лозунг под топор идти не хочет,
Ему теперь и страшно, и смешно.
Что было до и после страшной ночи –
Всё на глазах у лозунга прошло.
Под лозунгом дремали сладко сони,
В почете, отогревшись от забот.
Они еще тогда зачали Зону
И вовремя не сделали аборт.
И «волг» и «чаек» хлопают клаксоны,
И воронье спускается с небес:
В закрытой под семью замками Зоне
Открытый открывается процесс.
Начальники публично дали слово,
Что вскроют всё до истинных причин,
Чтоб больше не стряслось нигде такого,
Всех обнажат, каков бы ни был чин.
Мы жадно ждали сведений из Зоны,
Но пресса сохраняла немоту.
Там, в Зоне, может, правду и сказали,
Но кто её услышал, правду ту?
Но приговором ведь не вылечить ожоги,
И мудрым кодексом пшеницу не отмыть.
Скамей не хватит в этом зале строгом,
Чтоб всех на них виновных посадить.
И вместе мы, и каждый в одиночку
Виновны мы, что на полсотню лет
Приговорили Зону к одиночке,
А на амнистию, увы, надежды нет.
И всей стране за двадцать лет застоя,
Где лозунг опоясал каждый год,
Дают экономисты и историки
Лет десять принудительных работ.
Но я уверен – просветлеют лица,
Когда, поставив на молчанье крест,

В открытой зоне, где-нибудь в столице,
Закрытый приоткроется процесс.
А лозунги убрать – не так уж сложно...
Чтоб не обидеть фальшью новый век,
На коммунизм, без всяких там шезлонгов,
Не станция «працює» – человек!

ЭКСПЕРИМЕНТ ВЕКА

Страну всколыхнуло Чернобыля лихо.
И сразу научной мысли венец:
Кворум «бессмертных» собрался тихо,
Решили – бросать в реактор свинец.
Свинец доставляли с Алтая, Сибири,
Везли самолетами из Италии...
С таким же успехом реактор бомбили бы,
Снарядами или минами рвали!
А винтокрылые пошли каруселищей,
Висели над кратером, рискуя сорваться...
Запасы свинца у нас есть ещё?
Оставьте для будущей дезактивации?
Реактор, смертельный удар принимая,
Швырял в ответ миллионы кюри.
Адов огонь цветущему маю,
Земле и воде приказал: «Умри!»
Нам не хватает йода и стронция!
Нам нужен как воздух рутений и цезий!
Встаёт над Чернобылем чёрное солнце
Будущих похоронных процессий!
Сам Александр заявил принародно,
Давая гарантию работы безопасной:
«Уран-графитовый с кипящим водным
Можно поставить хоть на площади Красной!»
Не оценил академик момент –
После Чернобыля шутить неуместно.
На площади поставили позорнейший эксперимент –
Над ней на бреющем летала «Сэссна»!
«Во имя человека и для блага человека!»
Показано делом, не только словами.
В нашей стране – эксперименты века!
А это непросто. Гордитесь, славяне!

НА СМЕРТЬ Н. С. ШАЛАМОВА

Настоялась, выдержалась боль
Через лето, листопад и вьюгу,
Нашу душу поперёк и вдоль
Искромсала и пошла по кругу.

Припев:

В скорбном перечне павших,
В смертной схватке с бедой
Стал ты первым из павших,
Кто же вслед за тобой?
Уходящих героев
Принимает земля...
Кто же вслед за тобою?
Может, друг, может, я...

Смерть друзей, болезней хоровод,
Выходы из Зоны, возвращенья –
Полоса невзгод длиною в год,
Нет конца утратам и лишениям.

Припев

Настоялась, вызрела печаль,
Сердце в клочья рвет тоска по другу.
Беспощадной памяти печаль
Нам плохую делает услугу.

Припев:

В скорбном перечне павших,
В смертной схватке с бедой
Стал ты первым из павших,
Кто же вслед за тобой?
Поседела от горя
Родная земля.
Кто же вслед за тобою?
Может, друг, может, я...

БАЛЛАДА О СЕДОЙ ВЕСНЕ

Весна вставала на крыло,
Наряд готовила венчальный
Для жизни бурной, беспечальной,

Взмывала к небесам светло,
Стрелой неслась навстречу лету...
Но поседела в ночь одну,
И скорбно траурная лента
Легла на белую фату.
Простилась с теми, кто с бедою
На узкой встретился тропе,
Невеста юная вдовою
Проснулась. И своей судьбе
Глазами ясными, как небо,
Наивно глянула в глаза,
И на худые всходы хлеба
Не пала чистая слеза –
Застыли в нежном сердце слезы
Под тяжестью свинцовых дней.
И глухо клокотали грозы
Без щедрых проливных дождей...
А люди дамбу возводили
Из судеб, душ, плечей, сердец,
Собою рану бинтовали
Своей земле. Весны венец.
Её жестокое проклятье
Снимая с бледного чела,
Как тело с чёрного распятия...
А над рекою расцветала
Печаль полыньёй-чернобылкой,
Ковылью вызрела тоска.
А по душе девичьей, пылкой
Метель прошла, и у виска
Свой след оставила седая...
Ошеломлённая весна!
Жестокий дым беды глотая,
Без отдыха, любви и сна,
В набатном звоне голоса,
О, не давай забыться нам,
Терзай нам душу до озноба!
ВЕСНА!
АПРЕЛЬ!
ПОЖАР!
ЧЕРНОБЫЛЬ!

РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ

Я стою у могильной плиты...
Опоздал... извините, ребята.
Мне б до вашей святой высоты
Дошагать, дорасти хоть когда-то.

Привет:

Нас на подвиг обрекала ваша смерть,
Отстоять должны мы жизнь у белой смерти.
Мы сожгли себя, наверное, на треть
Лишь за год. Но ведь у нас еще две трети.
Перед памятью вашей не вру.
Да и много ли скажешь словами?
Пусть горим, как свеча на ветру,
Но всегда мы в долгу перед вами.

Привет

Нас в герои вывела судьба,
Нас в горнило битв бросает случай,
Нам досталась трудная тропа...
Мы – как все: не хуже и не лучше.

Привет

ВЕРДИКТ

Горел не блок,
Горел порок –
Итог премноголетней фальши,
Что возводилась в абсолют.
А наша боль, утраты наши,
Наш полуподвиг-полутруд –
Суровый счёт, вердикт, расплата
За эти годы, ложь и фальшь,
За вседержавный камуфляж,
На коем наша жизнь распята.

Горел не блок,
Пожар – итог
Эпохи лжи,
Продукт распада

Премноголетнего вранья!
Лежат на Митинском ребята,
Что верили всему, как я,
Как ты, как он,
Как все мы вместе...

Страна, играющая в дым...
Но был пожар,
И долгом чести
Вдруг стало телом молодым
Закреть дремавшую державу,
Собою совесть разбудив.
В который раз посмертно славу
И стройный ряд седых могил
Во искупление ошибок
Ты сыновьям дала, страна?..

Над скорбным полем ветер зыбок,
Карает души тишина...
Горел не блок!
Не только блок!
Пожар – урок,
Урок жестокий!
Не дай нам бог таких уроков!
Не дай нам бог таких эпох!

Литературно-художественное издание

РАЗНОЦВЕТЬЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Стихи. Проза. Воспоминания

Ответственные за выпуск
Михайлов Владимир Алексеевич, Калиняк Александр Юрьевич

Корректор *Ю. И. Молокова*
Компьютерная верстка *Д. Р. Мазай*

Подписано в печать 11.04.2016. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 100 экз. Заказ № 877

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru